

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

№ 2 (12) • 2013

COMPARATIVE POLITICS

СВИДЕТЕЛЬСТВО о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38335 от 8 декабря 2009 г.

Главный редактор

А.Д. Воскресенский, д.полит.н.,
д. философии (Манчестерский ун-т), проф.
Alexei D. Voskressenski, Prof. Dr.Pol.Sc.,
PhD (University of Manchester)

Заместитель главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., проф.

Ответственный секретарь

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Редакционная коллегия номера

А.Д. Воскресенский

В.В. Гриб

С.И. Лунев

Е.В. Колдунова

И.Ю. Окунев (выпускающий редактор)

О.Г. Харитонова (редакция номера)

Редакционный совет

Т.А. Алексеева, д.филос.н., проф.,

заслуженный деятель науки РФ

В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф.

В.В. Гриб, д.ю.н., проф.

В.И. Журавлева, к.и.н., доц.

М.В. Ильин, д.полит.н., проф.

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

В.Г. Ледаев, д.филос.н., д. философии

(Манчестерский университет), проф.

М.М. Лебедева, д.полит.н., проф.,
заслуженный работник высшей школы РФ

В.В. Михеев, д.э.н., проф.,

член-корреспондент РАН

О.В. Павленко, к.и.н., доц.

Е.В. Попов, к.ю.н., доц.

В.Д. Соловей, д.и.н., проф.

Л.В. Сморгунов, д.полит.н., проф.

М.В. Стрелжнева, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф.

Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф.

Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф.

А.Ю. Шутов, д.и.н., проф.

И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц.

Международный консультационный совет

Профессор *Ayse Ditrîhs*

(Университет Анкары)

Профессор *Akihiro Iwashita*

(Университет Хоккайдо)

Профессор *Zhao Huasheng*

(Фуданьский университет)

Профессор *Klaus Segbers*

(Свободный Университет Берлина)

Профессор *Anne de Tanguy* (Сьянс По)

(Свободный Университет Берлина)

Профессор *Yu-Shan Wu*

(Институт политологии, Academia Sinica)

Профессор *Alexander Zhebit*

(Федеральный университет Рио-де-Жанейро)

Профессор *Charles E. Ziegler*

(Университет Луисвилла)

Профессор *А. Файзуллаев*

(Университет мировой экономики
и дипломатии Узбекистана)

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»: Гриб В.В.

Редакция:

Бочарова М.А.,
Лаптева Е.А.

Центр подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный)

Адрес редакции:

115035, г. Москва, Космодамианская

наб., д. 26/55, стр. 7

Тел. (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru;

http: www.lawinfo.ru

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая
группа». Тел. (4842) 70-03-37

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Физ. печ. л. — 27,0.

Усл. печ. л. — 27,0.

Общий тираж 3000 экз.

Цена свободная.

Номер подписан в печать: 04.03.2013 г.

ISSN — 2221-3279

© Воскресенский А.Д., 2013

© Сравнительная политика, 2013

© Издательская группа «Юрист», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

- Е.С. Устинович.** К вопросу о понятии современной политики государства в сфере информационных технологий..... 4
- В.М. Алпатов.** Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двужызычная» практики и проблема языковой ассимиляции 11
- А.А. Кирилловых.** Организационно-правовые основы выставочной и ярмарочной деятельности..... 23

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

- А.Е. Чирикова.** Женщина во власти и бизнесе: сравнительный анализ российских и французских практик 29
- Ли Син, Ван Чэнсин.** Стратегия энергетической безопасности Китая в Центральной Азии..... 50
- Е.В. Колдунова.** Роль Шанхайской организации сотрудничества в регионе Центральной Азии: сравнительный анализ исследовательских дискурсов 60

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ДИСКУССИИ

- С.И. Лунев.** Развитие образования (базовое и высшее образование, аспирантура) и науки в Китае и Индии 70

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

- Д.А. Верхотуров, А.А. Верхотуров.** Сравнительное правоведение: романо-германские правовые системы в странах АТР..... 82
- С.Ю. Колмаков.** Сравнительно-правовое исследование свободы слова в России и Китае. Влияние российской правовой системы на китайскую 87

- Научная жизнь* 92
- Обзоры и рецензии*..... 94
- На книжной полке* 102
- Аннотации статей*..... 106
- Об авторах*..... 111
- Информация для авторов*..... 112

CONTENTS

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

- Elena Ustinovich.** On the Concept of Contemporary State Policy
in the Sphere of IT 4
- Vladimir Alpatov.** Language Policy in the Contemporary World:
Monolingualism and Bilingualism Practice and Language Assimilation 11
- Andrey Kirillovykh.** Legal Basis of Exhibitions' and Trade Fairs' Organization 23

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

- Alla Chirikova.** Women in Establishment and in Business:
Comparative Analysis of Russian and French Practices 29
- Li Xing, Wang Chenxin.** China's Strategy of Energy Security in Central Asia 50
- Ekaterina Koldunova.** The Role of Shanghai Cooperation Organization
in Central Asia: Comparative Analysis of Research Discourses 60

DISCUSSION

- Sergey Lunev.** Education (Basic, Higher, and Postgraduate)
and Science Development in China and India 70

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

- Dmitry Verkhoturov, Andrey Verkhoturov.** Comparative Legal Studies:
Romano-Germanic Legal Systems in the Asia-Pacific states 82
- Stanislav Kolmakov.** Comparative Legal Study of the Freedom of Speech
in Russia and China. Russian Legal System' Influence
on the Chinese Legal System 87

- Academe* 92
- Reviews* 94
- On the bookshelf* 102
- Abstracts* 106
- Our Authors* 111
- Information for Authors* 112

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Е.С. Устинович

Государственная информационная политика, как один из важнейших элементов системы управления государством, нуждается в теоретическом обосновании.

Прежде всего, определим, какое содержание вкладывает современная наука в понятие «государственная политика». Можно согласиться с мнением современного исследователя Ю.А. Нисневича, считающего, что в конечном счете вся «совокупность целей и способов их достижения, стратегии и тактики управления, принципов и методов выработки и реализации управленческих решений для регулирования и развития определенной сферы (экономической, социальной, информационной, внешнеполитической и т.д.) жизнедеятельности общества и государства составляет суть государственной политики в той или иной сфере»¹.

Само понятие «политика» в теории трактуется неоднозначно. Феномен политики, к примеру, Аристотель рассматривал как вид общения, усматривая природу определяемого феномена в коллективной, целенаправленной деятельности в интересах общества².

В самом широком смысле политику можно трактовать как особую сферу жизнедеятельности людей, связанную с властными отношениями, с государством и государственным устройством, социальными институтами, которые призваны функционировать и действовать в соответствии с законами, принципами и нормами и тем самым гарантировать жизнеспособность граждан разных сообществ людей, реализацию их общей воли, интересов и потребностей.

Государственная политика — инструмент государственного управления, который определяет содержание процессов государственного управления. В определенном смысле государственная политика представляет последовательность управленческих решений в рамках принятых в обществе норм и традиций.

Информационная сфера является одним из важнейших объектов государственного управления, в частности, реализации государственной информационной политики. Информационное взаимодействие между органами власти, внутри общества, внутри власти — непременное условие устойчивого развития государства, его единства и целостности.

Понятие «информационная политика» в рамках современных подходов базируется на понятиях «коммуникация» и «информация».

В самом простом понимании коммуникация — процесс распространения информации. Иначе говоря, если коммуникация — механизм, общение, то информация — содержательная сторона такого общения. Однако при всей внешней простоте понятие «коммуникация» лежит в основе ряда теоретических концепций, являющихся основой разработки и реализации информационной политики.

В современной литературе существует ряд различных определений коммуникации. Прежде всего, согласимся, что в самом общем плане коммуникация представляет собой «процесс взаимодействия и способы общения, позволяющие создавать, передавать, принимать разнообразную информацию посредством

общей системы символов (знаков), языковых знаков, в частности»³.

По мнению американского социолога Чарльза Кули, под коммуникацией следует понимать «механизм, с помощью которого осуществляются и развиваются человеческие взаимоотношения»⁴: все «символы, заключенные в разуме, а также средства для передачи их в пространстве и сохранения во времени»⁵.

Несомненно, данное определение является чрезвычайно размытым, однако Ч. Кули прямо указывает на важность процессов коммуникации для жизнедеятельности общества.

Г. Гербнер, определяя коммуникацию как «социальное взаимодействие, осуществляемое с помощью сообщений»⁶, акцентирует внимание на важной социальной роли, а также нелинейности процесса коммуникации. Напротив, как процесс однонаправленный, линейный, лишенный обратной связи определяют коммуникацию американские социологи С. Теодорсон и А. Теодорсон⁷.

В отечественной литературе также нет единого мнения относительно понятий «коммуникация» и «коммуникативный процесс».

В.П. Конечкая, акцентируя внимание на том, что коммуникация представляет собой «социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового общения по разным каналам при помощи различных коммуникативных средств»⁸, не делает различия между массовой и межличностной коммуникацией. В парадигме политологического исследования как механизм общения и взаимодействия общественных субъектов определяет коммуникацию С.В. Коновченко⁹. Более узко, как односторонний направленный процесс «субъект-объектных отношений» трактует понятие коммуникации Т.В. Науменко¹⁰.

Наиболее точно с точки зрения системного анализа явления, по наше-

му мнению, коммуникацию понимает Ф.И. Шариков: «Под коммуникацией в широком смысле понимается и система, в которой осуществляется взаимодействие, и процесс взаимодействия, и способы общения, позволяющие создавать, передавать и принимать разнообразную информацию»¹¹.

Систематизируя рассмотренные подходы и трактовки понятия коммуникации, можно сделать вывод о том, что в широком смысле коммуникация — это передача информации от одного человека к другому, способ доведения индивидом до других людей идей, фактов, мыслей, чувств и ценностей.

В современной научной литературе известен целый ряд коммуникативных моделей, как учитывающих процесс обратной связи, так и однонаправленных. Так, модель коммуникации Шеннона-Уивера представляет собой однонаправленный линейный процесс. Авторы модели учитывают процессы кодирования и декодирования информации, шумы-помехи, однако существенным минусом данной модели является то, что она не учитывает процессы «обратной связи» и реакции получателя информации. Совершенно очевидно, что применение данной модели в процессе государственного управления может привести к потере ответных реакций со стороны общества и вследствие этого существенно понизить эффективность государственного управления. Несколько иной в этом смысле представляется модель коммуникации Г. Лассуэла, которая хотя и учитывает, в отличие от модели Шеннона-Уивера, последствия коммуникативного акта, однако процесс «обратной связи», характеризующий социальную систему государства, она также не берет в расчет.

Среди ряда других коммуникативных моделей особо следует выделить модель коммуникации Н. Винера. В данной модели коммуникации отдельные личности или организации не выступают в каче-

стве субъектов информационного пространства. Тем самым субъект коммуникации представляется условным, что позволяет применять модель в отношении широких масс. В отличие от рассмотренных выше двух других моделей коммуникации модель Винера органически включает в себя процесс «обратной связи» в качестве ответных реакций на проводимую политику государства.

Цель коммуникации — добиться от принимающей стороны точного понимания отправленного сообщения. Коммуникация осуществляется с помощью различных механизмов. Как считает немецкий ученый Н. Луман, основополагающей константой общественного развития является образование систем исключительно благодаря коммуникации. С этой точки зрения власть представляет собой «символически генерализованное средство коммуникации»¹². Общество, по мнению Н. Лумана, проходит несколько стадий развития. Первый этап характеризуется некой целостностью, аналогично биологическому организму. Кибернетика открыла второй этап развития общества в связи с появлением новых системных представлений об обществе. На данном этапе развития акцент делался на изучении открытых систем с обратной связью. При этом система обладает подвижными границами, таким образом, представляя собой иную целостность, имеющую особые свойства, которые не сводятся к свойствам элементов и структуры системы. Третий этап развития общества у Н. Лумана описан как «теория самореферентных систем», в рамках которой социальные системы рассматриваются не как системы действия, а как системы коммуникаций, самовоспроизводящиеся в ходе непрерывных коммуникационных процессов. При таком подходе, соответственно, коммуникация не сводится лишь к передаче информации. Важными характеристиками системы являются наблюдение и контроль за собственным поведением,

огромную роль в которых играют средства массовой информации, включающие в процесс все слои и структуры общества.

Говоря о коммуникациях в рамках формирования и реализации государственной информационной политики, следует иметь в виду прежде всего массовую коммуникацию.

Впервые научное изучение массовой коммуникации провел немецкий социолог Макс Вебер, который с точки зрения «понимающей» социологии заложил научные принципы изучения массовой коммуникации, а также ее роли в социуме.

Как и более общая дефиниция «коммуникация», понятие «массовая коммуникация» в литературе трактуется неоднозначно. «Массовая коммуникация, — отмечает Р. О'Хара, — подразумевает процесс передачи идентичных сообщений большому числу людей, практически разобщенных. Понятие «средства массовой коммуникации» относится к инструментам, с помощью которых этот процесс становится возможным»¹³.

С точки зрения сторонников институционального подхода к изучению коммуникативных процессов, массовые коммуникации «есть институты, техника, с помощью которых специализированные группы используют технологические средства (прессу, радио, кино и т.д.) для распространения символического содержания на большие, гетерогенные и чрезвычайно рассеянные аудитории»¹⁴.

Вторая половина XX в. характеризуется теориями, которые связывают эволюцию человечества с изменением значимости информации и коммуникации. Эти теории сегодня являются основополагающими в социальной философии. Интересно в этой связи напомнить, что еще в 20-е гг. ученый-исследователь К. Ясперс отметил, что «коммуникация заменила общественный договор»¹⁵.

В современной науке известно множество теоретических подходов к понятию «информация».

Исследователи С.В. Коновченко и А.Г. Киселев рассматривают информацию как «первоначально — сведения, передаваемые людьми устным, письменным или другим способом (с помощью условных сигналов, технических средств и т.д.); уменьшаемая, снимаемая неопределенность в результате получения сообщений; передача, отражение разнообразия в любых объектах и процессах (неживой и живой природы)»¹⁶. При всей внешней привлекательности данное определение тем не менее не отражает главного — динамической сущности информации. Кроме того, информация не всегда включает в себе неопределенность.

Комиссия европейских сообществ в рекомендациях по построению информационного общества в государстве дает следующее определение информации: «Информация — любое содержание любого носителя (зафиксированное на бумаге или сохраняемое в электронном формате, в виде звуковой, визуальной или аудиовизуальной записи)»¹⁷.

С нашей точки зрения, данное определение охватывает достаточно узкий спектр рассматриваемого явления, поскольку не учитывает природу предметов, каждый из которых несет в себе какую-либо информацию. В этом смысле нам ближе позиция современного отечественного исследователя В.Д. Попова, предложившего руководствоваться несколькими теоретическими подходами к понятию «информация», определяя ее прежде всего как передачу сообщения (докибернетическое определение), с точки зрения атрибутивного подхода — как свойство материи, с точки зрения функционального подхода — как функционирование самоорганизующихся и организуемых систем. По мнению ученого, в философско-социальном плане «информация — это передача, циркулирование

многообразия отраженного и взаимотраженного многообразия жизненного пространства человека»¹⁸. Данное определение хотя и не является идеальным, но довольно точно отражает социально-философскую природу информации.

Исходя из данной трактовки информации, В.Д. Попов предлагает свое определение информационной политики, рассматривая ее с двух точек зрения: с точки зрения контроля над властью средств массовой информации и допуска их к общественно значимой информации и с позиции владения и использования ими этой информации в рамках обладания так называемой «четвертой властью». Автор определяет информационную политику как «способность и возможность субъектов политики оказывать воздействие на сознание, психику людей, их поведение и деятельность с помощью информации в интересах государства и гражданского общества»¹⁹. Как считает исследователь, в широком смысле слова информационная политика — «это особая сфера жизнедеятельности людей (политиков, ученых, аналитиков, журналистов, слушателей и читателей и т.д.), связанная с воспроизводством и распространением информации, удовлетворяющей интересы государства и гражданского общества, и направленная на обеспечение творческого, конструктивного диалога между ними и их представителями»²⁰.

На наш взгляд, оба приведенных определения нуждаются в уточнении, т.к. оставляют в стороне технико-технологическую составляющую информационной политики, в т.ч. такое важное ее направление, как разработка и внедрение информационных технологий.

Другое определение информационной политики дает А.И. Ракитов, по мнению которого «информационная политика представляет собой особую деятельность по достижению социально значимых целей»²¹. Очевидно, что такое

общее определение не может раскрыть сути понятия, т.к. область его применения может быть довольно широкой. Такая характеристика применима к любому виду политики, в т.ч. и информационной. Тем не менее данное определение дает основание сделать вывод, что объектом информационной политики в широком смысле является вся информационная сфера жизни общества.

Весьма интересна точка зрения Ю.А. Нисневича, предложившего рассматривать государственную информационную политику «как совокупность целей, отражающих национальные интересы в информационной сфере, стратегии, тактики управленческих решений и методов их реализации, разрабатываемых и реализуемых государственной властью для регулирования и совершенствования, как непосредственно процессов информационного взаимодействия во всех сферах жизнедеятельности общества и государства, так и процессов технологического (в широком смысле) обеспечения такого взаимодействия»²².

Данное определение, хотя, на первый взгляд, и отражает все составляющие информационной политики государства, тем не менее также не идеально. В частности, совокупность целей, отражающих те или иные национальные интересы, лежит в идеологической плоскости, которая и определяет необходимость наличия на государственном уровне той или иной политики.

Именно в идеологическом ключе без достаточного учета функциональной и коммуникативной составляющей, как нам представляется, определяет информационную политику государства Концепция государственной информационной политики — как «совокупность целей, отражающих национальные интересы России в информационной сфере, стратегических направлений их достижения (задач) и систему мер, их реализующих»²³.

Следует критически отнестись и к определению информационной политики исследователя В.Ф. Халипова, отражающему другую крайность и концентрирующему внимание только на ее технико-технологической составляющей. Как утверждает автор, информационная политика — «это система современных мероприятий, направленных на развитие процессов формирования, преобразования, хранения, передачи и использования всех видов информации, эффективное решение проблем создания, внедрения и использования средств компьютерной и информационной техники, средств связи и технических носителей записи, а также комплексного использования информационных систем в управленческой деятельности»²⁴.

Еще одно определение информационной политики дает А.Г. Плитко, видя в ней «деятельность акторов информационного пространства по артикуляции, агрегированию и презентации своих интересов посредством производства и передачи значимой для них информации ради достижения поставленных ими целей»²⁵.

В целом приведенное определение информационной политики, несмотря на его политологический контекст, представляется довольно размытым, т.к. практически не детерминировано интересами государства и общества. С другой стороны, его достоинством является учет состояния информационного пространства в контексте разработки и реализации информационной политики.

Западный ученый-исследователь У.Дж. Мартин, не давая определения информационной политики, тем не менее отмечает, что «ключевыми элементами процесса осуществления информационной политики являются: идентификация информационных потребностей общества, разработка средств удовлетворения этих потребностей, стимулирование эффективного использования информационных ресурсов. Центральный принцип

информационной политики заключается в доступе к информации. Структуры, которые обеспечивают такой доступ, оказываются по определению структурами информационной политики, даже если они обычно идут под рубриками информационной технологии, инноваций, телекоммуникаций и так далее»²⁶.

Безусловно, государственная информационная политика изначально основана на построении информационного пространства в государстве, которое представляет собой прежде всего «совокупность пересекающихся информационных сфер гражданского общества, государственной власти и местного самоуправления»²⁷.

Все сказанное позволяет сформулировать авторское определение государ-

ственной информационной политики, позволяющее в некотором смысле ясность в понимание сущности феномена информационной политики. По нашему мнению, под информационной политикой государства (государственной информационной политикой) следует понимать деятельность органов государственной власти и управления по разработке комплекса мер по выявлению и удовлетворению информационных потребностей в обществе в рамках единого информационного и культурно-коммуникационного пространства посредством разработки, внедрения и эффективного использования современных информационных продуктов и технологий.

-
- ¹ Нисневич Ю.А. Информационная политика России: проблемы и перспективы. М., 1999. С. 4. [Nisnevich Ju.A. Informacionnaja politika Rossii: problemy i perspektivy. M., 1999. S. 4.]
 - ² См.: Аристотель. Политика. Метафизика. Аналитика. М.: Москва Эксмо, 2008. [Aristotel'. Politika. Metafizika. Analitika. M.: Moskva Jeksmo, 2008.]
 - ³ Авсеенко Н.А. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2005. С. 8. [Avseenko N.A. Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii. M., 2005. S. 8.]
 - ⁴ Кули Ч. Общественная организация. Изучение углубленного разума. Пер с англ. Л. Марченко // Тексты по истории социологии XIX—XX веков : хрестоматия. М., 1994. С. 379. [Kuli Ch. Obshhestvennaja organizacija. Izuchenie uglublennogo razuma. Per. s angl. L. Marchenko // Teksty po istorii sociologii XIX—XX vekov : hrestomatija. M., 1994. S. 379.]
 - ⁵ Терин В., Шихирев П. Массовая коммуникация как объект социологического анализа // Массовая культура: иллюзии и действительность. М., 1975. С. 210. [Terin V., Shihirev P. Massovaja kommunikacija kak ob'ekt sociologicheskogo analiza // Massovaja kul'tura: illjuzii i dejstvitel'nost'. M., 1975. S. 210.]
 - ⁶ Gerbner G. Mass Media and Human Communication Theory. In: Dance F.E.X. (ed.) Hitman Communication Theory. N.Y., 1967. P. 40—57.
 - ⁷ Theodorson S.A., Theodorson A.G. Modern Dictionary of sociology. N.Y., 1969.
 - ⁸ Конецкая В.П. Социология коммуникации : учебник. М., 1997. С. 9. [Koneckaja V.P. Sociologija kommunikacii : uchebnik. M., 1997. S. 9.]
 - ⁹ Науменко Т.В. Социология массовой коммуникации. СПб., 2005. С. 43. [Naumenko T.V. Sociologija massovoj kommunikacii. SPb., 2005. S. 43.]
 - ¹⁰ Коновченко С.В. Власть, общество и печать в России. Ростов н/Д, 2003. С. 10. [Konovchenko S.V. Vlast', obshhestvo i pečat' v Rossii. Rostov n/D., 2003. S. 10.]
 - ¹¹ Шарков Ф.И. Основы теории коммуникации. М., 2002. С. 5. [Sharkov F.I. Osnovy teorii kommunikacii. M., 2002. S. 5.]
 - ¹² Луман Н. Власть. Пер. с нем. А. Антоновского. М., 2001. С. 10. [Luman N. Vlast'. Per. s nem. A. Antonovskogo. M., 2001. S. 10.]
 - ¹³ O'Hara R. Media for the Millions. N.Y., 1964. P. 6.
 - ¹⁴ МакКуэйл Д. Теория массовой коммуникации // Контексты современности — 2 : хрестоматия. Казань, 1998. С. 7. [MakKujejl D. Teorija massovoj kommunikacii // Konteksty sovremennosti — 2 : khrestomatija. Kazan', 1998. S. 7.]
 - ¹⁵ Jaspers K. Die Idee der Universitai. В., 1923. С. 37.

- ¹⁶ Коновченко С.В., Киселев А.Г. Информационная политика в России : монография. М., 2004. С. 34–35. [Kоновченко S.V., Kiselev A.G. Informacionnaja politika v Rossii : monografija. M., 2004. S. 34–35.]
- ¹⁷ Commission of the European Communities (2001), «Europe 2002: Creating an EU Framework for the Exploitation of Public Sector Information», Brussels, Belgium, 23.10.2001 COM (2001) 607 final.
- ¹⁸ Попов В.Д. Информациология и информационная политика. М., 2001. С. 22. [Popov V.D. Informaciologija i informacionnaja politika. M., 2001. S. 22.]
- ¹⁹ Там же. С. 11–12.
- ²⁰ Там же. С. 12.
- ²¹ Ракитов И. Информационная технология и информационная политика : научно-информационное исследование. М., 1994. С. 10. [Rakitov A.I. Informacionnaja tehnologija i informacionnaja politika: nauchno-informacionnoe issledovanie. M., 1994. S. 10.]
- ²² Нисневич Ю.А. Указ. соч. С. 22.
- ²³ Концепция государственной информационной политики Российской Федерации : принята Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 15 октября 1998 г. / под ред. О. Финько. М., 1999. [Konserpcija gosudarstvennoj informacionnoj politiki Rossijskoj Federacii : prinjata Gosudarstvennoj Dumoj Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii 15 oktjabrja 1998 g. / pod red. O. Fin'ko. M., 1999.]
- ²⁴ Халипов В.Ф. Власть. Основы кратологии. М., 1995. С. 220. [Halipov V.F. Vlast'. Osnovy kratologii. M., 1995. S. 220.]
- ²⁵ Плитко А.Г. Государственная информационная политика Российской Федерации: понятие, принципы и направления реализации : дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. С. 48. [Plitko A.G. Gosudarstvennaja informacionnaja politika Rossijskoj Federacii: ponjatje, principy i napravlenija realizacii : dis. ... kand. polit. nauk. M., 2005. S. 48.]
- ²⁶ Мартин У.Дж. Информационное общество. М., 1989. С. 8. [Martin U.Dzh. Informacionnoe obshhestvo. M., 1989. S. 8.]
- ²⁷ Нисневич Ю.А. Указ. соч. С. 23.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: «ОДНОЯЗЫЧНАЯ» И «ДВУЯЗЫЧНАЯ» ПРАКТИКИ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ АССИМИЛЯЦИИ

В.М. Алпатов

В любом государстве ведется та или иная языковая политика. Даже если власть не предпринимает каких-либо специальных мер по распространению или подавлению того или иного языка, такое распространение или подавление происходит через политику в области образования, средств массовой информации и др. И всегда языковая политика в том или ином виде осуществляется стихийно, через «экономический оборот», развитие рынка.

Любая языковая политика в современных государствах, где почти никогда не бывает полного языкового единства (даже в государствах, близких к одноязычию, вроде Японии, есть и языки меньшинств, и разные формы существования господствующего языка), связана с взаимодействием двух естественных, но противоположных друг другу потребностей. Назовем их потребностью идентичности и потребностью взаимопонимания.

Потребность идентичности заключается в стремлении (сознательном или бессознательном) пользоваться в любой ситуации для общения «своим» языком, естественно усвоенным в первые годы жизни. Такой язык называют материнским, или родным (последний термин может иметь и иные значения). Предельный случай удовлетворения потребности идентичности — одноязычие.

Одноязычие имеет ряд преимуществ. Во-первых, усвоение каждого нового языка, особенно сознательное его усво-

ение, требует дополнительных усилий, а способности в обучении чужим языкам у разных людей различны. Есть люди, причем нередко очень способные в других областях, которые совершенно не могут выучить ни один язык, кроме материнского. Во-вторых, человек по-разному овладевает языками в разные периоды жизни. Лишь при употреблении материнского языка или другого языка, освоенного в раннем детстве, человек использует оба полушария головного мозга, дополняющие друг друга. При освоении языка после 5–7 лет доминирует левое полушарие, в результате чего языковая компетенция неизбежно неполна. Даже если у человека более одного материнского языка (например, если родители говорят на разных языках или ребенок воспитывается няней, говорящей не на том языке, что родители), абсолютного равенства языков не бывает, и всегда у человека какой-то язык становится первым, а какой-то — вторым¹.

Наконец, в-третьих, понятие материнского языка имеет и четко выраженный социальный смысл. В большинстве случаев материнский язык — это язык своего этноса, своей культуры. Пользование «чужим» языком легко связывается с ощущением этнической, культурной, а зачастую и социальной неполноценности. Конечно, возможен и компенсирующий фактор — ощущение особой престижности «чужого» языка, скажем, английского или русского.

Потребность взаимопонимания заключается в том, что каждый из участников любой ситуации общения желает без помех общаться со своими собеседниками. Разумеется, понятность языка — необходимое, но не достаточное условие успеха коммуникации, но о других условиях мы говорить не будем.

Обе потребности не противоречат друг другу и автоматически удовлетворяются лишь в полностью одноязычном обществе. Недаром в самые разные исторические эпохи люди мечтали о едином языке человечества и появлялись даже проекты такого языка. Однако пока такая задача нереальна.

Одноязычие свойственно значительной части человечества, примером может служить большинство населения США, говорящее лишь по-английски, и многие жители современной России (как и в прошлом СССР) — носители русского языка. Одноязычие в современном мире обычно связано с двумя противоположными ситуациями. С одной стороны, одноязычны некоторые обособленные народы, не контактирующие даже с соседями, или же наиболее необразованная и угнетенная часть того или иного этноса, прежде всего женщины, живущие в замкнутом домашнем мире. Например, среди испаноязычных пуэрториканцев, живущих в США, знание женщинами английского языка расценивается отрицательно, тогда как мужчины двуязычны. С другой стороны, одноязычна основная масса населения многих развитых стран, построенных по национальному принципу или по принципу “melting pot”. Многие исследователи отмечают распространение в общественном мнении США представления об одноязычии (прежде всего на английском языке) как свойстве культурных и зажиточных людей и связи двуязычия с бедностью и отсталостью².

Однако двуязычие распространено даже шире, чем одноязычие. Иногда даже считают, что двуязычие — норма, а одноязычие — исключение³. В современ-

ном мире социальная мобильность резко возрастает, и ситуация общения между людьми с разным материнским языком становится правилом. К тому же языки могут достаточно сильно варьироваться, и даже одноязычный в традиционном смысле человек может владеть несколькими языковыми образованиями (литературный язык, диалект, сленг и т.д.), различия между которыми могут быть не меньше, чем различия между языками. Двуязычие между диалектом (или просторечием) и литературным языком обычно воспринимается как естественное явление и не приводит к конфликтам, если только языковые различия не совпадают с этническими (скажем, в случае афроамериканского диалекта английского языка, который может рассматриваться как символ национальной идентичности).

Двуязычие имеет разные социальные последствия. Знание иностранного языка чаще всего бывает добровольным: оно может поднять престиж человека, открыть доступ к некоторым профессиям, но не является обязательным условием жизненного успеха. Однако в многонациональном государстве для той или иной части населения (прежде всего меньшинств и иммигрантов) двуязычие вынужденное⁴. Для нее выбор между одноязычием и двуязычием — это одновременно выбор между полноценной жизнью и жизнью в замкнутой общине. Далее речь будет идти лишь о вынужденном двуязычии.

Стратегии общения между носителями разных материнских языков очень разнообразны. В современных обществах, если отвлечься от ситуации с посредником (переводчиком), иногда неobjидимой, но технически не всегда возможной и удлиняющей время коммуникации, таких стратегий три. Это выработка общего контактного языка (пиджина), общение на третьем языке и общение на материнском языке одного из собеседников. Потребность взаи-

мопонимания удовлетворяется частично при первой стратегии и полностью при двух других. Потребность идентичности в основном удовлетворяется при первой стратегии, не удовлетворяется при второй, а при третьей стратегии (например, при общении англоязычного американца с пуэрториканцем в США по-английски или русского с татаринном в России по-русски) возникает несимметричность: потребность идентичности удовлетворяется для одного собеседника и не удовлетворяется для другого.

Понятие пиджина часто связывается исключительно с ныне уже не существующим плантационным типом хозяйства, где рабы с разными материнскими языками стихийно вырабатывали некоторый общий язык. Однако подобные языковые образования формируются и сейчас, прежде всего в сфере торговли, особенно так называемой челночной торговли. Примером может служить образовавшийся в последние годы русско-финский торговый пиджин, словарь которого приведен в работе⁵. Языковая политика обычно прямо не затрагивает такие образования, но они распространяются через меры по развитию торговли. Такие пиджины охватывают не всю систему языка, они включают лишь тот минимум, который необходим для торговой коммуникации.

При второй стратегии сами собеседники равны, но общий для них язык обычно бывает более влиятелен, чем материнские языки собеседников. В колониях — это язык колонизаторов, в бывших колониях — обычно язык бывших колонизаторов, внутри многоязычных государств — чаще всего господствующий (государственный) язык. Наконец, третья стратегия выгодна во всех отношениях для одного из собеседников, но максимально нарушает потребность идентичности для другого из них, что может приводить к «языковым войнам».

При переходе к индустриальному обществу внутри государства неизбежно главной становится потребность взаи-

мопонимания. Средством ее удовлетворения, как правило, является единый государственный язык, реже (Швейцария) несколько таких языков. Происходят (одновременно или с некоторым временным разрывом) два процесса: распространения государственного языка через административные меры и школу (позже и через СМИ) и его кодификации, создания общих для всего государства его норм. Языковая политика с этого времени до наших дней сознательно или бессознательно заключается прежде всего в распространении и поддержании функций государственного языка.

Государственный язык может иметь юридически оформленный статус; классический пример — Франция со времен Великой французской революции. Но это не обязательно: в США на федеральном уровне английский язык (как и любой другой) не считается государственным и лишь в конце 90-х гг. XX в. его статус законодательно оформили в 12 штатах⁶. Тем не менее фактическая роль английского языка в США не отличается и никогда не отличалась от роли французского языка во Франции. А в СССР русский язык официально стал государственным для всей страны лишь в самом конце ее существования: с апреля 1990 г., т.е. тогда, когда его роль стала в ряде республик СССР подвергаться сомнению.

Чаще всего государственным языком становится язык господствующего этноса. Реже — язык социально активного меньшинства (малайский язык в Индонезии, преобразовавшийся в индонезийский). В бывших колониях, особенно там, где нет преобладающего этноса (случай, частый в Африке), такую роль может получить язык бывших колонизаторов. Для носителей государственного языка потребности идентичности и взаимопонимания внутри страны удовлетворяются автоматически. Среди них распространено одноязычие, а двуязычие, если оно есть, чаще бывает доброволь-

ным (или же расценивается как различие вариантов внутри одного языка).

Однако в любой стране есть, хотя и в разном количестве, национальные меньшинства и их языки. Даже в исключительно мононациональной Японии есть более полумиллиона корейцев (из которых, правда, многие перешли на японский язык), а в последнее время к ним прибавились иммигранты из Филиппин, Тайваня и даже Бразилии и Перу. Судьба языков меньшинств различна, но в основном сводится к трем вариантам.

Самый, казалось бы, благополучный вариант — роль регионального языка. Такие языки вполне устойчивы, имеют письменность, используются в разнообразных сферах, могут служить средством межнационального общения, но территориально ограничены и не равны государственному языку. Примерами могут служить французский язык в Канаде, яванский в Индонезии, а до недавнего времени, скажем, словацкий язык в Чехословакии или грузинский в СССР. Они могут быть юридически равноправны государственному языку, но реальному равенства не возникает. Даже в Чехословакии, где в 1918—1993 гг. при всех общественных строях для чешского и словацкого языков соблюдалось юридическое равноправие, образованные словаки были вынужденно двуязычны, но чехи почти никогда не знали словацкого.

В редких случаях все языки государства можно считать региональными. Такое имеет место в Швейцарии, где любые два гражданина разных частей государства имеют право не знать языков друг друга, а в официальных ситуациях требовать переводчика. Однако даже здесь полного равенства языков все-таки нет: 90% документов центральных учреждений пишется по-немецки, лишь 20% столичных чиновников — франкофоны, но и они часто переписываются между собой по-немецки⁷. Два других языка, формально равных немецкому и фран-

цузскому, — итальянский и ретороманский — распространены еще меньше.

Иной случай данного типа представлен в Индии, где также все материнские языки населения страны — региональные. Однако над ними надстраивается английский язык; число его носителей невелико, но лишь он (и совсем малоизвестный санскрит) не привязан к конкретному региону. Поэтому он не может быть устранен из коммуникации (попытка превратить хинди в общий для всех язык в 50—60-е гг. привела к человеческим жертвам и была оставлена).

Языковая политика в отношении региональных языков обычно допускает их использование, в т.ч. официальное, в довольно широких пределах. Но при этом часто оказывается, что национальное меньшинство хочет большего — национальной независимости, при которой региональный язык превращается в государственный. Конечно, языковые проблемы неотделимы от многих других и нигде не выступают в чистом виде, но их роль оказывается существенной. Это происходило, в частности, в СССР во время «перестройки», когда представители национальных элит обличали «языковой геноцид» в СССР и заявляли о вреде двуязычия, на деле добиваясь права не употреблять русский язык. Опыт показывает, что государства с высоким официальным статусом нескольких языков оказываются неустойчивыми. Распались СССР, Югославия, Чехословакия, на грани раскола по языковому принципу Бельгия (где, например, во фламандской части страны уже несколько десятилетий запрещены любые уличные надписи и вывески по-французски), в 90-е гг. едва не распалась Канада. Еще раньше распалась Австро-Венгрия, хотя несколькоми десятилетиями ранее даже Ф. Энгельс считал неизбежной языковую ассимиляцию чехов, словенцев и хорват⁸. В то же время в ряде многонациональных государств (Китай, современная Россия и др.) имеется один государственный

язык, а языки меньшинств имеют права лишь на местном уровне наряду с государственным языком.

Менее благополучный вариант — язык в функции бытового. Их примерами могут служить берберские языки в Северной Африке, саамский в Северной Европе, валлийский в Великобритании (несмотря на все попытки расширить сферу его употребления), бурятский в России. Такие языки могут быть далеки от вымирания и устойчиво передаваться из поколения в поколение, но они ограничены функционально. Среди чисто бытовых, обычно бесписьменных языков есть и языки, имеющие письменность, школьное обучение (обычно не выше начального), а иногда (например, многие языки России) традицию художественной литературы. Однако их носители (все или, по крайней мере, социально активная часть) двуязычны и, говоря в быту на своих языках, в культурных ситуациях обычно переходят на кодифицированный вариант государственного или регионального языка. Такие языки обычно не используются как языки межнационального общения. Роль таких языков сходна с ролью диалектов, да и существуют они чаще всего лишь в виде диалектов. Их кодифицированные варианты (которые были созданы в СССР для большинства таких языков) нередко имеют лишь искусственное существование⁹. Школьное обучение на этих языках, если оно есть, существует в основном как промежуточное, с последующим переходом на государственный язык.

Наконец, третий вариант — вымирание языков. Оно в современном мире связано не столько с гибелью, сколько с ассимиляцией их носителей. Такие языки проходят все стадии пути от однопольного языка к однопольному на раннее чужом языке. Предпоследний этап перед вымиранием — ситуация «языкового гетто», когда язык еще помнят и иногда говорят на нем с немногочисленными

соплеменниками, но возможности свободного его использования крайне ограничены¹⁰. Языки вымирают при любом общественном строе, и в США в XX в. их вымерло больше, чем в СССР, где предпринимались меры по их сохранению (см. ниже).

В качестве примера можно привести единственный исконный язык меньшинства в Японии — айнский язык. Он был устойчив, пока айны — охотники и собиратели — жили обособленно и почти не контактировали с японцами. Но во второй половине XIX в. японцы начали на Хоккайдо массовую колонизацию айнских земель, и айнский язык стал вытесняться японским. В период японского милитаризма айны были юридически неравноправны с японцами, в некоторые периоды их принуждали учить японский язык, что способствовало языковой ассимиляции. В ходе демократизации при американской оккупации после 1945 г. айнов уравнили в правах. Однако это лишь усилило вытеснение айнского языка, и к 60-м гг. он вышел из употребления. Его последних носителей не стало, видимо, в 90-е гг.¹¹

Устойчивость языка зависит от многих причин, среди которых и количество носителей, и их культурная ориентация, и языковая политика в государстве. Быстрее всего, конечно, вымирают малочисленные языки, но, например, крайне жесткая языковая политика в Великобритании в XVIII и XIX вв. настолько вытеснила ирландский язык английским, что даже в независимой Ирландии он не смог возродиться в качестве средства общения, играя лишь роль национального символа. За XX в. почти исчез достаточно многочисленный идиш и не только за счет физического уничтожения части его носителей: другие его носители (большей частью добровольно) от него отказались. Обычно быстро исчезают материнские языки иммигрантов, стремящихся ассимилироваться (языкам, разумеется, не грозит вымирание, поскольку они со-

храняются в тех странах, откуда они эмигрировали).

В то же время, например, малые языки Дагестана (так называемые одноаульные) достаточно устойчивы, хотя их носители целиком двуязычны и очень часто трехязычны, зная какой-либо из более крупных дагестанских языков и русский язык. Предсказать судьбу какого-либо малого языка часто бывает трудно. Факторы, способствующие его сохранению, могут быть самыми неожиданными. Например, отмечают «мотив бабушки»: женщины, не говорившие на языке своего этноса с детьми, начинают говорить на нем с внуками; «не является ли эта «бабушка» некой постоянной социальной функцией в языковой общности, независимо от поколения?»¹².

Процесс смены языка при любой языковой политике никогда не бывает полностью добровольным. Это относится и к переходу от одноязычия к двуязычию, и к последующему переходу от двуязычия к одноязычию, но уже на другом языке. Даже если нет административных мер, давление оказывает экономическая, политическая, культурная ситуация в стране¹³. Но утеря материнского языка может рассматриваться тем или иным этносом как явление пусть вынужденное, но имеющее свои преимущества. Возникает конфликт, охарактеризованный одним из ирландских лингвистов: то, что хорошо для языков в целом, может быть плохо для их носителей как индивидов, особенно с точки зрения материального благополучия¹⁴. Как указывает Дж. Эдвардс, для многих народов существует болезненная дилемма — либо потерять язык, либо жить отсталой сельской жизнью¹⁵. Он же задает вопрос сторонникам концепций лингвистической экологии: а не надо ли, сохраняя малые языки, учитывать и мнение самих носителей этих языков, которые не всегда желают ими пользоваться?¹⁶

В любом многонациональном государстве возникает иерархия, которая мо-

жет быть представлена в виде перевернутой пирамиды. Обычно она состоит из трех уровней. Верхний слой составляют одноязычные носители государственного языка — так называемые русскоязычные в СССР и в современной России, носители английского языка в США и др. (мы отвлекаемся от возможного знания иностранных языков). Средний слой составляют двуязычные граждане. Внизу находятся одноязычные носители языков меньшинств (или же двуязычные, но не владеющие государственным языком). В некоторых странах (Индия, ряд стран Африки) верхний слой отсутствует, и наверху оказываются двуязычные. Эта иерархия коррелирует с социальной иерархией лишь в одном отношении — нижний слой языковой иерархии имеет и низкий социальный статус. Это либо те, кто заняты в сельском или домашнем хозяйстве, либо неассимилированные иммигранты.

Статус двуязычного населения и государственная политика в их отношении могут быть различными, но определенное их неравенство с верхним слоем может ощущаться и создавать потенциально конфликтную ситуацию. Например, в СССР и этнические русские, и другие русскоязычные за очень редкими исключениями (например, в очень однородной в языковом отношении Армении) не владели языками меньшинств. Эта ситуация сохраняется и в современной России. Однако тем, у кого материнский язык был другой, приходилось жертвовать либо потребностью идентичности, либо потребностью взаимопонимания. Обе категории в советское время исчислялись миллионами, но ситуация не была симметричной. Потребностью взаимопонимания обычно жертвовали бессознательно, не расширяя социальные связи (впрочем, в Прибалтике иногда сознательно отказывались говорить на русском языке даже ценой собственной невыгоды, например, продавцы). Потребностью же идентичности жертво-

вали сознательно. Возможное ощущение этнической и языковой неполноценности компенсировалось престижностью русского языка и возможностями продвижения при его знании. Пока для массового сознания существование единого СССР казалось само собой разумеющимся, освоение русского языка принималось «молчаливым большинством» как если и не лучшая, то, по крайней мере, естественная ситуация. Но в эпоху перестройки скрытое недовольство в области языка вышло наружу. «Языки в контакте легко делаются языками в конфликте»¹⁷.

Государственная политика в отношении языков меньшинств может быть различной: от запрещения и принудительной ассимиляции носителей до культурной автономии и юридического равноправия. Однако государство всегда выступало и выступает в качестве силы, поддерживающей потребность взаимопонимания, стимулируя роль государственного или фактически господствующего языка. Особенно жесткой оказывалась такая политика в XIX в. и в первой половине XX в. Степень жесткости не совпала ни с уровнем развития страны, ни со степенью ее демократичности. Как раз классические страны западной демократии прошли через период крайне жесткой ассимиляторской политики. В Великобритании школьников били за речь на ирландском или валлийском языке. Во Франции с 1794 по 1951 г. запрещалось официальное использование любого языка, кроме французского, а также французских диалектов. В США прямые административные меры не были популярны, но их место не менее эффективно занимала идеология «*melting pot*». Гораздо большие права имели с середины XIX в. языки меньшинств в менее демократичной Австро-Венгрии, в итоге развалившейся. В царской России жесткая ассимиляторская политика (особенно суровая в «либеральное» царствование Александра II) проводилась по отношению к языкам

с достаточно большим количеством носителей, нередко эти носители обладали развитым национальным самосознанием. Поэтому она вызывала особенное недовольство. Впрочем, эта жесткая политика соблюдалась либо там, где власть особо боялась сепаратизма (Польша, отчасти Прибалтика и Закавказье), либо там, где языкам отказывалось в праве на самостоятельное существование (украинский язык рассматривался как диалект русского языка). В отношении «инородцев» Центральной Азии или Сибири не ставился вопрос об их языковой ассимиляции, поскольку считалось, что они еще «не доросли» до этого.

В современных обществах самые грубые методы ассимиляторской языковой политики уходят в прошлое, хотя и в наши дни за разговоры на материнском языке детей бьют в англоязычных школах Кении и даже в школах для индейцев в Канаде¹⁸. Редким исключением до последнего времени была политика Турции в отношении курдского языка. В школах Турецкого Курдистана преподавался лишь турецкий язык, за написание курдского букваря его автор провел четыре месяца в тюрьме, и даже попытка открыть в Швеции курдские школы для иммигрантов вызвала официальный протест турецкого посольства¹⁹. Но и Турция, добиваясь вступления в ЕС, была вынуждена смягчить языковую политику.

Однако отказ от грубых методов языковой ассимиляции не означает ее прекращения. Как отмечала Т. Скутнабб-Кангас, самостоятельная ценность за материнскими языками все равно не признается, они в лучшем случае играют роль инструмента, позволяющего органично освоить господствующий язык²⁰. При грубых методах принуждения меньшинства знали, кто их враг, и спланивались между собой; теперь ясность пропадает, и люди оказываются разобщенными²¹. Жесткие меры оказались эффективными, например, в Ирландии,

но они не могли привести к вымиранию курдского языка. А айнский язык быстро исчез именно после прекращения дискриминации айнов. Также отмечают, что во Франции бретонцы и эльзасцы быстро стали переходить на французский язык с 60-х гг. XX в., когда их языки уже не запрещали²².

Поддержка государством языков меньшинств бывает связана с принципом «разделяй и властвуй». Французы в бывших колониях в Северной Африке поддерживали берберские языки, чтобы не допустить арабизации берберов²³, а в ЮАР при апартеиде специально вводили обучение на материнских языках для африканцев, чтобы они не усваивали языки белых и не объединялись между собой²⁴. Здесь речь не шла о реальной поддержке потребности идентичности.

Единственный широкомасштабный пример языковой политики, в основу которой было положено удовлетворение потребности взаимопонимания, представляет собой политика власти в 20–30-е гг. XX в. в СССР. Органом этой политики, во многом основанной на дореволюционных высказываниях В.И. Ленина, в первые годы после революции служил Народный комиссариат национальностей во главе с И.В. Сталиным, который писал в 1918 г.: «Никакого обязательного «государственного» языка — ни в судопроизводстве, ни в школе! Каждая область выбирает тот язык или те языки, которые соответствуют составу населения данной области, причем соблюдается полное равноправие языков как меньшинств, так и большинства во всех общественных и политических установлениях»²⁵. А партийный деятель Г.Ф. Гринько считал недопустимым насаждение русского языка в армии и требовал, чтобы русские коммунисты, работавшие в национальных районах, добровольно отказались от русского языка, поскольку «пролетариат в области национального вопроса должен быть готов к величайшему самопожертвованию»²⁶.

Были предприняты разнообразные меры для перевода делопроизводства, судопроизводства с русского языка на языки меньшинств, распространения национальных школ и т.д.

Такая политика, конечно, была реакцией на ассимиляторскую царскую политику, вызывавшую протест у многих. Она также вытекала из распространившихся тогда в стране представлений о необходимости строительства на рациональных, научных началах нового общества, учитывавшего интересы простых людей. Влиял и опыт Швейцарии, где не было принудительного внедрения языков. Идеи равенства языков и направленной на его достижение языковой политики поддерживались и русскими коммунистами, и левонастроенными интеллигентами в национальных республиках, и даже частью интеллигентов, не принимавших советский курс в целом. Например, эмигрант Н.С. Трубецкой в 1925 г. одобрял «отказ от русификаторства, органически чуждого исторической стихии России»²⁷.

Единственным фактором, сдерживавшим проведение данной политики, при отсутствии открытого сопротивления казалось недостаточное развитие многих языков, не имевших кодификации, а иногда даже письменности. Была развернута активная деятельность, получившая название языкового строительства. В нем участвовали многие крупнейшие советские лингвисты тех лет. Было создано более 70 новых алфавитов на латинской основе.

Ликвидация неграмотности, рост образования, создание письменностей и норм для десятков языков — все это впечатляло. По мнению одного из западных светологов, даже самый крайний противник советского строя не может не признать эти достижения²⁸. Однако вся эта политика имела лишь частичный успех. В противовес старой политике, игнорировавшей потребность идентичности для многих народов, данная по-

литика объективно игнорировала потребность взаимопонимания, которая, разумеется, стихийно реализовывалась, что создавало расхождение между политикой и жизнью. Крупнейший лингвист Е.Д. Поливанов отмечал: у студентов — коммунистов из национальных республик «в процессе учебы языковое мышление на родном языке не участвовало»²⁹. Учебные предметы они осваивали на русском языке, а материнским языком пользовались лишь на бытовом уровне, не стремясь читать Маркса и Пушкина на языке своего народа. Уровень владения русским языком среди нерусского населения был невысок.

Во второй половине 30-х гг. произошел поворот языковой политики в СССР. И.В. Сталин, когда-то руководивший переводом многих функций языка от русского языка к языкам меньшинств, теперь избрал курс на ускоренную русификацию, во многом на возврат к царской политике, хотя официальные лозунги равноправия языков не изменились. Латинские алфавиты для языков народов СССР были заменены кириллическими, при этом ряд языков лишился письменности. Однако инерция прежней политики отчасти сохранялась, особенно в 40–50-е гг. Максимум русификация достигла при Н.С. Хрущеве, считавшем, что по мере продвижения к коммунизму должны отмирать всяческие различия, в т.ч. языковые; в конце 50-х — начале 60-х гг. почти прекратилось образование на языках меньшинств (исключая лишь языки союзных республик).

Политика в СССР в 20–30-х гг. во многом основывалась на утопических предпосылках и не могла быть полностью успешной. Однако нельзя и говорить о ее полной неудаче, особенно в отношении крупных языков. Например, тот же Е.Д. Поливанов в начале 20-х гг. отмечал, что в самосознании оседлых узбеков не было ничего, кроме места рождения и религии³⁰; в большинстве узбеки были неграмотны, и даже

грамотные читали и писали на арабском, старописьменном тюркском (чагатайском) или русском языке. В результате же политики советской власти к 80-м гг. каждый узбек знал, что он узбек, а грамотность на узбекском языке охватывала большинство этноса. Но результаты таких перемен оказались не теми, которые имели в виду коммунисты в 20-е гг.: объективно развитие ряда языков СССР, начавшееся сверху, стало одним из факторов, способствовавших распаду страны в 1991 г. Об этапах развития языковой политики в СССР подробнее см. в книге³¹.

В последние десятилетия в ряде развитых стран языковая политика стала несколько меняться, что часто интерпретируют как признак перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Больше, чем раньше, допускается использование языков меньшинств, на них развивается школьное обучение, делаются попытки расширить сферы их использования. Во Франции запрет на официальное использование языков меньшинств начал сниматься в 1951 г., а сейчас снят окончательно. В Норвегии саамский язык до 50-х гг. не имел никаких прав, а сейчас появились саамские школы и культурные центры. Где-то языковой плюрализм заходит очень далеко, как в Австралии, где в 1973 г. правительством лейбористов была принята программа всеобщего двуязычия, в целом сохранявшаяся и в последующие годы. Согласно ей каждый житель Австралии должен свободно владеть двумя языками: материнским и иностранным, если он исконно англоязычен, материнским и английским, если он иммигрант или абориген³². Даже в США многие считают, что концепция “melting pot” устарела и уступает место идеям равноценности разных культур и языков. Где-то западные страны реализуют то, что пытались когда-то осуществить в СССР.

Однако нельзя и переоценивать указанные явления. Борьба меньшинств за свои права, поддерживаемая левыми

представителями господствующих этносов, может вызывать и обратную реакцию. Упомянутое выше объявление английского языка государственным в 12 штатах США один из исследователей интерпретирует как консервативную реакцию на расширение официального использования испанского языка³³. По мнению другого исследователя, среди стран английского языка двуязычная идеология победила только в Австралии, а в США и Великобритании она остается одноязычной³⁴. В любом случае суть языковой политики развитых стран не может измениться, поскольку государство заинтересовано в поддержании взаимопонимания между гражданами.

Отстаивание потребности идентичности для национальных меньшинств может идти сверху и даже входить в государственную политику, как в СССР. Однако чаще оно все-таки идет снизу, от более или менее оппозиционных национальных движений. Они либо следят за поддержанием социальной роли своих языков на оптимальном уровне, либо добиваются повышения этой роли, в некоторых ситуациях это выливается в борьбу за независимость. Нередко им приходят на помощь внациональные оппозиционные движения.

Если меньшинство становится большинством во вновь образованном государстве, то функции его языка резко расширяются, а контакты его носителей с носителями прежнего государственного языка резко сужаются. В свою очередь, часть прежде господствовавшего этноса после изменения границ превращается в меньшинство, что порождает новые конфликты. В XX в. процесс образования новых национальных государств наблюдался неоднократно, особенно после первой мировой войны и в 1991 г.

Языковая ситуация могла проходить по-разному. Например, в Финляндии, где и до 1917 г. процент владевших русским языком финнов был невелик, господствующий этнос предпочел забыть

этот язык, а число русских было слишком незначительно, чтобы как-то влиять на положение дел. Но уже в Чехии так называемые судетские немцы, не желавшие стать чехами немецкого происхождения, составили проблему, мирное решение которой оказалось невозможным. Сейчас по-разному дело обстоит в Литве, где русских мало и ситуация, по видимому, развивается по финскому сценарию, и в Латвии и Эстонии, где многочисленно русское население, привыкшее к одноязычию и не всегда желающее ассимилироваться. Другой параметр — отношение к прежде господствовавшему языку этноса, ставшего преобладающим. Чехи отказались от немецкого языка, но ирландцы не отказались от английского. Сейчас на одном полюсе находится Прибалтика, где отрицательное отношение к русскому языку пока что сильно (хотя ситуация сейчас несколько стабилизировалась), а на другом полюсе — Казахстан и Киргизия, где национальная элита во многом русскоязычна, и Белоруссия, где русский язык продолжает господствовать во всех сферах³⁵.

Переход от одноязычия к вынужденному двуязычию — очень болезненный процесс, особенно если люди, не покидавшие место проживания, вынуждаются использовать язык, ранее не обладавший для них престижем. Страдают и потребность идентичности (не всегда можно говорить на материнском языке), и потребность взаимопонимания (новый господствующий язык чаще всего легко не осваивается, особенно средним и старшим поколениями). Выходов может быть четыре. Можно пожертвовать потребностью идентичности и перейти на другой язык, сохраняя материнский язык в семье и в пределах землячества. Можно пожертвовать потребностью взаимопонимания, отказавшись от социальной активности и замкнувшись в национальной общине. Можно сохранить обе потребности ценой отъезда туда, где все говорят на привычном языке. Наконец, можно

боротся за новое изменение государственных границ или хотя бы за равноправие своего языка. Последний из выходов может оказаться недостижимым, а каждый из остальных связан с теми или иными жертвами.

Те же проблемы могут вставать и в периоды национальных конфликтов в рамках существующего государства. Однако если в 1989–1991 гг., а иногда и позже, многим казалось, что по всей территории СССР идут сходные процессы сужения сфер использования русского языка и развития («возрождения», как тогда часто говорили) малых языков, то сейчас очевидно, что в России эти процессы в целом после 1991 г. стали сходить на нет. В начале 90-х гг. национально ориентированные интеллигенты, например, в Калмыкии могли мечтать о ситуации, при которой они будут говорить только по-калмыцки между собой и по-английски при сношениях с внешним миром, не используя русский язык или оставляя за ним роль третьего языка. Но уже к середине 90-х гг. возобновился процесс наступления русского языка на малые языки. Правда, по сравнению с советским временем несколько возросло

образование на языках меньшинств. Однако если в советское время использование этих языков поддерживалось (нередко искусственно) государством, то сейчас вступили в силу законы рынка, которые вообще, как правило, способствуют удовлетворению потребности взаимопонимания, уменьшению языкового разнообразия и распространению крупных языков.

Сейчас много говорят о процессах глобализации, несомненно, усиливающих потребность взаимопонимания. В целом многое, что ранее характеризовало языковую ситуацию и языковую политику внутри государств, переносится в связи с глобализацией на международный уровень. Растет значение мировых языков, особенно английского. Однако глобализация (по крайней мере, в том виде, в каком она существует сейчас) плохо удовлетворяет потребность идентичности для большинства людей (исключая, разумеется, тех, для кого английский язык — материнский). Это может приводить к конфликтам и вообще ставить под сомнение эффективность глобализационных процессов. Но пока от прогнозов в этой области лучше воздержаться.

¹ Edwards J. Multilingualism. London — New York, 1994. P. 3.

² Garcia O. Spanish Language Loss as a Determinant of Income among Latinos in the United States // *Power and Inequality in Language Education*. Cambridge, 1995. P. 142, 145–146; Loveday L. *The Sociolinguistic of Learning and Using a Non-Native Language*. Oxford — New York — Toronto — Sydney — Paris — Frankfurt, 1982. P. 8; Skutnabb-Kangas T. *Bilingualism or Not. The Education of Minorities*. Clevedon, 1983. P. 66; Tollefson J.W. *Planning Language, Planning Inequality*. New York, 1991. P. 12; Edwards J. 1994. P. 4.

³ Edwards J. 1994. P. 1.

⁴ Skutnabb-Kangas T. 1983. P. 75–80.

⁵ Перехвальская Е.В. Сибирский пиджин (Дальневосточный вариант). *Формирование. История. Структура* : дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2007. С. 261–265. [Perehval'skaja E.V. *Sibirskij pidzhin (Dal'nevostochnyj variant)*. Formirovanie. Istorija. Struktura : dis. ... dokt. filol. nauk. SPb., 2007. S. 261–265.]

⁶ Donahue T.S. *American Language Policy and Compensatory Opinion* // *Power and Inequality in Language Education*. Cambridge, 1995. P. 114.

⁷ Laponce J.A. *Languages and their Territories*. Toronto — Buffalo — London, 1987. P. 176.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. *Собрание сочинений*, изд. 2-е. М. Т. 8. С. 84. [Marks K., Jengel's F. *Sobranie sochinenij*, izdanie 2-e. M. T. 8. С. 84.]

⁹ Бурькин А.А. *Язык малочисленного народа в его письменной форме. Социолингвистические и собственно лингвистические аспекты*. СПб., 2004. [Burykin A.A. *Jazyk malochislennogo naroda v ego pis'mennoj forme*. Sociolingvisticheskie i sobstvenno lingvisticheskie aspekty. SPb., 2004.]

- ¹⁰ Laponce J.A. 1987. P. 42.
- ¹¹ См. об этом: Алпатов В.М. Япония: язык и культура. М., 2008. С. 116–117. [Alpatov V.M. Japonija: jazyk i kul'tura. M., 2008. S. 116–117.]
- ¹² Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб., 2001. С. 284. [Vahtin N.B. Jazyki narodov Severa v HH veke. Oчерki jazykovogo sdviga. Sankt-Peterburg, 2001. S. 284.]
- ¹³ Skutnabb-Kangas T. 1983. P. 66–67.
- ¹⁴ Ahlqvist A. Language Conflict and Language Planning in Ireland // Language Conflict and Language Planning. Berlin — New York, 1993. P. 16.
- ¹⁵ Edwards J. 1994. P. 107.
- ¹⁶ Edwards J. 1994. P. 108
- ¹⁷ Edwards J. 1994. P. 89.
- ¹⁸ Pennycook A. English in the World / The World in English // Power and Inequality in Language Education. Cambridge, 1995. P. 40.
- ¹⁹ Skutnabb-Kangas T. 1983. P. 74, 279–280.
- ²⁰ Skutnabb-Kangas T. 1983. P. 313.
- ²¹ Skutnabb-Kangas T. 1983. P. 314–316.
- ²² Laponce J.A. 1987. P. 60–61.
- ²³ Ross J.A. Language and the Mobilization of Ethnic Identity // Language and the Ethnic Relations. London, 1979. P. 7.
- ²⁴ Trugil P. Sociolinguistic. An Introduction to Language and Society. London, 1983. P. 156 ; Skutnabb-Kangas T. 1983. P. 66–67.
- ²⁵ Сталин И.В. Собрание сочинений. М. Т. 4. С. 70. [Stalin I.V. Sобрание sochinenij. M. T. 4. S. 70.]
- ²⁶ Национальные моменты в партийном и советском строительстве. Харьков, 1923. С. 40. [Nacional'nye momenty v partijnom i sovetskom stroitel'stve. Har'kov, 1923. S. 40.]
- ²⁷ Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана (взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. М. : МГУ, 1991. № 4. С. 68. [Trubeckoj N.S. Nasledie Chingishana (vzgljad na russkuju istoriju ne s Zapada, a s Vostoka) // Vestnik MGU, serija 9, filologija. M.: MGU, 1991. № 4. S. 68.]
- ²⁸ Crisp S. Soviet Language Planning. 1917–1953 // Language Planning in the Soviet Union. London, 1989. P. 36.
- ²⁹ Поливанов Е.Д. Родной язык в национальной партшколе // Вопросы национального партпросвещения. М., 1927. С. 114. [Polivanov E.D. Rodnoj jazyk v nacional'noj partshkole // Voprosy nacional'nogo partprosveshhenija. M., 1927. S. 114.]
- ³⁰ Поливанов Е.Д. Проблема латинского алфавита в турецких письменностях. М., 1923. С. 9. [Polivanov E.D. Problema latinskogo alfavita v turezkikh pis'mennostyah. M., 1923. S. 9.]
- ³¹ Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000. [Alpatov V.M. 150 jazykov i politika. 1917–2000. Sociolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva. M., 2000.]
- ³² Bullivant V.M. Ideological Influences on Linguistic and Cultural Empowerment: an Australian Example // Power and Inequality in Language Education. Cambridge, 1995.
- ³³ Donahue T.S. 1995.
- ³⁴ Tollefson J.V. 1991. P. 203.
- ³⁵ Подробнее см.: Алпатов В.М. Двадцать лет спустя // Вопросы филологии (в печати). [Alpatov V.M. Dvadcat' let spustja // Voprosy filologii (v pechati).]

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЫСТАВОЧНОЙ И ЯРМАРОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.А. Кирилловых

В литературе можно встретить различные определения, характеризующие правовую и экономическую сущность выставки и ярмарки. Однако обобщить предлагаемые понятия можно с учетом выделения их специфических признаков. Как представляется, выставки — это регулярно организуемые рыночные мероприятия с ограниченным временем проведения, где представляются основные товары и услуги одной или нескольких отраслей на основе выставочных образцов. В свою очередь, ярмарки — рыночные мероприятия с ограниченным временем проведения, где представляются и реализуются характерные товары и услуги одной или нескольких отраслей.

Выставки и ярмарки служат мощным средством популяризации новых товаров и повышения престижа фирм. В мире ежегодно проводится порядка 4000 крупных международных специализированных выставок. На них реализуется целый комплекс маркетинговых функций. Прежде всего это функция исследования рынка. Здесь происходит общение производителей с потенциальными клиентами, обнаруживаются актуальные для них проблемы, конкретизируются запросы и возможности.

Таким образом, выставки и ярмарки представляют собой регулярный крупный рынок товаров широкого потребления и (или) оборудования, действуют в установленные сроки в течение ограниченного периода времени в одном и том же месте. На них экспонентам разрешается представлять образцы своей продукции для заключения торговых сделок

в национальном и международном масштабах.

В более обобщенном виде, выставки и ярмарки — это рыночные мероприятия, на которых хозяйствующие субъекты представляют на основе выставочных образцов производимые товары и услуги. Соответственно, выставочно-ярмарочное мероприятие — мероприятие, на котором демонстрируются и получают распространение товары, услуги и (или) информация и которое проходит в четко установленные сроки и с определенной периодичностью.

Однако, несмотря на очевидную схожесть этих мероприятий, в них можно обнаружить существенные отличия, в первую очередь организационного характера.

Выставка направлена на публичную демонстрацию тех или иных достижений человечества для специалистов и широкого круга посетителей. Это многокомпонентные мероприятия, включающие в себя наряду с демонстрацией экспонатов сопутствующие мероприятия. В этой связи выставки являются мультифункциональным инструментом маркетинга, здесь осуществляется целый «пакет» маркетинговых целей. Даже если приоритетом выставочной деятельности является только налаживание нужных для продажи связей, одновременно могут устанавливаться связи с общественностью в интересах предприятия. Возможно также наблюдение за конкурентами в целях изучения рынка. Те, кто представляет новую продукцию, могут, кроме того, использовать выставку для стимулирования сбыта и рекламы. Далеко

идушие перспективы открываются через возможность личного контакта с большим числом заинтересованных лиц, чего не может дать никакое другое средство коммуникации. Для этого используются дополнительные инструменты, способствующие достижению максимального результата цели выставки.

В связи с указанными обстоятельствами, специалисты считают важной частью выставок сопутствующие мероприятия научно-технического характера. Имеются в виду в том числе конгрессы, симпозиумы, семинары, конференции, презентации, конкурсы и пр.¹

Определенное значение имеет классификация выставок, которая дает расширенное представление о возможностях выставочной деятельности. В частности, выставки подразделяют на торговые и просветительно-познавательные. При этом к выставкам не относятся «вещевые рынки» и розничная торговля на улицах.

Ярмарка — самостоятельное рыночное мероприятие, доступное для всех товаропроизводителей-продавцов и покупателей, организованное в установленном месте и на установленный срок с целью заключения договоров купли-продажи и формирования региональных, межрегиональных и межгосударственных хозяйственных связей².

Как указывают специалисты, ярмарка — это пункт массового обмена товарами; центр спроса и предложения; регулятор цен; источник коммерческой информации; выставка товарных образцов³. Ярмарка предполагает непосредственное осуществление прямых продаж экспонентами демонстрируемой продукции. К конститутивным признакам ярмарки относят: 1) постоянность места, 2) срочность торгов и 3) периодичность их проведения⁴.

Кроме того, ярмарка как форма концентрации продавцов и покупателей товаров имеет дело с «живым» товаром, что значительно увеличивает доступность

продукции. Например, в биржевой торговле товар не доступен, имеется только общее представление о продукте, описание его общих характеристик.

С правовой точки зрения ярмарки — это не просто мероприятия, направленные на продвижение продукции, а прежде всего форма организации, определенный набор элементов, определяющих организационное единство элементов ярмарочной деятельности. Нормотворческая практика, к сожалению, не обращает должного внимания на данный факт, в связи с чем правовой статус ярмарки до сих пор не получил должного представления во внутреннем законодательстве России, что существенно препятствует развитию этого явления экономической жизни⁵.

Единственным документом в этой сфере является Соглашение о развитии ярмарочной деятельности в рамках Содружества Независимых Государств⁶, которое, однако, не содержит какие-либо правовые нормы, позволяющие установить юридическую сущность ярмарочной деятельности вообще и конкретной ярмарки в частности.

В этой связи представляется полезным обратиться к дореволюционному опыту организации и проведения ярмарок, его история может обнаружить немало интересных моментов, которые с успехом могли быть заимствованы современной юридической практикой.

Дореволюционные ярмарки учреждались с определением места и сроков проведения (ст. 666 Устава торгового) и действовали на основании собственных статутах — положений о ярмарке. Причем такие документы являлись приложениями к Торговому Уставу, что фиксировало и подтверждало их официальный статус. В частности, Нижегородская ярмарка действовала на основании Правил для Нижегородской ярмарки, которые являлись нормативным актом.

Важным организационным элементом ярмарки являлось наличие в ней

собственного управления. Органы ярмарки имели необходимые полномочия и включали в себя собрание уполномоченных ярмарочного купечества, ярмарочный комитет и ярмарочную контору. Исходя из указанной характеристики, ярмарка представляла собой юридическое лицо, основанное на членстве, задачей которого являлось содействие ее членам в организации торговли.

Из набора современных организационно-правовых форм юридических лиц наиболее подходящей формой для этого образования была бы форма некоммерческого партнерства. В самом деле, ярмарка ставит перед собой в качестве основной цели не связанную с извлечением прибыли деятельность по содействию ее членам в осуществлении торговли⁷.

Начала равенства участников ярмарки и равноправие в решении организационных задач предполагает свободный доступ к управлению делами ярмарки. Коллективные начала в организации, в отличие от индивидуального управления, позволяющие учесть интересы всех участников ярмарки. Равные права в реализации совместных мероприятий должны, на наш взгляд, предусматривать свободный доступ в члены ярмарки и выход из них.

Изложенные доводы обеспечивают равные возможности по продвижению продукции в рамках ярмарочных мероприятий. Партнерство в рамках ярмарки позволяет консолидировать участников товарного рынка, тем самым оптимизировать торговую деятельность каждого участника (партнера), действующего в рамках партнерства.

Дореволюционные цивилисты также имели представление о ярмарке как непосредственной форме осуществления торговли. Основываясь на практике того времени, Г.Ф. Шершеневич высказывался о ярмарке как о месте, где договоры не только заключаются, но и исполняются⁸. Заметим в этой связи, что в отличие от

биржевой торговли, реализация продукции на ярмарке является примером прямых продаж, когда покупатель может получить продукцию непосредственно в месте ее продажи.

Следовательно, при характеристике ярмарочной деятельности можно провести некоторые сопоставления с биржевой торговлей. Биржевая деятельность сводится к представлению клиентам информации о способах заключения сделок и формах документов, что позволяет вести речь об информационно-консультационной функции биржи как основной.

Между тем консультационная деятельность не всегда является определяющей, и практика функционирования бирж в российских условиях сталкивается с вовлечением их в посреднические услуги, крайней формой которых становится самостоятельное выступление биржи в качестве стороны по сделке. Впрочем, на бирже нередко организуются своеобразные выставки-продажи, результатом которых становится реализация продукции «с прилавка» или «по образцам»⁹.

В России многие из заведений, называющих себя биржами, таковыми не являются. Они, по сути, представляют собой переходный тип между ярмаркой, крупнооптовым торговым домом и собственно биржей¹⁰. Как показывают исследования, ранее биржи занимались не только практической деятельностью, но и изучали спрос и предложения по регионам России, анализировали ресурсную, инвестиционную, кредитную и валютную ситуации¹¹.

На этом фоне целесообразно выделить и общие элементы выставок и ярмарок, которые касаются информационного обеспечения в торговле. Так, ГОСТ Р 51304-2009¹² проведение выставок и ярмарок по продвижению и реализации товаров отдельных видов относит к информационно-консультационным (консалтинговым) услугам. Можно сде-

лать вывод о необходимости определения правовой природы, разработки юридической конструкции выставок и ярмарок. Понятно, что прежде всего следует размежевать данные категории.

Основная проблема статуса ярмарок в продвижении продукции заключается в полном отсутствии концепции ярмарочной деятельности¹³, что можно отнести и к выставочной. Не случайно в литературе обращается внимание на неурегулированность правового статуса таких особых субъектов, которые по праву считаются организаторами оптового оборота, как оптовые ярмарки, промышленно-торговые выставки, оптовые продовольственные рынки и пр. Такой важнейший раздел деятельности оптовой торговли, как каналы товародвижения и рыночные связи по поставкам товаров (продукции), также остался практически вне поля зрения законодательства, прежде всего ГК РФ¹⁴.

Ряд иностранных государств, таких как США, Германия, Италия, Испания, Египет и др., правовое регулирование выставочно-ярмарочной деятельности осуществляют на основе базового закона, в котором прописаны основные правовые аспекты в данной сфере отношений¹⁵.

В России, как известно, не существует единого нормативного акта в рассматриваемой сфере. С учетом международных документов¹⁶ различные аспекты выставочно-ярмарочной деятельности регулируются как законодательными актами общего характера¹⁷, так и нормативно-правовыми актами Правительства Российской Федерации¹⁸, федеральных органов исполнительной власти¹⁹ и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации²⁰.

При этом на различных уровнях обсуждался проект закона «О выставочно-ярмарочной деятельности в Российской Федерации» в качестве специальной нормативной основы данного инстру-

мента в комплексе маркетинга с учетом опыта ряда европейских государств. Между тем специализация нормативных актов, регулирующих продвижение товаров как составную часть торговли, связывается с принятием актов более комплексного характера, позволяющего учесть особенности различных видов и форм торгового процесса²¹.

В связи с этим Т.Э. Сидорова пишет, что в настоящее время подготовлены примерная концепция и структура Торгового кодекса Российской Федерации, который должен стать правовой основой формирования российского товарного рынка, ведь ярмарки и выставки являются специальными субъектами торгового оборота²².

По мнению других специалистов, нецелесообразно совмещать в одном кодифицированном акте, каким является ГК РФ, стабильность гражданского законодательства и динамизм торгового. При этом отрицательный взгляд ученых на кодификацию торговой (в широком смысле) деятельности в гражданском законодательстве сегодня не подкрепляется идеей о создании Торгового кодекса, которая «витала» в юридической науке²³ десятилетие назад.

Современный подход основан на более упрощенных инструментах правового регулирования, не подрывающих сложившуюся систему правоприменения, связанных с увеличением числа кодифицированных актов. Более последовательный вариант развития торгового права, в т.ч. и правового обеспечения выставочно-ярмарочной деятельности, видится нам в постепенном правовом оформлении сферы торговли. На этом пути очередным шагом в нужном направлении можно считать предложение Н.К. Фроловой²⁴ о принятии специального акта — Федерального закона «О внутренней торговле». Такое предложение не выглядит безупречным на фоне сложившейся совокупности правовых актов соответствующей тематики, од-

нако с учетом дополнительного анализа за практики регулирования может стать

основой для последующих действий законодателя.

- ¹ Трунцевский Ю.В., Козлов А.А. Охрана и защита прав на средства индивидуализации товаров. М. : Юрист, 2006. [Truntsevskiy Yu.V., Kozlov A.A. Ohrana i zatschita prav na sredstva individualizatsii tovarov. M. : Yurist, 2006].
- ² См.: Государственный стандарт РФ ГОСТ Р 51303-99 «Торговля. Термины и определения» : Постановление Госстандарта РФ от 11 августа 1999 г. № 242-ст. [Gosudarstvenniy standart RF GOST R 51303-99 «Torgovlia. Termini i opredeleniya» : Postanovleniye Gosstandarta RF ot 11 avgusta 1999 g. № 242-st.]
- ³ Галаган А.А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. М., 1997. С. 24. [Galagan A.A. Istoriya predprinimatelstva rossiyskogo. Ot kuptsa do bankira. M., 1997. S.24.]
- ⁴ Руденко А.В. Ярмарки в системе форм взаимодействия субъектов товарного рынка // Российский судья. 2005. № 10. [Rudenko A.V. Yaramarki v sisteme form vzaimodeystviya sub'ektov tovarnogo rynka // Rossiyskiy sudya. 2005. № 10.]
- ⁵ Руденко А.В. Указ. соч. [Rudenko A.V. Op. cit.]
- ⁶ Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств. 1995. № 2. С. 121–126. [Sodruzhestvo. Informatsionnyi vestnik Soveta glav gosudarstv i Soveta glav pravitelstv. 1995. № 2. S. 121–126.]
- ⁷ Руденко А.В. Указ. соч. [Rudenko A.V. Op. cit.]
- ⁸ Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права. М., 1994. С. 235. [Shershenevich G.F. Uchebnik togovogo prava. M., 1994. S. 235.]
- ⁹ Саркисян М.Р. Понятие и формы биржевого посредничества // Журнал российского права. 2002. № 8. [Sarkisian M.R. Poniatije i formi birzhevego posrednichestva // Zhurnal rossiyskogo prava. 2002. № 8.]
- ¹⁰ Об этом подробнее см.: Платонов В.С., Стаханов В.Н. Формирование регионального рынка средств производства / отв. ред. В.С. Золотарев. Ростов н/Д, 1993. С. 51. [Platonov V.S., Stakhanov V.N. Formirovaniye regionalnogo rinka sredstv proizvodstva / eds. V.C. Zolotarev. Rostov n/D, 1993. S. 51.]
- ¹¹ Саркисян М.Р. Указ. соч. [Sarkisian M.R. Op. cit.]
- ¹² «Услуги торговли. Общие требования. ГОСТ Р 51304-2009» : утв. Приказом Ростехрегулирования от 15 декабря 2009 г. № 769-ст. М., Стандартинформ, 2010. [«Uslugi torgovli. Obtschiye trebovaniya. GOST R 51304-2009» : utv. Prikazom Rostekhregulirovaniya ot 15 dekabria 2009 № 769-st. M., Standartinform, 2010.]
- ¹³ Руденко А.В. Указ. соч. [Rudenko A.V. Op. cit.]
- ¹⁴ Фролова Н.К. Проблемы правового регулирования оптовой торговли // Налоги (газета). 2006. № 39. [Frolova N.K. Problemi pravovogo regulirovaniya optovoi torgovli // Nalogi (gazeta). 2006. № 39.]
- ¹⁵ Шарков Ф.И. Правовое регулирование коммуникационной деятельности: в рекламе, связях с общественностью, журналистике : учебное пособие. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2008. С. 77. [Sharkov F.I. Pravovoye regulirovaniye kommunikatsionnoi deyatel'nosti: v reklame, svyazyakh s obshchestvennostiyu, zhurnalistike : uchebnoye posibiye. M. : Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K», 2008. S. 77.]
- ¹⁶ К международным договорам, регулирующим выставочно-ярмарочную деятельность, участницей которых является Россия, относятся: Парижская конвенция 1928 г. о международных выставках, Соглашение с государствами — участниками СНГ от 26 мая 1995 г. «О развитии выставочно-ярмарочной деятельности в СНГ», Таможенная конвенция о карнете АТА для временного ввоза товаров (Брюссель, 1990 г.), Конвенция о временном ввозе (Стамбул, 1990 г.), а также двусторонние соглашения Российской Федерации о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве с иностранными государствами, касающиеся выставочно-ярмарочной деятельности.
- ¹⁷ См., напр., Налоговый кодекс РФ 2000 г. (ст. 264); Таможенный кодекс РФ от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ, Федеральный закон от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле», Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», от 7 июля 1993 г. № 5340-1 «О торгово-промышленных палатах», Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятель-

ности», Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 271-ФЗ «О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» и др. [Nalogoviy kodeks RF 2000 (art. 264); Tamozhenniy kodeks RF ot 28 maya 2003 № 61-FZ, Federalniy zakon ot 18 iulia 1999 № 183-FZ «Ob eksportnom kontrole», Federalniy zakon ot 8 dekabria 2003 № 164-FZ «Ob osnovakh gosudarstvennogo regulirovaniya venshnetorgovoi deyatelnosti», ot 7 iyulia 1993 № 5340-1 «O torgovo-promishlennikh palatakh», Federalniy zakon ot 10 dekabria 2003 № 173-FZ «O valitnom regulirovaniyi I valitnom kontrole», Federalniy zakon ot 24 noyabria 1996 № 132-FZ «Ob osnovakh turistskoy deyatelnosti», Federalniy zakon ot 30 dekabria 2006 № 271-FZ «O roznichnykh rinkakh I o vnesheniyi izmeneniy v Trudivoi kodeks Rossiyskoi Federatsiyi».]

- ¹⁸ См., напр., Распоряжение Правительства РФ от 20 декабря 2010 г. № 2346-р (ред. от 17.05.2011) «О перечне проводимых за рубежом выставок и ярмарок, на которых планируется организация российских экспозиций, частично финансируемых в 2011 году за счет средств федерального бюджета». [Распоряжение Правительства РФ от 20 декабря 2010 № 2346-р (ред. от 17.05.2011) «О перечне проводимых за рубежом выставок и ярмарок, на которых планируется организация российских экспозиций, частично финансируемых в 2011 году за счет федерального бюджета».]
- ¹⁹ См., напр., Приказ Минобрнауки РФ от 18 декабря 2008 г. № 388 «О Координационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности», Приказ Минэкономразвития РФ от 14 февраля 2005 г. № 36 «Об утверждении Положения о Департаменте государственного регулирования внешнеторговой деятельности и таможенного дела Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации». [Приказ Минобрнауки РФ от 18 декабря 2008 № 388 «О Координационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации по выставочно-ярмарочной и конгрессной деятельности», Приказ Минэкономразвития РФ от 14 февраля 2005 № 36 «Об утверждении Положения о департаменте государственного регулирования внешнеторговой деятельности и таможенного дела Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации».]
- ²⁰ См., напр., Постановление Правительства Кировской области от 15 мая 2007 г. № 94/214 «Об организации деятельности розничных рынков в Кировской области». [Постановление Правительства Кировской области от 15 мая 2007 № 94/214 «Об организации деятельности розничных рынков в Кировской области».]
- ²¹ Шарков Ф.И. Указ. соч. С. 77. [Sharkov F.I. Op. cit. S. 77.]
- ²² Сидорова Т.Э. Ярмарки и выставки-продажи как участники торгового оборота // Актуальные проблемы коммерческого права / под ред. Б.И. Пугинского. М., 2002. С. 166. [Sidorova T.E. Iarmarki i vystavki-prodazhi kak uchastniki torgovogo oborota // Aktualniye problem kommercheskogo prava / ed. B.I. Puginskiy. M., 2002. S. 166.]
- ²³ Пугинский Б.И. Коммерческое право России. М.: Юрайт, 2001. С. 32–34; Крепкий А. Торговый кодекс России. Каким ему быть? // 1999. № 12. С. 91–95. [Puginskiy B.I. Kommercheskoye pravo Rossiyi. M.: Iurait, 2001. S. 32–34; Krepkii A. Torgoviy kodeks Rossiyi. Kakim emu bit? // 1999. № 12. S. 91–95].
- ²⁴ Фролова Н.К. Указ. соч. [Frolova N.K. Op. cit.]

ЖЕНЩИНА ВО ВЛАСТИ И БИЗНЕСЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ПРАКТИК

А.Е. Чирикова

На протяжении последних десятилетий не утихают споры о том, почему в высшей иерархии власти во всем мире так мало женщин. По оценкам аналитиков, представительство женщин на руководящих постах в исполнительной власти в среднем в разных странах мира находится на уровне 8–10%, и лишь в Скандинавии этот показатель существенно выше и составляет 25–40%¹. В парламентах женщины представлены лучше, чем в исполнительной власти, их доля варьирует от 21,2% в странах Европы до 41,4% в Скандинавии². Традиционно исследователи гендерных проблем склонны интерпретировать этот факт наличием «стеклянного потолка», преодолеть который женщинам непросто³. Существует ли «стеклянный потолок» в России и во Франции, и если существует, то что собой представляет и насколько преодолим?

В России, согласно Реестру государственных должностей федеральных служащих, мужчины на рубеже веков занимали 94% высших, 85% главных и 68% ведущих должностей, в то время как женщины находились на должностях, не предполагающих принятия решений. Так, группа «старших» работников, представленная начальниками несамостоятельных структурных подразделений, их заместителями, консультантами и советниками, наполовину состояла из женщин. Еще выше доля женщин в «младшей» группе, где они составили 80,6%. За последнее десятилетие представительство женщин в структурах российской власти немного выросло. Однако говорить об изменении сложившегося по-

рядка, когда женщины преобладают на нижних этажах власти и их число уменьшается по мере продвижения по иерархической лестнице, пока преждевременно.

Субъекты Российской Федерации при всех региональных различиях в целом повторяют тенденции, закрепившиеся на федеральном уровне. Вплоть до последних лет доля женщин в структурах региональной власти оставалась неизменно низкой, составляя 6–9%. На городском уровне женщины представлены лучше, чем на региональном. Однако среди мэров городов их доля не превышает 8–10%. Франция по масштабам представительства женщин в законодательной власти занимает медианное положение между странами севера и юга Европы. В 2000-е гг. доля женщин существенно возросла в парламенте (18,5% в 2009 г. по сравнению с 12,5% в 2002 г.), в представительных органах местного уровня, а также на высоких постах в исполнительной власти. Однако, несмотря на то что женщины широко представлены среди государственных служащих (58%), только 12% из них находятся на руководящих постах. В этой связи возникает вопрос: что стоит за низкой проницаемостью структур власти для женщин? Гендерные стереотипы или нежелание самих женщин делать карьеру во власти? Предубежденность мужчин-руководителей или стремление не допустить женщин на руководящие позиции? Особенности корпоративной культуры или консерватизм властных институтов? Поскольку схожие явления наблюдаются в различных странах, хотелось бы понять, какие из пе-

речисленных барьеров являются сугубо национальным явлением, как они действуют в различных политических системах и насколько преодолимы.

Ответы на поставленные вопросы мы постарались найти в исследовании, в ходе которого были сопоставлены два национальных случая — российский и французский. Сравнительный анализ расширял границы исследования, позволял выявить общие тенденции и особенности гендерной асимметрии во властных структурах двух стран.

В рамках проведенного нами исследования «российский случай» был рассмотрен на примере двух регионов: Тамбовской области и Пермского края. В ходе исследования были взяты интервью у женщин-руководителей областного и городского уровней власти, кадровиков администраций и региональных экспертов. Выбор субъектов Российской Федерации в качестве исследовательского поля определялся полярностью регионов. Тамбовская область — сельскохозяйственный регион с характерным для него традиционным патриархальным укладом. В экономическом отношении это слабая территория, зависящая от поступлений из федерального бюджета. Пермский край, напротив, обладает богатыми природными ресурсами и диверсифицированной экономикой. Среди субъектов Российской Федерации регион известен развитой политической культурой и демократическими традициями. При всех различиях между регионами, в них наблюдается известное сходство относительно представительства женщин во власти: в Тамбовской области и Пермском крае женщины занимают ответственные посты в исполнительной власти, но слабо представлены в региональных парламентах. Российские данные были сопоставлены с материалами интервью, полученными во Франции у женщин-политиков, а также мужчин, руководителей административных и партийных структур.

Цель исследования состояла в изучении реальных практик продвижения и закрепления женщин на высших руководящих позициях в системе исполнительной и законодательной власти в России и Франции. Отдельно анализировались стили лидерства мужчин и женщин во власти и бизнесе. В России объектом исследования был региональный уровень власти, во Франции анализировалась государственная власть. Выводы исследования конструировались на основе материалов авторских интервью, а также аналитических материалов, полученных французскими и российскими исследователями в разные годы.

Задачи исследования

В ходе исследования нами анализировались следующие процессы:

а) анализ типов карьерного продвижения женщин-руководителей в исполнительной и законодательной власти разных уровней в России и во Франции;

б) анализ и описание барьеров продвижения женщин во власти на примере России и Франции;

в) оценка различий в стиле лидерства во власти и бизнесе между мужчинами и женщинами в России и Франции.

Исходные посылы, информационная база и методы исследования

Отличительной особенностью данного исследования является стремление выявить общие и особенные тенденции попадания и закрепления женщин на высших постах в системах исполнительной и законодательной власти в России и во Франции. В процессе работы использовались два вида аналитических данных: материалы официальной государственной и региональной статистики; материалы интервью с женщинами-лидерами исполнительной и законодательной власти. Российская ситуация была проанализирована на материалах 45 авторских интервью в двух российских регионах. Французский случай изучался на материалах исследований, проводившихся

ранее французскими учеными, а также 12 авторских интервью, проведенных Натальей Лапиной, одной из участниц проекта во Франции (Париж).

Замысел исследования строился на предположении, что официальная статистика позволяет фиксировать процессы, происходящие во власти на макроуровне, в то время как материалы интервью позволяют оценивать микростратегии попадания и удержания женщин во власти.

Использование техники глубинного интервью давало возможность рассмотреть происходящие во власти процессы изнутри; оценить, насколько тенденции, просматривающиеся в статистических материалах, отражаются в субъективных оценках респондентов.

Вместе с тем следует обратить внимание на методические ограничения данного исследования, которых трудно было избежать прежде всего по причине неравной доступности респондентов в России и во Франции. В результате «российский случай» изучался на примере региональной власти, тогда как во Франции интервью проводились с политиками и государственными служащими, представляющими высший уровень власти (нижняя палата парламента и министерства). Кроме того, по своему объему материалы полевого исследования, проведенного во Франции, уступают российским, вследствие чего далеко не по всем изученным вопросам удалось получить полноценный уровень сопоставлений.

Метод глубинного интервью позволял строить беседу с респондентами, максимально учитывая не только цели проводимого исследования, но и интересы и возможности самого человека, давшего согласие на интервью. По речевой стилистике, целевой направленности и жесткой структуре интервью позволяло максимально приблизиться к системе смыслов тех лиц, с которыми оно проводится. Подобный тип интервью, в котором выделяются блоки основных тем, дает возможность максимально актуа-

лизировать преимущества респондента, рассматривая его не только как «человека информированного», но и как эксперта в области изучаемой проблемы. Несмотря на возможность отклонения от схемы интервью, мы пытались максимально полно получить те оценки, которые представлялись принципиально важными по замыслу исследования.

При анализе материалов интервью мы использовали не только модель «типизации позиций» респондентов, но и сделали попытку проанализировать разнообразие подходов. Это давало возможность увидеть исследуемые проблемы в комплексе и оценить границы вариативности исследуемых ситуаций и позиций.

1.1. Путь во власть: случайность или карьерный проект?

Среди исследователей российской власти распространено представление, что занятие руководящих позиций определяется близостью назначенца к первым лицам власти. Вследствие этого, чтобы попасть во власть, человеку недостаточно обладать профессионализмом, но необходимо, во-первых, понимать, что ждет от него первое лицо, и, во-вторых, сохранять лояльность команде, даже при условии если ее действия расходятся с его собственными представлениями.

Соответствует ли это мнению реальному положению дел? Как женщины сегодня оказываются на высших постах во власти? Является ли их карьерное продвижение результатом осознанного выбора или следствием решения, принятого наверху? Что движет женщинами, когда они соглашаются занять руководящие посты во власти: честолюбие или желание хорошо сделать свое дело, доказать себе и окружающим, что у них получится не хуже, чем у мужчин? Насколько различаются модели продвижения женщин на руководящие посты в России и Франции?

Аналитически на основе материалов проведенных интервью можно выде-

лить как минимум три возможные модели продвижения женщин в российской и французской власти: *модель постепенного роста, модель парашютирования, модель наследования*. Первые две модели распространены как в России, так и во Франции, третья модель характерна для французского случая. Первая модель — *модель постепенного роста* реализуется как в исполнительной, так и в законодательной (представительной) власти. Внутри исполнительной власти она предполагает постепенное завоевание зон влияния за счет профессионализма и эффективности управленческих шагов. Условием ее осуществления является успешный и длительный опыт работы внутри структур исполнительной власти. Претендентки, продвигающиеся в рамках модели постепенного роста, как правило, зависят от выбора лидера и не проявляют карьерного рвения даже при наличии выраженных профессиональных достижений. Инициатива со стороны вышестоящих руководителей никогда не бывает случайной, а решение о высоком назначении должно быть «заработано» всей предшествующей деятельностью. «*Каждое мое новое перемещение по горизонтали или вертикали всегда следовало за инициативным предложением извне. Я, в принципе, ведомая. Но на пустом месте предложения не поступают. На протяжении всей жизни я начинала не с руководящей должности, а потом постепенно до нее дорастала. Каждый раз я самостоятельно отыскивала себе следующую ступеньку*», — замечает в интервью вице-мэр крупного города.

Эта модель также осуществляется внутри законодательной власти. В этом случае карьера делается постепенно — «*step by step*».

Во Франции модель постепенного роста также является востребованной. Речь идет о карьерах профессионалов, которые благодаря своим качествам продвигаются по карьерной лестнице в исполнительной власти. Однако, в отличие

от россиянок, французские женщины имеют осознанную карьерно ориентированную стратегию, которую удается реализовать благодаря четко действующим механизмам кадрового отбора и продвижения на государственной службе. В представительной власти модель постепенного роста реализуется с помощью механизма выдвижения. Этот механизм оказывается действенным для женщин, представляющих структуры гражданского общества. Среди них немало лиц, занятых в социальной сфере (врачи, учителя, медсестры, социальные работники, воспитатели). Сначала активисты продвигаются в рамках политических партий и общественных организаций, избираются на местных и региональных выборах и при успешном стечении обстоятельств позже становятся депутатами Национального собрания или Сената. Вот как свой путь в политику оценивает П. Крезон, депутат Национального собрания Франции от Французской социалистической партии: «*Чтобы не разочароваться в политике, лучше начинать свою политическую карьеру «снизу», с малых дел. Сначала я была членом муниципального совета (с 1977 г.), затем заместителем мэра. Я прошла длинный путь, прежде чем мои коллеги по партии попросили меня выставить кандидатуру на выборах в парламент*». Механизм выдвижения предполагает, что политическая карьера делается медленно — в течение пятнадцати–двадцати лет.

Вторая модель — *модель парашютирования* — построена на привлечении кандидатов на высокий пост в исполнительной власти извне. Она предполагает наличие у претенденток развитого социального капитала в виде связей и знакомств, а также опыта управления или общественного признания. В отличие от модели постепенного роста, эта модель отличается быстротой реализации. В России условием «парашютирования» на высокую должность являются доверительные отношения с первыми лица-

ми. Именно так на министерские посты в российском правительстве были назначены женщины министры, хорошо знакомые Президенту Д. Медведеву по совместной работе над национальными проектами. В Пермском крае губернатор О. Чиркунов назначил на министерские посты женщин, известных ему по совместной работе в коммерческих структурах. В современной России «парашютирование» в исполнительную власть из бизнеса достаточно распространено. В Пермском крае основную роль сыграл тот факт, что губернатор сделал карьеру в бизнесе. Коллег, хорошо зарекомендовавших себя по предыдущей работе, он пригласил работать во власть, невзирая на то, что они не имели опыта работы во властных структурах.

Во Франции применительно к исполнительной власти чаще используется термин *назначения*, тогда как парашютирование подразумевает предложение баллотироваться на выборах, в ходе которых победа кандидату практически обеспечена. Формально назначение на высокий пост в исполнительной власти открыто для женщин, закончивших престижные учебные заведения, такие как Национальная школа администрации или Политехническая школа, которые готовят высшие кадры системы государственного управления. Но на практике большую роль в процессе назначения играют неформальные отношения (дружеские связи; вхождение в близкий круг первого лица). Французская элита существенно отличается от российской. Во-первых, сегмент государственной элиты во Франции гомогенен, что обеспечивается схожими условиями социализации, образования и карьерного продвижения ее представителей. Во-вторых, профессиональный и социальный капитал во Франции должен подкрепляться капиталом политическим. «Сделать политическую карьеру вне партии, — признает женщина-политик, — практически невозможно». Этим путем в большую по-

литику пришли С. Руаяль, кандидат на президентских выборах (2007 г.) от ФСП, нынешний министр юстиции Р. Дати. Сами женщины предпочитают этот путь в большую политику участием в выборах, однако эксперты подчеркивают его ненадежность, поскольку назначение всегда зависит от решения находящихся у власти мужчин.

Модель наследования предполагает, что политический капитал передается внутри семьи или ее близким друзьям. Применительно к женщинам эта модель продвижения работает преимущественно во Франции. Здесь принадлежность к семье нотаблей дает возможность наследнику либо избираться на местных, региональных или общенациональных выборах, либо открывает ему дорогу в исполнительную власть. К политическим наследникам опрошенные эксперты относят министра здравоохранения и спорта Р. Башло, отец которой был депутатом; Первого секретаря ФСП М. Обри, дочь известного французского социалиста Ж. Делора; сына президента Н. Саркози, сделавшего карьеру внутри находящейся у власти партии «Союз за народное движение». Модель наследования в современной Франции, как считают аналитики, применяется все реже и реже. В политике возрастает, если воспользоваться выражением П. Розанваллона, доля «женщин-индивидуумов», которые продвигаются на высокие посты исключительно благодаря своим деловым качествам, а не поддержке ближайшего окружения или семьи⁴.

В России, где новые политические институты возникли недавно, модель наследования только формируется. Тем не менее процесс передачи представителями элиты своей власти по наследству становится заметным. Вот что по этому поводу думает один из респондентов: «Многие зоны влияния во власти передаются по наследству. Я не буду называть фамилии. Но мы точно знаем, что в областной думе есть депутат, кото-

рый держит значительную часть бизнеса в автосервисе, его племянник является депутатом городской Думы. Городская Дума у нас — «детский дом». Влиятельные отцы заседают в областной думе, а сыновья или племянники — в городской. Таким образом, выстраиваются целые сети, благодаря которым удерживается власть». В отличие от Франции, в России модель наследования реализуется чаще всего по мужской линии, в то время как женщины предпочитают политике бизнес. Тем не менее случаи наследования по женской линии фиксируются, хотя на сегодняшний день это редкость, и речь идет о наследовании политического капитала, а не должности⁵.

Анализ материалов интервью свидетельствует о том, что в России, во-первых, попадание женщин во власть остается достаточно случайным и, во-вторых, карьерный рост является не результатом целенаправленных усилий самих женщин, а следствием решения, принятого руководителем, чаще всего мужчиной. Зависимость карьерного роста во власти от непосредственного руководителя настолько велика, что собственные интенции женщин просто не берутся в расчет. Нередко ситуация складывается таким образом, что назначаемые не вправе отказать начальнику. Не менее важным для женщины является не только авторитет руководителя, но и внутреннее понимание тех функций, которые ей предстоит исполнять в новой должности. Женщины, добившиеся успеха в рамках модели постепенного роста, чаще говорили о решающей роли профессиональных качеств, которые им помогли победить сложившуюся практику назначений. *«Стеклянный потолок» во власти существует, но я его специально не пробивала. Пришла работать завхозом в городскую администрацию, постепенно сама пробилась до заместителя вице-мэра, хотя специально такой задачи не ставила, работала и все. Мужчины, как правило, на руководящие должности*

рекомендуют мужчин. Поэтому женщине, чтобы оказаться на высоком посту, надо быть действительно профессионалом», — считает вице-мэр. Однако, как бы сами женщины ни настаивали на значимости профессионального капитала, нельзя забывать об их персональных качествах и полученном образовании. Российские регионы на протяжении двух последних десятилетий живут в состоянии неопределенности, а это, в свою очередь, предьявляет повышенные требования к прогнозным навыкам руководителя. Материалы исследования свидетельствуют, что те женщины-руководители, которые не обладают сильным характером, профессиональным любопытством и склонностью к решению трудных задач, не могут удержаться во власти, даже если им удалось на какое-то время подняться на высокую ступеньку во властной иерархии.

В России сложно говорить о преобладании определенной модели продвижения во власть. Тем не менее выделим три определяющих момента:

1. На сегодняшний день в нашей стране преобладает бюрократический путь наверх, идет ли речь о постепенном выращивании кандидатов на высокие посты внутри бюрократических структур или кооптации в них. Результатом такой политики, как отмечают многие исследователи, в России 2000-х гг. стало усиление позиций бюрократического сегмента элиты⁶.

2. Одной из наиболее характерных особенностей России является переход во власть представителей бизнеса. В ближайшем будущем эта тенденция, скорее всего, получит дальнейшее развитие, поскольку продвижение успешных кадров из бизнеса во властные структуры рассматривается нынешним российским руководством как способ решить проблему дефицита кадров.

3. Партии в России не превратились в эффективный социальный лифт. В нашем исследовании эта особенность вы-

явилась особенно ярко, хотя бы потому, что основным объектом нашего изучения являлись представители исполнительной ветви власти, которая не формируется по политическому принципу. В перспективе эта ситуация может измениться, т.к. властью предпринимаются усилия, направленные на превращение партий в каналы вертикальной мобильности. Именно так следует рассматривать новый порядок выдвижения на губернаторский пост кандидатов от партии, одержавшей победу на региональных выборах, а также создание «Единой Россией» собственного кадрового резерва.

Во Франции первоначально при продвижении на высокие посты в политике действовали неформальные механизмы (дружеские, семейные связи, вхождение в близкий круг первого лица). С принятием законов о равном доступе женщин и мужчин к выборным и государственным должностям стали утверждаться формальные механизмы продвижения женщин в политику и власть. Сегодня во Франции одновременно действуют различные социальные лифты. Одни эксперты утверждают, что наиболее эффективным из них является государственная служба, мотивируя свою позицию тем, что основным принципом государственной службы является равенство в продвижении по карьерной лестнице для мужчин и женщин. Этот тезис подтверждается данными статистики: в 2005 г. по конкурсу на государственную службу было принято 61% женщин и 39% мужчин⁷. Другие в качестве наилучшего социального лифта называют институт политических партий.

Если сравнивать продвижение женщин во власть в России и во Франции, то выделяются как совпадения, так и различия. Как и в России, во Франции преимущественно путь женщин во власть строится по сценарию «долгой карьеры». Об этом свидетельствует тот факт, что средний возраст женщин-депутатов нижней палаты французского парла-

мента, по оценкам экспертов, выше, чем возраст мужчин. Если говорить о различиях, то главным является то, что французские женщины проявляют большую активность в построении своей политической карьеры, а в своем продвижении вверх они все меньше зависят от мужчин. Доля женщин, которые приходят в политику через активную работу в организациях гражданского общества и партийных структурах, считает французский эксперт, будет возрастать. Этому способствует новое законодательство о выборах и пропорциональная система голосования, принятая на региональных и местных выборах. *«Продвижение женщин в политике — это постепенный рост. Чем больше женщин будет заседать в муниципальных и региональных советах, тем больше женщин появится в политике, и это в перспективе приведет к избранию новых депутатов-женщин в Национальное собрание»*, — считает одна из французских респонденток.

Российские женщины делают свою карьеру в большей степени случайно, не имея выраженной готовности бороться за свое место под солнцем. Отсутствие институциональных условий, гарантирующих женщинам представительство в законодательной власти, приводит к тому, что именно эта ветвь власти является наиболее закрытой для женщин. Однако сами женщины, как и российское общество в целом, не воспринимают сложившуюся ситуацию как недопустимую. Опрос, проведенный организацией *«World Public-Opinion.org»* (2008 г.), показал, что в России лишь треть населения (35%) считала очень важным, чтобы женщины имели права, полностью равные с мужчинами, а 17% полагали, что это не слишком важно (для сравнения во Франции мнения распределились следующим образом: 75% и 2%)⁸. Отчасти именно поэтому российским женщинам пока не удалось переломить ситуацию и повысить уровень своего представительства в структурах власти.

1.2. Барьеры на пути продвижения женщин во власть

Французские и российские исследователи, анализируя препятствия на пути продвижения женщин во власть, делают упор на сохранении культурных и гендерных стереотипов в обществе и социально-психологические ограничения самих женщин, мешающих им делать карьеру. Насколько сложившиеся представления соответствуют реальным практикам? Что по этому поводу думают сами женщины? Хотят ли они занимать во власти самые высокие позиции?

Проведенный нами анализ позволяет говорить о том, что выявленные в более ранних исследованиях, в т.ч. в наших собственных, представления о том, что именно провоцирует закрытость властных структур для женщин-руководителей, должны быть, с одной стороны, расширены, с другой, переосмыслены под влиянием перемен, происходящих в структурах современной российской власти. Барьеры попадания во власть могут как различаться, так и совпадать, если речь идет о двух уровнях власти: представительной и исполнительной.

Представительная власть. В России, если следовать материалам интервью, наиболее серьезными препятствиями для женщин при избрании в органы региональной законодательной власти являются:

- высокий уровень конкуренции;
- слабое представительство женщин в бизнес-элите региона;
- несформированность каналов продвижения женщин в законодательную власть;
- социокультурные стереотипы электорального поведения избирателей;
- слабая активность самих женщин.

Самым серьезным барьером для продвижения женщин в законодательную власть областного уровня, по мнению женщин-депутатов и экспертов, является конкуренция со стороны мужчин, заня-

тых бизнесом и располагающих серьезными финансовыми ресурсами. Вот что по этому поводу думает одна из наших респонденток, работающая в аппарате регионального парламента: *«Следует понимать, что Законодательное собрание — это конкурентная среда, клуб влиятельных людей. Депутаты дорожат нахождением в нем. Здесь решаются многие вопросы помимо законодательных. Совершаются сделки, рождаются взаимно интересные бизнес-проекты. Более слабым игрокам сюда не пустят, они просто никому не интересны»*. Обоснованность подобной позиции подтверждается тем, что в 2000-е гг. социальный состав законодательных собраний в России существенно изменился: их покинули представители социальной сферы (врачи, учителя, социальные работники), а их места заняли представители бизнеса, составляющие на сегодняшний день от 65 до 85% депутатов. Складывается ситуация, при которой законодательная власть отражает структуру бизнес-элиты региона. А из этого следует, что пока женщины не станут значимыми экономическими акторами регионального уровня, продвигаться в областную законодательную власть им будет достаточно трудно. Это мнение разделяет тамбовский эксперт В. Пеньков: *«Зная структуру малого и среднего бизнеса, могу сказать, что, пока не будет активного прихода женщин в бизнес, у них не появится рычагов политического влияния. Спонтанного прихода женщин в политику вряд ли стоит ожидать»*.

Вместе с тем сдвиги уже происходят: женщины присутствуют и в бизнесе, и в политике, правда, пока в небольших городах, где уровень конкуренции невысок. Распространится ли этот процесс в перспективе на областные столицы, а вслед за ними и на региональные парламенты, покажет время: *«Сегодня процесс вхождения женщин в бизнес и власть уже начался. Возьмем председателей и заместителей городских советов. Среди председателей районных советов женщин по-*

явилось достаточно много, однако их статус невелик. Их туда пустили только потому, что это неконкурентная ниша для мужчин», — убежден профессор Тамбовского государственного университета политолог Д. Сельцер.

Не менее важным фактором для России выступает сниженная политическая активность самих женщин, на чем настаивает Н. Баяндина, руководитель департамента взаимодействия со СМИ Законодательного собрания Пермского края: *«Женщины сами не проявляют должной активности. Нет заметных активных женщин в регионе. Пермский край — промышленный регион, во главе всех важных предприятий всегда были мужчины. С появлением бизнеса эта традиция стала постепенно размываться, но все равно сильна. Женщины еще не показали и не доказали элите, что могут быть достойными игроками, в том числе в политике».*

Сниженное представительство женщин в областной законодательной власти нередко объясняется гендерными стереотипами избирателей, в т.ч. женщин, которые не готовы голосовать за женщин-политиков. Нежелание допускать женщин во власть со стороны электората некоторые из экспертов склонны интерпретировать завистью к чужим успехам и ментальными ограничениями женщин-избирательниц. *«Активно участвующие в выборах избиратели — женщины. Они первыми выбрасывают женщин из списков. Мотивация отторжения различна и, как правило, иррациональна. Во-первых, действует раздражение от чужой успешности, во-вторых, женская аудитория, оказывающая решающее воздействие на результаты в муниципальных выборах, состоит из людей в возрасте от 35 до 60 лет. Продвижение женщин в политику не входит в их систему ценностей. Таким образом, женщины отказываются выбирать женщин. Биологический пол становится «потолком» в политике», — продолжает свои размышления В. Пеньков.*

Серьезным препятствием на пути продвижения женщин в политику и власть является ограниченность каналов рекрутирования в законодательную власть. До сих пор не работают партийные каналы, хотя сами партии, и особенно «партия власти», претендуют на статус «элитных инкубаторов». Слабым остается такой канал, как общественные организации. Не сформировался механизм привлечения в законодательную власть региона женщин, имеющих опыт работы в городской думе. Почему так происходит? По мнению респондентов, партии и общественные движения пока не занимаются выращиванием женщин-лидеров. *«Свою задачу выращивания лидеров и продвижение их во власть женские общественные объединения не выполняют. Я не вижу у них такой цели. У нас в 1990-е гг. были слышимые организации, они занимались на местном уровне решением социальных проблем. Но задача выращивания своих лидеров перед собой не ставили. Выращивание женского движения — это очень серьезная проблема. У нас нет молодых лидеров», — считает Т. Марголина, уполномоченный по правам человека в Пермском крае.* Аналогичные оценки звучат в адрес политических партий. Участники исследования отмечают, что женщины привлекаются партиями, как правило, на этапе проведения предвыборной кампании, но потом по неизвестным причинам в финал гонки не попадают. *«Если проанализировать списки, которые были предложены на выборах депутатов областной думы по пропорциональной системе, то женщин там было более чем достаточно. Они были заявлены как элемент предвыборной агитации в списках ЛДПР, КПРФ, «Единой России», Родины. Но как только дело дошло до того, чтобы по осени посчитать цыплят, то в списках оказались одни петухи», — говорит эксперт.*

Можно предположить, что со временем партийные и общественные организации будут выполнять функцию соци-

альных лифтов. Тем более уже сегодня есть партии, благодаря которым женщины продвигаются во власть. *«Партийный ресурс становится все более значимым, поэтому многие женщины вступают сегодня в партии. Легче всего женщине продвигаться в рамках демократической партии. В ЕР или ЛДПР другие принципы, хотя у них сегодня больше женщин избрано в Государственную думу. Женщинам в партии непросто. Например, у нас в Перми у истоков создания ЕР была одна активная женщина, но руководство партии ее сейчас постепенно задвигает»,* — говорит одна из респонденток. Некоторые участницы исследования не скрывают, что для них работа в партийных структурах может стать «запасным аэродромом» в случае провала на выборах. *«В партии рамки для женщин расширяются, хотя в руководящих органах женщин немного. Мне кажется, что женщинам в партии легче себя проявить и продвинуться. Я даже для себя решила: если в следующий раз на выборах не буду выдвигаться, займусь партийным строительством, а потом пойду в земское собрание»,* — говорит глава района.

В будущем, чтобы партии стали открытыми для женщин, необходимо более жестко регулировать их деятельность, утверждают некоторые эксперты. *«Надо создавать жесткие законодательные условия для политических партий, которые могли бы стать реальным механизмом. Ведь когда происходит формирование первой десятки списка кандидатов от партии, женщины практически не бывают представлены. Движение в партию бизнеса сметает на своем пути женщин, впрочем, как и мужчин из бюджетной сферы, которые не обладают нужными ресурсами. Требуется формулировка более четких условий попадания женщин во власть»,* — убеждена цитирувавшаяся выше Т. Марголина. Однако следует признать, что в условиях России вторжение государства в деятельность партий и некоммерческих организаций уже сегодня превратилось в серьезную проблему. А следовательно,

дополнительное регулирование их деятельности вряд ли может рассматриваться как рецепт для привлечения женщин в общественно-политическую жизнь.

О необходимости принятия законодательства, обеспечивающего равный доступ мужчин и женщин к выборным должностям, говорили и другие участники исследования. Но при этом у респондентов не сложилось общее видение мер, которые могли бы быть приняты. Опрошенные женщины-политики и эксперты в большинстве своем не являются сторонниками законодательного введения квот. Некоторые даже считают, что на практике эта мера может привести к ухудшению качественного состава Законодательного собрания. *«Есть возможность увеличения женщин в партийных списках, но для этого не избежать квотирования. Это могут быть внутренние партийные директивы. Но при формальном квотировании качественный состав депутатов будет явно страдать. Поэтому я против»,* — высказывает свое мнение один из экспертов-мужчин.

Серьезным препятствием на пути продвижения женщин на более высокие позиции во власти является отсутствие в современной России механизма выдвижения в областную власть политиков, сделавших карьеру на низовом, в частности городском, уровне. В результате женщины, имеющие опыт политической деятельности на городском уровне, не могут перейти на уровень областной власти. Возникает логичный вопрос: почему это происходит? Эксперты полагают, что для подобного перехода женщинам не хватает инициативы. Но сами женщины-депутаты городской думы подчеркивают, что областная дума — *«это клуб богатых людей»,* куда путь для них закрыт.

В целом в российских регионах наиболее трудно достижимыми для женщин остаются кресла в областном парламенте. Достаточно сказать, что всего по одному депутату-женщине заседает в региональном парламенте Тамбовской области и

Пермского края. Городская представительная власть для женщин более открыта. Наше исследование выявило большую внутреннюю готовность женщин работать именно на этом уровне власти. Одни участницы исследования объясняют это «*трезвой оценкой своих возможностей*», другие — хорошим знанием городской среды и повседневных проблем, с которыми сталкиваются жители. Применительно к женщинам, пришедшим в городскую представительную власть из бизнеса, действует прагматический интерес: именно городской уровень власти обеспечивает им должный уровень защиты, ведь чаще всего женщины представляют малый и средний бизнес. Пока что попадание в областную законодательную власть слишком дорого обходится, а главное, не соответствует по масштабу уровню проблем, с которыми сталкиваются женщины-предпринимательницы.

Исполнительная власть. Женщины из исполнительной власти также признают, что барьеры, мешающие их приходу и росту в высшей исполнительной власти региона и города, существуют. Прежде всего это косность властных институтов, в которых судьба женской карьеры чаще всего определяется вышестоящими начальниками, которые не всегда благоволят к женскому руководству: «*Потолок женщины во власти определяется вышестоящим руководством, а именно как конкретно начальник в своем маленьком мире относится к женщине как к работнику. Если относится нормально и для него не важно, кто его коллега или подчиненный — мужчина или женщина, тогда все хорошо. А если иначе? Все зависит от конкретного начальника. Рост женщин в администрации зависит от позиции губернатора. Судьба женщин на руководящих постах в центре, зависит от политики президента. Всякий потолок зависит от того, кто его подпирает своей макушкой*».

Как и в случае с представительной властью, в исполнительной власти не сформировался механизм выдвижения

кадров с городского на региональный уровень. Удивляться этому не приходится: в постсоветский период в российских регионах не утихло жесткое противостояние между губернаторами и мэрами областных столиц, нередко носившее персонифицированный характер. В этой ситуации сложно представить, чтобы областная власть «открыла двери» для лиц из конкурирующей команды. Сложившаяся ситуация крайне негативно сказывается на кадровом потенциале, поскольку наиболее деловые, агрессивные и продвинутые претенденты, не видя для себя перспектив в регионе, уезжают работать в Москву или занимают свои ниши в бизнесе.

Другие препятствия, на которые указывают женщины, по своему характеру парадоксальны: женщины сами не стремятся расти вверх, с одной стороны, с другой — не способны объединиться для защиты от «мужского» шовинизма во власти: «*Почему мы не можем пробиться наверх? Первый вариант ответа — нас всех все устраивает. Второй вариант — внутри власти созданы такие условия, когда все женщины выживают в ней поодиночке. Нам очень трудно. Однако я уверена, что, как только мы начнем формировать женские сети поддержки, мужчины это моментально выявят по своим неформальным каналам и посчитают это заговором. В интригах они сильны. Если женщины начнут интриги во власти, тогда кричи караул. Возможно, что это и оставливает каждую из нас*».

Эксперты, в свою очередь, связывают это не с «заговором мужчин», а с неумением женщин договориться друг с другом и болезненным восприятием успеха своих соратниц, которых сами женщины воспринимают как соперниц: «*Женщинам труднее договориться между собой. Женщины чужой успех воспринимают как собственную неудачу*». Однако далеко не все аналитики столь критичны в отношении женской психологии. Некоторые из них полагают, что причина здесь

кроется несколько в ином, например, А. Пучнин, председатель избиркома Тамбовской области, утверждает: *«Не существует заговора, согласно которому мужчины не хотят женщин пускать во власть. Может быть, он был когда-то, но сейчас его нет, сейчас площадка открыта. Единственное чего нет — это системы продвижения женщин во власть, нет квотирования. Я против него. Должен действовать естественный отбор, в котором женщины вполне способны выигрывать. Но естественный отбор — это элемент случайности. Мотивация назначения женщин во власть абсолютно разная».*

Какие бы внешние барьеры продвижения женщин во власть мы ни анализировали, открытым остается вопрос: каких высот во власти хотели бы достичь те женщины, которые уже занимают руководящие позиции? И хотели бы они оказаться на более высоких ступенях властной иерархии? Исследование позволяет говорить о том, что женщины скорее ориентированы на то, чтобы *сохранять свои позиции во власти*, чем наращивать их. Объяснение тому простое: слишком высоки нагрузки и широк масштаб деятельности. Нередко участницы исследования ссылались на недостаток опыта, который тормозит их карьерные амбиции. *«Я сегодня вице-премьер, до этого работала министром социального развития. Но если бы меня спросили, хочу ли я быть губернатором, то ответила бы «нет». Потому что надо уметь рассчитывать силы по дистанции. Сейчас я в себе таких сил не чувствую»*, — говорит одна из наших респонденток. Характерно, что наибольшие сомнения у женщин вызывает пост губернатора, требующий огромного напряжения физических и моральных сил, которые, как думают женщины, у них отсутствуют. Кроме того, женщины честно признаются: жизнь работой не ограничивается, в ней есть много другого. *«Губернатором лучше пусть будет мужчина. Нагрузка очень высокая. У женщины есть чисто физические*

ограничения для занятия самой высшей позиции. Тем более что женщина параллельно обременена семьей. Губернатору нужна потрясающая мобильность. Это может выдержать только тренированный мужчина, да и то не любой. Мне это не надо. Кроме карьеры надо сохранять еще и здоровье. Есть и другие интересы, которые не менее важны, чем работа. Надо уметь сохранять внутреннюю гармонию, жизнь на работе не замыкается», — аргументирует свою позицию высокопоставленный руководитель.

Некоторые из них называют работу во власти жертвенностью и не хотят изменять своему личностному началу: *«Мне трудно планировать будущее. Но любая ступенька вверх — это обязательно жертва. Своей личной жизнью. Своим пространством. Своими привязанностями. Это всегда выбор. Хотя, если я захочу, мне не будет особых препятствий на нашем региональном уровне. Сегодня мне достаточно тот уровень, который у меня есть»*, — считает одна из наших респонденток.

Есть и такие женщины, которые свое нежелание расти дальше, до более высоких рубежей мотивируют возрастом, хотя не исключено, что за подобной констатацией скрываются другие, более сложные мотивы, например нежелание конкурировать со своим руководителем за власть: *«Я никуда не рвусь. У меня нет чрезмерных амбиций. Я не конкурент своему руководителю. Не могу сказать, что я не честолюбива, но зачем мне это нужно? Чтобы менять одни погоны на другие, надо иметь запас возраста. Каждый сам определяет, сколько ему работать, сколько отдыхать. Мне 58 лет, я не ставлю перед собой таких задач, потому что вполне реально оцениваю ситуацию»*, — считает влиятельная женщина-политик, заместитель председателя городского представительного органа.

Другая статусная чиновница не может дать рационального объяснения своему нежеланию расти выше министерской позиции, честно признаваясь, что

не хочет этого: *«Мне кажется, что у меня есть определенный предел моих возможностей. Не хочу, и все. Вы меня спросили, и я не думая ответила: «нет». Почему не хочу, мне сложно сказать. Меня сегодня вполне устраивает мой уровень и то, что у меня есть. В какой-то степени я готова все время начинать сначала. Но до тех пор, пока это не встало передо мной как неизбежная необходимость, я не буду хотеть этого делать».*

Есть и такие женщины, которые относят себя к профессионалам-специалистам и намеренно сужают пространство своего влияния границами определенной отрасли: *«Я думаю, что женщине в ее карьере гораздо лучше оставаться профессионалом и ограничиваться определенной отраслью. Может наступить момент, когда ты окажешься не в той команде. Оставаясь на позициях профессионала, ты всегда оцениваешься более объективно, ты гораздо более востребована»*, — считает одна из министров регионального правительства.

Анализ препятствий, которые возникают на пути продвижения женщин в политику и власть в России и Франции, свидетельствует об их сопоставимости. Во Франции за последние десятилетия изменилось отношение к женщинам-политикам со стороны массовых слоев избирателей. Однако это не означает, что традиционные настроения электората полностью изжиты. В ряде интервью звучала тема «женского антифеминизма», когда французские женщины-избиратели отказываются голосовать за женщин-политиков и особо критично относятся к тем из них, кто сделал карьеру во власти. *«Сексизм проявляется не только в поведении мужчин, но и в поведении самих женщин в отношении к женщинам, занимающим высокие посты во власти. Запомнилась демонстрация сельскохозяйственных работниц, когда министром сельского хозяйства была Эдит Крессон. Тогда женщины вышли на улицу с плакатами: «Эдит, в постели ты лучше,*

чем на министерском посту», — вспоминает один из участников исследования.

Определенные сложности возникают у французских женщин и внутри партийных структур. *«Считаю, что выборы женщин-депутатов — это не проблема избирателей, а проблема политических партий, которые в этом вопросе пока не дотягивают»*, — считает депутат французского парламента П. Крезон. О том, что женщины не всегда адекватно воспринимаются внутри партийных структур, говорили мужчины-политики. Член ЦК Французской коммунистической партии (ФКП) Р. Мартелли убежден, что французским женщинам весьма непросто в мужском партийном окружении: *«Женщинам в партии сложно двигаться вверх. Во Франции до сих пор сохраняется народная культура “мачо”, для которой характерно преклонение перед силой. В политике это действует до сегодняшнего дня: надо уметь дать отпор, быть сильным. Тем не менее сегодня женщинам удается подниматься вверх по партийной иерархии, хотя им это трудно. Многие предстоит сделать в плане изменения культурных представлений. Пока мы еще далеки от решения этих проблем».*

Определенное исключение составляют французские ультралевые партии, в которых по традиции женщины занимают руководящие позиции. Об отсутствии проявлений сексизма внутри троцкистского движения говорил в своем интервью А. Кривин, многие годы руководивший «Коммунистической лигой»⁹: *«Иногда во время заседаний Генеральной дирекции женщины, составляющие половину руководства, требуют приостановить дискуссию и удаляются на консультации, чтобы выработать консолидированную позицию. Женщины заставили мужчин принять эти условия. Сегодня ни один из нас не решился бы возражать. Любая сексистская реакция вызывает в Лиге жесткое неприятие. Это стало возможно благодаря борьбе женщин за свои права. И я считаю, что это очень хорошо».*

Барьером на пути продвижения женщин во власть во Франции признается система выборов по мажоритарным округам. *«До сих пор политические партии не признают легитимность женщин на выборах в одномандатных округах, это связано с тем, что на протяжении многих лет в одних и тех же округах баллотируются одни и те же кандидаты-мужчины. Победителем в мажоритарном округе становится самый сильный кандидат, т.е. тот, кто имеет больше всего ресурсов. У женщин ресурсов, как правило, меньше, чем у мужчин».* Некоторые политические партии пытаются компенсировать неблагоприятную ситуацию, закрепляя за женщинами фиксированную часть округов на выборах в парламент (ФСП). Речь идет о «сложных» округах, проведение избирательной кампании в которых отнимает много сил и времени. *«В ФСП существует порядок — есть «женские округа». Сегодня их насчитывается 40% от общего числа округов по всей Франции. Это далеко не лучшие округа, а иногда в них просто невозможно победить. Выделение «женских округов» сделано специально: если бы этого не было, то кандидатами в депутаты становились только мужчины. Это было внутривнутрипартийное решение, ставшее возможным благодаря тому, что в нашей партии есть очень сильные женщины, которые на протяжении многих лет ведут борьбу за права женщин»,* — делится своими размышлениями депутат от ФСП.

Неблагоприятная ситуация на выборах в парламент уравнивается преимуществами, которых французским женщинам удалось добиться на выборах по пропорциональной системе. В партийных списках в соответствии с законом должно быть равное количество мужчин и женщин-кандидатов. Однако *«эта законодательная норма, — говорит французский политик, троцкист А. Кривин, — лицемерна: если вы норму не соблюдаете, то должны платить штраф. Это как Киотский протокол — можете загрязнять окружающую среду, но платите*

за это деньги». Практика показывает, что многие политические партии не соблюдают законодательные нормы, предпочитая платить штраф¹⁰.

Женщины чаще избираются на тех выборах, которые невысоко котируются у политиков-мужчин, прежде всего речь идет о выборах в Европарламент, а также о выборах в муниципальные советы. Политические партии, отмечает в этой связи политолог М. Синно, легко выдвигают кандидатуры женщин на муниципальные выборы, однако, как только заходит речь о выборах в Национальное собрание или Сенат, количество препятствий возрастает¹¹.

Можно ли достичь гендерного баланса в органах власти за счет введения механизма квотирования? Как и их российские коллеги, французские женщины-политики демонстрируют противоречивое отношение к принципу квотирования, хотя и признают, что закон о равном доступе к выборным должностям позволил существенно увеличить представительство женщин в законодательной власти Франции. *«Теперь карьеры женщин будут делаться более быстро благодаря законам о квотах. В идеале я хотела бы, чтобы события развивались естественным путем, чтобы мужчины и женщины, составляющие человеческий род, сами пришли бы к пониманию необходимости равенства в политике. Квоты — это не самое лучшее решение проблемы. Хотя сегодня мэры уже не смогут сказать, что «у нас нет женщин». Когда к муниципальным выборам подготавливались списки, женщины везде нашлись. Квоты распространяются только на пропорциональную систему выборов. И понадобится время, чтобы эта система была применена на выборах в Национальное собрание и Сенат»,* — размышляет о французской политической системе П. Крезон.

Многие высокопоставленные женщины во Франции не разделяют принцип квотирования. Против него, к примеру, выступает нынешний министр

внутренних дел Франции М. Алио-Мари. Как и многие ее успешные коллеги, она полагает, что женщина должна утверждаться в политике благодаря своим способностям и личным качествам, а не по принципу гендерного квотирования. Против квот выступают и представительницы французского бизнеса, тем не менее признавая, что без квот продвигаться по карьерной лестнице и во власти, и в бизнесе женщине очень трудно.

Итак, в России и во Франции барьеры на пути продвижения женщин в политику и власть сохраняются. Однако эти барьеры различаются по своей высоте, а главное — в обеих странах общество и власть по-разному относятся к их существованию. Несмотря на сложившиеся барьеры, во Франции за последние десятилетия были предприняты серьезные усилия, направленные на устранение препятствий на пути продвижения женщин в политику и власть (законодательство о выборах, деятельность партий). В России общество и власть продолжают не замечать накопившихся проблем и не делают осознанных шагов по снятию накопившихся противоречий. Слабо работающими остаются партийные каналы продвижения женщин во власть; неформальные практики и закулисные соглашения, в результате которых женщины не попадают в число финалистов на региональных выборах, остаются доминирующими, что, по сути, закрывает для женщин законодательную ветвь власти.

Наряду с внешними во Франции и России сильны внутренние ограничения на пути продвижения женщин во власти. Они связаны с воспитанием девушек, которым предписываются традиционные женские нормы поведения; заниженной самооценкой женщин; завышенным страхом не справиться с поставленными задачами; незаинтересованностью женщин в собственном карьерном росте. Потребуется время, чтобы воспитать поколение женщин, более уверенных в себе, а главное — самодостаточных. Во Фран-

ции над этими проблемами размышляют политики и интеллектуалы, ими озабочено общество. В России новый тип женщин формируется стихийно преимущественно в бизнес-среде.

Проделанный анализ позволяет заключить, что барьеры попадания и продвижения женщин во власть в России и во Франции во многом схожи между собой. Однако французские женщины продвинулись в отстаивании «равных возможностей» с мужчинами намного дальше российских женщин. Особого внимания в России при рассмотрении возможностей смягчения барьеров попадания женщин во власть заслуживает фактор снижения конкуренции за места во власти, о котором говорят эксперты. Он делает власть избирательно более проницаемой для женщин, однако такие барьеры, как перегрузки и страх перед неуспешностью, у женщин все равно остаются. Барьеры во многом можно было бы смягчить, если бы общественные организации занимались выращиванием кадров, если бы не была разрушена система продвижения с муниципального уровня на более высокий — региональный и если бы сами женщины проявляли большую заинтересованность в карьерном росте.

1.3. Особенности мужского и женского лидерства: так ли велики гендерные различия?

В научной среде давно ведется дискуссия об отличиях женского стиля управления от мужского¹². Сотрудница Школы менеджмента при Университете штата Калифорнии Дж. Розенер, изучавшая особенности женского стиля руководства фирмой, утверждает: «Первые женщины-управляющие принимали правила поведения, характерные для мужчин, и это приводило их к успеху. Однако вторая волна женщин — руководителей высшего эшелона достигла успеха не путем использования мужского стиля, а создавая и разрабатывая свой специфич-

ческий женский стиль управления. Женщины — управленцы второго поколения достигают успеха не вопреки, а благодаря свойствам характера и особенностям поведения, считавшимися прежде женскими и недопустимыми в руководителях»¹³. Констатация этого факта как нельзя лучше демонстрирует, что женщины не только овладевают уже сложившимися технологиями успешного менеджмента, но и вырабатывают собственные, которые адекватны условиям, в которых существуют власть и бизнес. Исследование, проведенное Международным женским форумом, показало: в стилях управления между мужчинами и женщинами имеются как различия, так и совпадения¹⁴.

Традиционно женщины приписывают свою власть не статусу, а таким личностным характеристикам, как повышенная интуиция, умение устанавливать контакты с людьми, трудолюбие. В этом отношении не являются исключением оценки, данные в ходе нашего исследования высокопоставленными женщинами из власти. *«Женщины более усидчивы и рациональны. Они делают самую тяжелую кропотливую работу во власти. Мужчины более ленивы, чаще, чем женщины, позволяют себе ничего не делать на работе»*. Исследование показывает, что психологически женщины в большей степени, нежели мужчины-руководители, склонны к коллективному принятию решений, охотнее стимулируют участие сотрудников в общем деле. *«Мне ближе согласовательный стиль управления. Я всех собираю, все мнения слушаю, а потом решаю. Согласовательный стиль сейчас самый эффективный»*, — убеждена одна из респонденток. Если продолжить линию достоинств, женщины охотнее мужчин делятся информацией, считая, что такой обмен создает обстановку доверия в коллективе. Женщины-руководители поощряют самоутверждение сотрудников, что мотивирует их эффективно исполнять поставленные задачи. Многие принявшие участие в исследовании

женщины-руководители подчеркивали вклад своих подчиненных в успех общего дела. При этом они нередко преуменьшали собственную роль. Моральная поддержка подчиненных и их поощрение — важные особенности женского менеджмента. Привлечение подчиненных к принятию решений не является единственным методом женского руководства. Опыт показывает: когда этот метод не работает, женщины успешно принимают решения единолично.

Как показывают материалы интервью, к своим достоинствам женщины относят способность к кропотливой, требующей повышенного внимания и усердия работе. *«Женщине больше, чем мужчине, присуще желание докапываться до мелочей, многое делать самой. Это дает определенные преимущества впоследствии. Когда имеешь результат, ты знаешь, как он достигался. В этом случае не только время сокращается, но и мозги тренируются. А мужчине это неинтересно»*. Дело, однако, не только в приверженности мелочам, но и в умении видеть более мелкую сетку проблем, владения более мягкими способами их решения. *«Женщина мягче, она может создавать более гибкую систему, жизненную и устойчивую по своей сути»*.

Однако ориентация на мелочи как достоинство женского менеджмента признается не всеми женщинами-руководителями. Некоторые из них убеждены, что речь, скорее, идет о недостатке, снижающем управленческий потенциал. Эти респондентки убеждены: самые высокие позиции во власти женщине не под силу: *«Мужчины меньше вникают и быстрее принимают решение. Женщины делают это медленнее, они утопают порой в мелочах. Стратегического мышления им явно не хватает, а во власти нужны стратегия и принципы. Женщины в силу своего характера подвержены сомнениям, они очень боятся ошибок. Это замедляет процесс. Я убеждена, что глава администрации, его заместители — это*

мужская роль. Мужчина с этим справляется лучше».

К недостаткам женского менеджмента участницы исследования также относят повышенную эмоциональность, хотя можно присоединиться к мнению эксперта В. Пенькова, что интуиция и эмоциональность нужны всем руководителям: *«Интуиция и эмоциональность важны, они нужны всем, и мужчинам, и женщинам. Но когда интуиция доминирует над всем остальным и в результате возникает миллион терзаний, то это не идет на пользу делу. Эмоциональность тоже очень ценна и нужна. Но когда эмоциональное вытесняет рациональное, это нехорошо. Зная женщин, представителей бизнеса и властных структур, я понимаю, что успеха достигают те из них, кто находит некую золотую середину».*

Некоторые участники исследования справедливо полагают, что поиск недостатков и преимуществ по гендерному признаку — малоперспективная задача. *«Различия в управлении между мужчинами и женщинами не стоит рассматривать как преимущества или недостатки. Все зависит от степени внутренней свободы. Мне кажется, что значимость гендерной специфики переоценивается. В целом я не нахожу гендерной составляющей в своей работе»,* — убежден руководитель Департамента внутренней политики администрации Пермского края С. Неганов.

Исследования Э. Мишель-Альдер фактически подтверждают высказанную точку зрения. Она, опираясь на научные данные, одной из первых предложила не проводить жестких различий между мужским и женским менеджментом¹⁵. Несмотря на то, что роль руководителя закреплена за мужчиной исторически, исследовательница убеждена, что женщина не слепо копирует мужской стиль управления, а создает свой собственный стиль, основанный на использовании традиционных ролевых функций матери, сестры, помощницы. Исследование, проведенное нами несколько лет тому назад, фак-

тически подтвердило вывод о том, что специфику мужского и женского лидерства не стоит переоценивать. Эффективный менеджмент не имеет пола. Руководитель, чтобы достигать успеха, должен обладать двойным репертуаром управленческих технологий — и мужским, и женским. Более того, если руководитель обладает ярко выраженными мужскими или женскими стилями лидерства, то вероятность того, что он достигнет успеха в управлении меньше, чем если бы он реализовывал смешанный стиль управления¹⁶.

Сделанные ранее выводы нашли подтверждение и в ходе настоящего исследования. Частота высказываний, свидетельствующих о том, что биологический пол не так важен при руководстве, за прошедшие пять лет существенно возросла. Если раньше такой точки зрения придерживалась одна четверть респондентов, то теперь более половины респондентов были убеждены, что делить менеджмент на мужской и женский вряд ли правомерно. *«Я бы не делила профессионалов на женщин и мужчин. Для меня существует понятие умный или неумный человек. Для управленца все равно, какой у него биологический пол. Когда работаешь в команде, не обращаешь внимания на то, мужчина это или женщина, просто есть партнеры, идет работа. Важно: можно с этим человеком работать или нельзя».* Некоторые из респонденток прямо говорили о том, что иногда они теряют внутреннее ощущение собственного пола при принятии решений: *«Я внутренне ощущаю себя и мужчиной, и женщиной, хотя интуиция у меня явно женская»,* — замечает молодая женщина руководитель высшего ранга.

Важно, что, описывая женщин во власти, респонденты напоминают не только о присутствии мужских черт в ментальной структуре женщины-руководителя, но и о приобретении мужчинами женских черт. «Брутальность», по мнению самих мужчин, может не только

помогать, но и мешать управлению, когда нужна высокая гибкость, иногда она провоцирует неприятные женские черты («Капризы связывают с женщинами. Но они свойственны и мужчинам во власти. Начальничество предполагает после одного года неэффективного управления скатывание в капризы»). Некоторые из экспертов идут еще дальше, свидетельствуя о том, что во власти и бизнесе на руководящих постах все больше появляется мужчин, психология и способы достижения успеха которых представляют собой психологическую смесь из мужских и женских черт характера: «Я знаю много мужчин с женскими чертами, которые достигают успеха. Я могу назвать десятки таких фамилий в бизнесе и во власти. Они демонстрируют покладистость, покорность, излишнюю эмоциональность, шутливость. Они умеют расположить к себе, понять состояние другого, а потом воспользоваться всем этим, получив свою выгоду. Они живучи. Биологический пол во власти и бизнесе постепенно стирается. Этим сферам нужны люди с разными психологическими умениями — и мужчины, и женщины одновременно», — убежден один из наших экспертов.

Отличается ли лидерство во власти от лидерства в бизнесе? Могут ли женщины-руководители в бизнесе быть успешными, перейдя на работу во власть? Возможно, что эти ниши лидерства требуют от женщин разных психологических черт? Материалы интервью дают возможность предположить, что, несмотря на имеющиеся различия, лидерство во власти и бизнесе имеет схожую природу, хотя управление во власти — еще более сложная и интересная задача, чем управление в бизнесе. «Власть сложнее бизнеса. В бизнесе задачи более конкретные, но работать во власти интереснее. Правда, результат во власти очень растянут и ответственность другая. Прозрачности меньше, хотя о ней много говорят», — убеждена вице-мэр одной из областных столиц. Несмотря на имеющиеся сложности и отдаленность результа-

та, власть притягивает женщин не меньше бизнеса. «Меня серьезно привлекает необходимость при всей бюрократизации власти принимать абсолютно разные решения в различных областях в единицу времени. Во власти управленческие задачи на порядок выше, чем в бизнесе», — говорит бывший топ-менеджер крупной торговой компании, а ныне министр регионального правительства. Некоторые из женщин, пришедшие во власть из бизнеса, убеждены, что власть более открыта эксперименту и инновациям, нежели бизнес, поэтому она дает возможность для внутреннего роста. Однако, наряду с преимуществами, власть имеет свои недостатки, которые делают работу в этой сфере труднее, чем в бизнесе. Таких основных недостатков два: неповоротливость власти и слабая ориентация на результат.

Но не только скоростью принятия решений и ориентацией людей на результат власть отличается от бизнеса. Одно из самых существенных отличий — это отличия в субкультуре, в способах подбора персонала, в требованиях эффективности: «Власть предъявляет требования к корпоративности и преданности. Бизнес требует эффективной экономики: он существует для зарабатывания денег, и если доходов нет, такой бизнес никому не нужен», — убеждена одна из предпринимательниц, которая смотрит на власть из своей профессиональной ниши и не находит в ней преимуществ по сравнению с бизнесом. С позицией представительницы бизнеса солидаризируется начальник Контрольно-аналитического управления правительства Пермского края П. Блусь: «Власть в результативности проигрывает бизнесу. У бизнеса есть четкое целеполагание и эффективность, даже возможность ее измерить. У власти этого нет».

Несмотря на то, что каждая из ниш имеет свои преимущества и ограничения, некоторые из экспертов справедливо напоминают, что разделение власти и бизнеса как сфер управления сегодня в лучшем случае неправомерно, но жен-

щине в бизнес вписаться все же легче, чем во власть. *«Традиционное разграничение сферы власти и бизнеса является ошибочным. Власть сегодня — это бизнес. Дивидендов во власти более чем достаточно. Чем власть все же отличается от бизнеса? В бизнесе при всех сложностях формальностях и неформальностях, вызревает некая конкурентность. В сфере власти конкурентность отсутствует. А женщины более успешны в конкурентной среде».*

Французские предпринимательницы также убеждены, что и в бизнесе, и во власти женщине управлять непросто. Именно поэтому избыточная жесткость женщин во власти и бизнесе есть скорее вынужденный ответ на жесткость поставленной задачи, а не особенность характера женщины-лидера: *«Я бы не стала педалировать сюжет относительно особенностей женского лидерства. Тем более я бы не стала утверждать, что женщина — более мягкий лидер»*, — говорит О. де Тюэн, предприниматель, руководитель и создатель Женского форума.

Действующие французские политики присоединяются к мнению представительницы бизнеса, подчеркивая, что особого типа женского лидерства не существует: *«Не следует думать, что женщины-депутаты всегда лучше мужчин. Иногда они бывают значительно хуже мужчин, иногда они бывают просто невыносимы. Впрочем, как и мужчины».* Схожей позиции придерживается высокопоставленный французский чиновник: *«Я очень люблю работать с женщинами, особенно когда они красивые и умные. Но я не согласен с тем, что они работают иначе, чем мужчины».*

Отметим вместе с тем некоторые особенности, которые отличают российских женщин-лидеров от француженок. В интервью российские женщины, как уже отмечалось выше, говорили о том, что позволяют себе пользоваться женственностью. Женственность используется ими для того, чтобы быть уверенными, что они не прослынут «мужиком в

юбке», чего им на самом деле не хотелось бы. *«Я иногда подключаю женское кокетство. Надо не забывать, что ты женщина. И это мне помогает, бывает дополнительным аргументом. Женщина должна быть разной, многовариантность очень важна, чтобы не прослыть женщиной с кувалдой».* Нередко российские участницы исследования признавались, что могут в интересах дела продемонстрировать слабость. Во Франции все иначе. Какой бы образ ни стремилась создать французская женщина-руководитель или политик, она никогда не позволит себе проявить слабость: *«Во Франции это неммыслимо, ведь женщины завоевали свои позиции в ожесточенной борьбе».* А кроме этого, женщина на ответственном посту *«хочет показать, что она способна выполнять политические функции, что она профессионал. Мы находимся в высших сферах власти. Люди здесь в основном уважают сложившиеся правила».*

Таким образом, между лидерством во власти и бизнесе различия выражены сильнее, чем собственно гендерные различия. Власть как сфера управления, по мнению респондентов, интереснее бизнеса, но она имеет существенные структурные ограничения — низкий темп принятия решений, сниженную эффективность, слабую нацеленность на результат, что большинством респондентов расценивается как менее конкурентная среда, в которой продолжает господствовать клановость. Но здесь важно другое: как бы ни были велики институциональные различия между властью и бизнесом, женщины, пришедшие из бизнеса во власть и имеющие лидерский потенциал, оказываются во власти не менее эффективными, чем в бизнесе. Анализ стилей лидерства мужчин и женщин во власти и бизнесе позволяет убедиться в том, что специфика женского лидерства по сравнению с мужским существует, но ее не стоит переоценивать. Гораздо больше оснований говорить о том, что эффективный ме-

неджмент во власти все в большей степени теряет черты биологического пола. Эффективные руководители вынуждены сегодня овладевать двойным репертуаром управленческих технологий, и они вполне справляются с этой задачей. Преимуществом женского менеджмента по-прежнему остается опора на интуицию, умение работать с «мелкой сеткой проблем», внимание к людям.

Заключение

Сравнивать политическую жизнь в России и Франции непросто. Франция — страна с давними демократическими традициями, сформированной партийной системой и развитым гражданским обществом. Формально все это в России существует. Но при этом партии имеют мало общего с классическими политическими партиями, некоторые из них созданы государственной бюрократией в целях поддержания существующего политического режима; выборы проходят с использованием административного ресурса и «грязных технологий», а гражданские инициативы, как и вообще любая оппозиционная деятельность, встречают отпор со стороны властей. Несформированность в современной России институциональных механизмов продвижения женщин в политику и власть приводит к тому, что российские женщины чаще «следуют» за ситуацией, а их попадание во власть — результат стечения благоприятных обстоятельств, а не продуманной карьерной стратегии. Во Франции существование открытых политических институтов и отлаженных социальных лифтов дает женщине возможность осознанно выстраивать свою персональную стратегию продвижения по карьерной лестнице, что является безусловным преимуществом. В западном мире Франция по уровню представительства женщин в структурах власти занимает средние позиции. Россия отстает от Франции не только по представительству женщин в органах власти, но и по степени осмысления обществом

гендерных проблем. Глухота общества, политических институтов и самих политических акторов к теме гендерного неравенства в нашей стране очевидна.

Во Франции особую роль в формировании политической элиты играют политические партии. Политическая активность является важнейшим условием продвижения женщин во власть. Большинство женщин-политиков в современной Франции начинали свою карьеру в партийных структурах или организациях гражданского общества. В России институциональные условия для продвижения женщин в политику и власть только начинают формироваться. Функцию механизма вертикальной мобильности осваивают политические партии, прежде всего «Единая Россия» и «Справедливая Россия». В процессе партийного строительства привлечение женщин становится удачным пиар-ходом, позволяющим партиям создавать привлекательный, более «человечный» образ. «Единая Россия» и «Справедливая Россия» создавались бюрократией, а «подбор кадров» в них ведется по бюрократическому принципу. Среди женщин-депутатов Государственной Думы Российской Федерации преобладают лица с «номенклатурным прошлым». Среди них мало представителей гражданского общества, молодежных и женских организаций. Сложно представить, чтобы в созданных по бюрократическому принципу партиях развернулось серьезное и творческое обсуждение проблем гендерного неравенства в политике. К этому не готовы ни партийное руководство, ни сами женщины-политики, для которых, судя по всему, тема введения квот не является актуальной. Более открытыми для женщин и обсуждения проблем гендерного дисбаланса являются демократические партии¹⁷, однако в нынешнем составе российского парламента они не представлены. Все это позволяет говорить о том, что российские женщины-политики в большинстве своем пока еще

не сформировались как политические акторы — за ними не стоит социально-политический проект, который они могли бы и стремились реализовать.

- 1 Кочкина Е. Политическая система преимуществ для граждан мужского пола в России, 1917–2002 гг. // Гендерная реконструкция политических систем / ред.-сост. Н. Степанова, Е. Кочкина. СПб.: Алетейя, 2004. С. 495. [Kochkina E. Politicheskaya sistema preimutshestv dlia grazhdan muzhskogo pola v Rossiyi, 1917–2002 гг. // Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem / ed. N. Stepanova, E. Kochkina. SPb.: Aleteya, 2004. S. 495.]
- 2 Айвазова С. Российские выборы: гендерное прочтение. М.: ОАО Московские учебники и Картолитография, 2008. С. 225. [Aivazova S. Rossiyskiye vibory: gendernoye prochteniye. M.: ОАО Moskovskiyе учебники i Kartolitografiya, 2008. S. 225.]
- 3 Чирикова А., Кричевская О. Женщина-руководитель: деловые стратегии и образ Я // Социологические исследования. 2000. № 11. [Chirikova A., Krichevskaya O. Zhentshina-rukovoditel: deloviyе strategiyi i obraz Ya // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2000. № 11.]
- 4 Femmes et pouvoir exécutif dans le monde. URL: http://centre-histoire.sciences-po.fr/centre/groupes/femmes_politiques.html
- 5 Примером такого наследования является назначение на должность заместителя губернатора, а затем представителя администрации Орловской области в Совете Федерации М. Рогачевой, дочери бывшего губернатора Орловской области Е. Строева (в 2009 г. отправлена в отставку). «Наследницей» бывшего мэра Санкт-Петербурга А. Собчака является его вдова, Л. Нарусова, в настоящее время сенатор от Республики Тыва.
- 6 Гаман-Голутвина О. Политические элиты России. М., 2007; Гаман-Голутвина О. Российская элита в годы президентства В. Путина... С. 72–96. [Gaman-Golutvina O. Politicheskkiye elity Rossiyi. M., 2007; Gaman-Golutvina O. Rossiyskaya elita v gody presidentstva V. Putina... S.72–96.]
- 7 Conseil économique et social, Op. cit. P. 197–202; Royal S., Touraine F. Si la gauche veut des id es. P.: Bernard Grasset, 2008.
- 8 Айвазова С. Российские выборы: гендерное прочтение. С. 234. [Aivazova S. Rossiyskiye vibory: gendernoye prochteniye. S. 234.]
- 9 В настоящее время «Коммунистическая лига» преобразована в Антикапиталистическую партию. — Прим. авт.
- 10 Только в 2004 г. пропрезидентский Союз за народное движение выплатил штраф в 4,2 млн евро, ФСП — 1,6 млн евро, ФКП — 123 тыс. евро.
- 11 Sinneau M. Quel pouvoir politique pour les femmes ? Etat des lieux et comparaisons européennes. In: Les femmes dans la prise de décision en France et en Europe / Sous la dir. de Gaspard F. P.: Harmattan, 1996. P. 95.
- 12 Чирикова А.Е., Кричевская О.Н. Женщина-руководитель: деловые стратегии и образ Я // Социологические исследования. 2000. № 11; Мишель-Альдер С. Стиль женского руководства. Лекция. Высшая коммерческая школа. МВЭС — М., 1991. [Chirikova A., Krichevskaya O. Zhentshina-rukovoditel: deloviyе strategiyi i obraz Ya // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2000. № 11; Michelle-Alders S. Styl zhenskogo rukovodstva. Lektsiya. Visshaya kommercheskaya shkola. MVES — M., 1991.]
- 13 Rosener J.B. Ways Women lead // Harvard business rev. 1990. Vol. 68. № 6. P. 74–85.
- 14 Женщины в бизнесе / под ред Н. Павловой. М.: ИНИОН РАН, 1993. С. 39. [Zhentshini v biznese / ed. N. Pavlova. M.: INION RAN, 1993. S. 39.]
- 15 Мишель-Альдер Э. Стиль женского руководства. Лекция. [Michelle-Alders. Ibid.]
- 16 Чирикова А.Е. Женщина и мужчина как топ-менеджеры российских компаний // Социологические исследования. 2003. № 1. [Chirikova A.E. Zhentshini i muzhchini kak top-menedzheri rossiyskikh kompaniy // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2003. № 1.]
- 17 Достаточно сказать, что в ходе парламентских выборов 2007 г. самое высокое представительство женщин было зафиксировано в списках партий демократической ориентации: Яблоко — 26%, СПС — 25%. См.: Айвазова С. Российские выборы: гендерное прочтение. С. 38–39. [Aivazova S. Rossiyskiye vibory: gendernoye prochteniye. S. 38–39.]

СТРАТЕГИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

Ли Син, Ван Чэнсин

Энергия (происходит от греческого языка «*energeia*», деятельность) — способность какого-либо тела, вещества и т.п. производить какую-либо работу или быть источником той силы, которая может производить работу². Энергетика, бесспорно, является материальной базой прогресса человеческого общества и мировой экономики. За последние годы проблема энергетической безопасности постепенно становится «узким местом» в социоэкономическом развитии Китая. Центральная Азия — это регион, богатый топливными ресурсами, он географически близко расположен к Китаю. При этом Центральная Азия уже стала центральным звеном в системе энергетической безопасности Китая. Данная статья — попытка осмысления стратегии энергетической безопасности Китая в современных условиях и отношений Китая со странами Центральной Азии в энергетической области.

Китайская дилемма энергетической безопасности

Неоспоримый факт — реформы и открытость очень способствовали и способствуют бурному росту китайской экономики в настоящий момент, они стимулировали и стимулируют процессы урбанизации, индустриализации и интернационализации Китая. Благодаря этому Китай стал второй в мире экономикой по объему после США. В соответствии с этим объем энергетического потребления в Китае растет высокими темпами, особенно в сфере нефти и газа. По официальным данным, объем потребления нефти в Китае в 2011 г. соста-

вил 450 млрд тонн — второе место в мире после США. В 2003 г. на государственном заседании по экономической работе руководство страны обозначило «финансы» и «нефть» как два ключевых момента в экономической безопасности Китая. Как отмечал известный британский историк Пол Кеннеди, «трудности с материальными ресурсами будут серьезно сдерживать Китай»³. Управление США по энергетической информации прогнозировало, что в 2020 г. уровень зависимости Китая от импортных нефтяных ресурсов составит 62,8%, а в 2025 г. достигнет 68,8%⁴.

Факторы, влияющие на энергетическую безопасность страны, оказались многообразными и сложными. Например, война, конъюнктура рынка, логистика, технология, инвестиционный приток, геополитика, безопасность производства, стихийные бедствия и др. В сегодняшнем Китае императивы энергетической безопасности, по большому счету, сводятся к следующим положениям.

Во-первых, нехватка стратегических запасов нефти. По официальным данным, общий объем стратегических запасов нефти в Китае составляет лишь 14 млн тонн. Такой объем сможет обеспечивать расходы Китая в нефти не более чем на 20 дней⁵. Представляется очевидным, что объем стратегических запасов нефти находится далеко от принятой оценки Международного энергетического агентства (МЭА) — 90 дней. В этой связи Китай рассчитывает на обеспечение запасов нефти в 850 млн тонн к 2020 г.⁶ Только тогда Китай сможет достигнуть

требования МЭА по объему стратегических запасов нефти.

Во-вторых, снабжение энергоресурсами недостаточно. В этом году уровень зависимости Китая от импортной нефти достиг 57% (для сравнения: в США — 53%)⁷, тем более что 58,8% импортированной нефти Китая поставлялось главным образом с Ближнего Востока. Однако за последние годы ситуация на Ближнем Востоке и в Северной Африке существенно ухудшилась: возникли вооруженные конфликты и политическая дестабилизация. Сложившаяся ситуация оказывает негативное влияние на энергетическую безопасность Китая.

В-третьих, транспортировка углеводородов находится под угрозой. В Китае 80% импортированной нефти доставляется морскими путями, однако почти 90% перевозки нефти обслуживают иностранные судоходные компании. США в последнее время с необыкновенной активностью перенацеливают свою стратегию с Запада на Восток, пытаются укрепить свое военное присутствие в АТР и твердо контролируют многие стратегические морские пути, в т.ч. и в Малаккском проливе. Совершенно очевидно, что все это будет препятствовать расширению масштаба транспортировки энергоносителей в Китай. Кроме того, многие морские перевозки находятся под угрозой из-за пиратства в некоторых морских водах (в Карибском и Южно-Китайском морях). То есть безопасности энергетических перевозок будет уделяться особое внимание.

В-четвертых, цена на нефть далека от своей фактической стоимости. Из-за высокого уровня зависимости от внешних источников нерационально высокая цена на нефть неоспоримо будет влиять на повышение цен на другие энергетические и промышленные продукты, стимулировать инфляцию на внутреннем рынке страны.

В-пятых, отсутствие многостороннего энергетического диалога. Китай

не вошел в группу стран — энергопотребителей в МЭА, также Китай не относится к такой организации стран-энергопроизводителей, как ОПЕК. В связи с этим интересы Китая обычно не учитываются как в многостороннем диалоге по энергетическим вопросам, так и в процессе определения цен на энергоресурсы.

Структурные особенности современной стратегии

энергетической безопасности Китая

На прошедшем XVIII съезде Компартии Китая Ху Цзинтао подчеркнул, что «если смотреть на международную и внутреннюю ситуацию в целом, то развитие нашей страны все еще продолжает оставаться на стадии важных стратегических выборов. Нам нужно, безошибочно оценивая перемены в содержании и условиях этого периода, полностью используя благоприятный момент и хладнокровно реагируя на бросаемые вызовы, удерживать инициативу, добиваться превосходства и завоевывать будущее, тем самым обеспечивать себе выполнение грандиозных задач полного построения среднестатистического общества к 2020 г., удвоению ВВП и среднедушевых доходов городского и сельского населения по сравнению с 2010 г.»⁸. Для исполнения вышеуказанных задач в докладе XVIII съезда было отмечено, что наряду с информационной и продовольственной безопасностью энергетическая безопасность становится ключевым вызовом, с которым неизбежно столкнется Китай.

Китай — одна из крупнейших стран по энергопотреблению и импорту энергоресурсов. Для Китая энергетическая безопасность в основном относится к безопасности снабжения нефтегазовыми ресурсами. Согласно «Докладу об энергетике Китая 2012 г.: энергетическая безопасность» под энергетической безопасностью понимается надежное, беспереывное снабжение энергоресурсами, которое необходимо для эконо-

мического развития страны⁹. В «Докладе по энергетическому развитию Китая (2012)», опубликованном Академией общественных наук Китая, было подчеркнуто, что вопрос безопасности энергетического снабжения делится на два типа: «абсолютная» и «относительная» энергетическая безопасность. Абсолютная энергетическая безопасность также получила название «монопольной» безопасности. Это означает, что крупный энергопотребитель с помощью собственной экономической, политической и военной мощи пытается в мировом масштабе контролировать и владеть главными нефтегазовыми месторождениями, усиливать коалиционное военное сотрудничество, контролировать стратегические пути транспортировки, играть главенствующую роль в международных энергетических организациях и гарантировать энергетическое снабжение по стабильным ценам. США бесспорно являются единственным исполнителем стратегии «абсолютной» энергетической безопасности в нынешних условиях. «Относительная» энергетическая безопасность предусматривает сотрудничество, чтобы обеспечить коллективную энергетическую безопасность. С одной стороны, энергопотребители акцентируют свое внимание на налаживании сотрудничества с энергопроизводителями, используя совместную добычу, развивая инвестиционную деятельность, производство энергоинфраструктуры и др. С другой стороны, между энергопотребителями создаются разные механизмы энергетического мониторинга, информационного обеспечения, стабилизации цены на энергоресурсы, управления перевозками энергоресурсов и др. для обеспечения собственной энергобезопасности¹⁰. Нам представляется очевидным, что ориентация на относительную энергетическую безопасность, безусловно, является стратегическим выбором Китая. Китайская стратегия энергетической безопасности включает в себя сле-

дующие приоритетные направления: «экономия», «технологические инновации», «диверсифицированное сотрудничество». Поясним содержание этих категорий.

Во-первых, «экономия». Экономия ресурсов и охрана окружающей среды служат основой государственной политики. На XVIII съезде Всекитайского собрания Компартии Китая было уделено особое внимание созданию экологической культуры и заявлено о том, что «ресурсоэкономия — основная мера охраны экосреды. Следует обеспечивать экономное и интенсивное использование ресурсов посредством стимулирования коренного преобразования форм их использования и усиления самого управления всем процессом использования в целях экономии, чтобы можно было значительно уменьшать интенсивность потребления энергоресурсов, воды и земли, повышать при этом коэффициент и эффективность их использования. Нужно продвигать революционные формы производства и потребления энергоресурсов, контролировать общий объем их затрат, интенсифицировать экономию энергоресурсов и снижение затрат, поддерживать развитие энергосберегающей и низкоуглеродной индустрии, освоение источников новых и возобновляемых энергоресурсов, обеспечивая энергетическую безопасность страны»¹¹. В «Проекте по экономии энергоресурсов и сокращению промышленных выбросов на двенадцатый пятилетний период (2010–2015)», опубликованном Госсоветом КНР в 2012 г., было отмечено, что к 2015 г. энергозатраты в Китае будут снижены до 0,869 тонн угля с целью обеспечения производства единицы продукции в ВВП страны на сумму 10 тыс. юаней. По сравнению с 2010 г. показатель энергозатрат снизится на 16% (с 1,034 тонн угля)¹².

Во-вторых, «технологические инновации». Научно-техническим инновациям как стратегической опоре в

повышении уровня общественных производительных сил и совокупной государственной мощи требуется отводить центральное место во всем процессе развития страны¹³. Формирование «инновационного общества» является одной из целей развития Китая на ближайшие годы. Речь идет не только об инновациях в идеологии и методах управления, но и, что важнее, об инновациях в технологии. Как утверждал Дэн Сяопин, научная технология является первой производящей силой, т.е. научная технология не только определяет развитие производящих сил, но и способствует трансформации общества, экономики и культуры. При этом лидеры и руководители Китая многократно заявляли, что для дальнейшего обогащения потенциала развития Китая необходимо всеми силами продвигать научно-технический прогресс в энергетической сфере, повышать инновационную способность страны и преодолевать технические трудности энергетического развития¹⁴. На сегодняшний день разработка новых видов энергии и новых энергетических технологий является важной составляющей внешнеполитического сотрудничества Китая с зарубежными странами.

В-третьих, «диверсифицированное сотрудничество». В сфере международного энергетического сотрудничества, по большому счету, существуют три модели взаимодействия: горизонтальная, вертикальная и комплексная модели¹⁵. Горизонтальная модель энергетического сотрудничества представляет собой многостороннее сотрудничество между энергопотребителями. Типичным примером данной модели служит Международное энергетическое агентство (МЭА). Страны — участницы МЭА создали систему коллективного использования энергоресурсов в период энергетического кризиса, обмена информацией по энергетическому рынку, стабилизации цен на нефть. На основании установленных диалоговых связей с организациями-

энергопроизводителями и другими странами, находящимися вне организации, страны — участницы МЭА рассчитывают на снижение рисков в развитии международного энергетического сотрудничества. Под вертикальной моделью энергетического сотрудничества понимается установление двустороннего сотрудничества между энергопотребителями и энергопроизводителями. Другими словами, эта модель обеспечивает прямое взаимодействие между двумя тенденциями: «*up-stream*» и «*down-stream*». Согласно данной модели энергопотребители при помощи энергетической дипломатии закладывают твердые двусторонние партнерские отношения с энергопроизводителями для максимального обеспечения собственной безопасности энергетического снабжения. Комплексная модель энергетического сотрудничества формируется на основе объединения горизонтальной и вертикальной моделей. Страны, придерживающиеся данной модели, ведут энергетический диалог одновременно и с энергопотребителями по горизонтальной модели, и с энергопроизводителями по вертикальной модели. Китай не входит в международную структуру ни с энергопроизводителями, ни с энергопотребителями. В связи с этим международная энергетическая стратегия, которая осуществляется Китаем, относится больше к вертикальной модели.

Разумеется, одновременно с повышением объема морских перевозок Китаю приходится также создавать нефтегазовые трубы, проходящие по земле, а также диверсифицировать энергоисточники. Кроме того, акцент должен делаться на активизации участия и укреплении позиций в международном многостороннем механизме по энергетическим вопросам.

В ближайшие годы мировая политическая обстановка вряд ли будет характеризоваться стабильностью. Геополитическая среда на Ближнем Востоке и в Северной Африке ухудшилась и про-

должает ухудшаться из-за внутривнутриполитической нестабильности в этом регионе мира. По мере перемещения стратегического веса с Запада на Восток и усиления своего военно-экономического присутствия в АТР, США стали увеличивать контроль над морскими пространствами в районе западного побережья Тихого океана для реализации стратегии глобального балансирования и сдерживания Китая. Стало очевидно, что энергоисточники и морские маршруты энерготранспортировки для Китая встречаются с потенциальными вызовами. Со времени начала проведения политики реформ и открытости восточный приморский район является главным объектом политико-экономического курса Китая. Практика показывает, что данная модель реформирования не только стимулировала быстрый подъем китайской экономики, но и создала несбалансированные отношения в социоэкономической жизни между внутренними районами страны, особенно между восточно-приморским и западно-континентальными районами. В силу этого развитие западно-континентального района является исторической задачей и источником повышенного внимания правительства, становится приоритетным направлением для страны¹⁶. Следует отметить, что энергетика представляет собой будущий локомотив экономического развития в западно-континентальном районе страны. Согласно «Проекту по развитию западного района на двенадцатый пятилетний период (2010–2015)» правительство Китая нацелено на строение таких значимых нефтегазовых производственных и промышленных баз, как базы по нефтедобыче в Таримской впадине, Джунгарской равнине и впадине Ордос; базы по газодобыче в Сычуаньской впадине, Таримской впадине и впадине Ордос; базы по нефтепереработке в Караме, Урумчи, Ланьчжоу, Куньмине; базы нефтехимической промышленности в Караме,

Ланьчжоу, Пэнчжоу¹⁷. Поэтому как в плане обеспечения национальной безопасности, так и в плане сбалансированного уровня развития между внутренними регионами западно-континентальный район имеет важное стратегическое значение для страны в будущем. Вице-премьер Госсовета Китая Ли Кэцзян многократно подтверждал, что проведение политики открытости к Западу является значимой составляющей в политике всесторонней открытости Китая. При повышении уровня открытости в восточно-приморских районах Китай должен расширять внешние связи с граничащими с ним странами, с большей активностью проводить политику открытости в западных районах¹⁸. Политический командующий Китайского университета обороны генерал-лейтенант Лю Яочжу полагает, что «китайский Запад — это великое пространство. «На Запад» — это не только стратегическая ориентация Китая, но и наша будущая надежда, это судьба нашего поколения. Благоприятное географическое положение (близко к центру мира) дает нам мощную движущую силу. В нашем сознании Запад должен восприниматься как направление развития, а не край страны»¹⁹. По мнению декана Института международных отношений Пекинского университета Ван Цзисы, сегодня стратегическая инициатива США переходит с Запада на Восток. ЕС, Россия, Индия также активно делают свои шаги на Восток. На этом фоне Китай, как значительный игрок в регионе АТР, должен не только сосредоточиться на своих морских границах и своих отношениях с традиционными соперниками и партнерами, но и стратегически планировать «идти на Запад»²⁰. Энергетическое сотрудничество со странами Центральной Азии является одной из центральных тем западной стратегии Китая. Таким образом, Китаю необходимо проводить более активную политику открытости, повышать уровень открытости на западном

направлении, расширять внешние связи с западными пограничными странами для того, чтобы использовать зарубежные ресурсы и диверсифицировать каналы безопасного энергетического снабжения страны²¹.

Взаимодействие между Китаем и Центральной Азией в сфере энергетики: достижения и проблемы

Центральная Азия, расположенная в центральной части евразийского континента, обладает богатейшим культурным наследием и природными ресурсами. Центральная Азия все время является важным объектом геополитической борьбы между мировыми державами. На сегодняшний день Центральная Азия уже стала приоритетным направлением внешней энергетической стратегии Китая.

Энергетическое взаимодействие между Китаем и странами Центральной Азии базируется на следующих стимулирующих условиях: во-первых, политическое взаимодействие как твердая основа энергетического сотрудничества. После краха СССР Китай был одной из первых стран, который признал суверенный статус центральноазиатских стран и установил с ними дипломатические отношения. 20 лет спустя на принципах взаимодействия, равноправия, взаимовыгоды Китай вместе с центральноазиатскими соседними странами рационально и мирно разрешил пограничные вопросы и вопросы военной безопасности. В современных условиях политическое доверие между Китаем и странами Центральной Азии достигло нового уровня²². Именно это заложило твердый политический фундамент для развития и углубления дву- и многостороннего энергетического сотрудничества.

Во-вторых, географическая близость — естественное преимущество для энергетического сотрудничества. Китай соседствует с Казахстаном, Киргизстаном и Таджикистаном и находится не-

далеко от Узбекистана, Туркменистана. Нам представляется важным, что данное благоприятное географическое преимущество помогает странам-партнерам сократить энергетическую транспортировку, снизить себестоимость энергосотрудничества, что может стимулировать развитие регионального экономического взаимодействия между Китаем и Центральной Азией в целом. Кроме того, следует отметить, что между Китаем и странами Центральной Азии существуют транснациональные религиозно-культурные связи. Например, на территории Китая, также как и в странах Центральной Азии, проживают казахи, узбеки, киргизы, таджики, уйгуры и другие мусульманские национальности. Безусловно, что такие транснациональные религиозно-культурные связи способствуют развитию социально-экономических отношений и культурного обмена, сближению духовного мира народов Китая и стран Центральной Азии. Поэтому географическая близость дает странам дополнительные гуманитарные ресурсы в энергетическом сотрудничестве.

В-третьих, взаимодействие как движущая сила развития энергетического сотрудничества. Диверсификация направлений энергетической стратегии является общей политической ориентацией и Китая, и центральноазиатских стран. С позиции Китая можно сказать, что энергетическое сотрудничество с центральноазиатскими странами позволяет Китаю избежать значительной энергозависимости от Ближнего Востока, избежать большого объема морских перевозок и диверсифицировать энергоисточники, виды транспортировки для максимального обеспечения энергетической безопасности страны. С позиции стран Центральной Азии диверсифицирование направлений экспорта энергоресурсов предоставляет им возможность уменьшить значение России на центральноазиатском нефтегазовом рынке, увеличить финансовые

доходы для осуществления внутренних социально-экономических реформ, укрепить свое место в мировой политико-экономической системе. Можно считать, что чем диверсифицированнее направления энергетического экспорта, тем больше энергетического суверенитета будет у центральноазиатских стран. Таким образом, диверсифицированная энергетическая стратегия, проводимая Китаем и странами Центральной Азии, во многом является общей. Она становится импульсом для развития энергетических двусторонних или многосторонних партнерских отношений.

Казахстан — ключевой энергетический партнер Китая в регионе. В 1993 г. Китай и Казахстан начали официальное взаимодействие в области энергетики. На протяжении 20 лет сотрудничество между Китаем и Казахстаном в области энергетики непрерывно углубляется. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры. В 2003 г. 85,6% акций нефтяного месторождения «Актобе» было приобретено китайской компанией CNPC, в 2005 г. китайская компания CNPC приобрела компанию «Петроказхстан». Самый большой успех энергосотрудничества между двумя странами — строительство первого в китайской истории транснационального нефтепровода «Казахстан — Китай». В 2006 г. казахстанская нефть через нефтепровод «Казахстан — Китай» дошла до границы Китая. Это событие, имеющее историческое значение, стало началом налаживания энергетического коридора между двумя странами. В 2008 г. начался второй этап строительных работ на нефтепроводе, который охватывает 700-километровый участок «Кенкияк — Кумкол» и посредством которого сданный в эксплуатацию в конце 2005 г. нефтепровод «Атасу — Алашанькоу» будет соединен с богатым нефтяными месторождениями участком казахского сектора Каспийского моря. В октябре 2012 г. китайские и казахстанские коллеги подробно обсуж-

дали вопросы построения южной нитки нефтепровода «Китай — Казахстан». Согласно официальной статистике общая наполняемость нефтепровода уже составляет больше 20 млн тонн, т.е. сопоставима с годовой нефтедобычей одного крупного месторождения в Китае²³.

Кроме нефтяного сектора сотрудничество Китая и Казахстана также развивается в газовой сфере. В конце 2012 г. Банк Развития Китая подписал с казахстанской стороной документы о предоставлении 1,8 млрд долларов США для строительства магистрального газопровода «Бейнеу — Шымкент» в Казахстане²⁴.

Кроме Казахстана, Узбекистан и Туркмения также занимают приоритетное место в энергетической повестке дня Китая в Центральной Азии. В 2006 г. CNPC вместе с «Узбекнефтегаз», «Лукойл» и другими компаниями создали Группу «Аральское море», которая подписала соглашение с правительством Узбекистана по освоению нефтегазовых ресурсов в Аральском море. Среди множества проектов стоит обратить пристальное внимание на Трансазиатский газопровод (ТАГ), который начался строиться в августе 2007 г. Можно сказать, что ТАГ содействовал многостороннему сотрудничеству между Китаем, Казахстаном, Узбекистаном и Туркменией. Он является пилотным примером взаимодействия между странами — членами ШОС. ТАГ делится на две нитки: нитка «А» и нитка «В», общая протяженность нефтепровода составляет 1833 км. Он является самым протяженным газовым трубопроводом в мире на сегодняшний день. В период до 2012 г. через ТАГ Китай импортировал природный газ объемом 21,25 млрд куб. метров²⁵. В октябре 2012 г. началось официальное строительство нитки «С» ТАГ. Безусловно, новая нитка будет укреплять фундамент энергетического сотрудничества между Китаем и центральноазиатскими странами.

В ходе энергетического взаимодействия между Китаем и странами Цен-

тральной Азии объективно существуют некоторые факторы, препятствующие сотрудничеству, на которые следует обратить серьезное внимание. Во-первых, энергоресурсы Центральной Азии являются неотъемлемым объектом борьбы между великими державами за сферу влияния. В 2011 г. администрация президента США Обамы представила проект «нового шелкового пути», цель которого состоит в том, чтобы соединить два региона — Центральную Азию и Южную Азию — под своей эгидой и укрепить позицию США в «хартленде» евразийского пространства. Одновременно президент России В.В. Путин тоже выдвинул свой евразийский проект под названием «Евразийский Союз», чтобы сохранить традиционное влияние России в регионе. В этих двух проектах энергетическая тематика занимает значимое место. Помимо того, Япония, Индия и другие крупные игроки также активно принимают участие в борьбе за энергоресурсы в регионе. Стало очевидно, что Китаю лицом к лицу стоит перед жестким соперничеством с другими игроками в освоении энергоресурсов в Центральной Азии.

Во-вторых, после распада СССР страны Центральной Азии испытали серьезные угрозы и вызовы региональной безопасности (экстремизм, сепаратизм, терроризм), которые могут нанести ущерб энергетической инфраструктуре и воспрепятствовать производству и транспортировке нефти и газа.

В-третьих, из-за советского влияния имидж Китая в Центральной Азии не является полностью оптимальным для него. Без сомнения, индифферентное общественно-психологическое настроение будет оказывать относительно пассивное влияние на углубление стратегического взаимного доверия и повышение качества энергетического сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии в будущем.

Как продвигать энергетическое сотрудничество Китая и стран Центральной Азии в обозримой перспективе

Во-первых, на региональном уровне. ШОС — единственная региональная организация, которая включает в себя и Китай, и страны Центральной Азии. На сегодняшний день страны — участницы ШОС находятся на чрезвычайно важной стадии экономической трансформации и структурного реформирования. При этом их общей стратегической целью является всестороннее процветание, для которого в рамках ШОС страны-участницы должны максимально реализовать свои интересы развития путем многостороннего экономического взаимодействия и поддержания принципа взаимовыгодности²⁶. В этом плане Китаю необходимо настаивать на концепции «всестороннее процветание под воздействием экономического сотрудничества», активизировать энергетический диалог и совместно с центральноазиатскими коллегами обеспечивать региональную энергетическую безопасность. Именно поэтому Китай претендует на создание открытого полуофициального энергетического клуба в рамках ШОС²⁷.

Во-вторых, на государственном уровне. В отличие от традиционных взаимоотношений между великими державами и малыми странами, которые опираются на дополнительные неравноправные условия при таком взаимодействии, сотрудничество Китая и стран Центральной Азии развивается по новой модели, обеспечивающей добровольность, равноправность и взаимную выгоду. На основании различных исторических и современных факторов Китай уважает неизменное региональное влияние России в политических, экономических и культурных контекстах и ее особые интересы в регионе Центральной Азии. В этой связи Китай будет задумываться о путях балансирования своих интересов с Россией в регионе Центральной Азии.

В-третьих, на общественном уровне. Во время налаживания энергетического сотрудничества с центральноазиатскими странами Китай также должен принимать во внимание строительство инфраструктуры, реально улучшать условия жизни местных людей и продвигать идею «гармоничной Центральной Азии». К примеру, в рамках проекта СНРС в Туркмении китайская сторона создала 15 тыс. рабочих мест и подготовила свыше 60 тыс. специалистов управления муниципального уровня²⁸.

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, зависимость Китая как одного из крупнейших энергопотребителей в мире от импортных энергоресурсов составляет 57%. Однако единственная в

мире в настоящее время супердержава — США — контролирует почти 70% от общих глобальных запасов нефтересурсов. Стратегия возвращения в Азию, выдвинутая США в последнее время, ухудшает атмосферу энергетической безопасности Китая и увеличивает риски для энерготранспортировки из Африки и Ближнего Востока. Диверсификация энергоисточников является разумным стратегическим выбором, поэтому для Китая повышается важность евразийского континента. В повестке дня стратегии энергетической безопасности Китая Центральная Азия уже не играет вспомогательную роль, а служит объектом главного стратегического значения.

-
- ¹ Перевод на русский Ван Чэнсина и А.Д. Воскресенского.
 - ² Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. СПб. : «НОРИНТ», 2007. С. 951–952. [Kuznetsov S.A. Sovremenniyi tolkovyi slovar russkogo yazyka. SPb. : Norint, 2007. S.951–952.]
 - ³ Paul Kennedy. The Rise and Fall of The Great Powers. Beijing, International Cultural Publishing Company, 2005. P. 439.
 - ⁴ 陈柳钦, 《新世纪中国能源安全面临的挑战及其战略应付》, 决策咨询通讯, 2011. № 3. [Chen Liu-Qin, Xin shi ji Zhong guo Neng yuan An quan Mian lin de Tiao zhan ji qi Zhan lue Ying fu / Jue Ce Zi Xun Tong Xun, 2011. № 3.]
 - ⁵ 解密“中国战略石油储备” URL: http://news.xinhuanet.com/2011-01/21/c_121006711.htm [Jie mi “Zhong guo Zhan lue Shi you Chu bei”. URL: http://news.xinhuanet.com/2011-01/21/c_121006711.htm]
 - ⁶ 中国石油战略储备2020年将提升到8500 URL: <http://finance.huanqiu.com/roll/2011-01/1436104.html> [Zhong guo Shi you Zhan lue Chu bei 2020 nian jiang ti sheng dao 8500 wan dun. URL: <http://finance.huanqiu.com/roll/2011-01/1436104.html>]
 - ⁷ 中国的能源政策白皮书 (2012 URL: http://www.gov.cn/jrzq/2012-10/24/content_2250377.htm [Zhong guo de Neng yuan Zheng ce Bai pi shu (2012). URL: http://www.gov.cn/jrzq/2012-10/24/content_2250377.htm]
 - ⁸ Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html> [Doklad Hu Jintao na 18 s'ezde KPK. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html>]
 - ⁹ 魏一鸣, 《中国能源报告 (2012) : 能源安全研究》, 北京: 科学出版社, 2012年, 第1 [Wei Yi-Ming, Zhong guo Neng yuan Bao gao (2012): Neng yuan An quan Yan jiu, Beijing: Ke xue Chu ban she, 2012. P. 1.]
 - ¹⁰ 崔民选、王军生、陈义和, 《能源蓝皮书: 中国能源发展报告 (2012)》, 北京: 社会科学文献出版社, 2012年, 第298-299 [Cui Min-Xuan, Wang Jun-Sheng, Chen Yi-He, Neng yuan Lan pi shu: Zhong guo Neng yuan Fa zhan Bao gao (2012), Beijing: She hui Ke xue Wen xian Chu ban she, 2012. P. 298–299.]
 - ¹¹ Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html> [Doklad Hu Jintao na 18 s'ezde KPK. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html>]
 - ¹² 《节能减排“十二五”规划》 URL: http://www.gov.cn/zwgk/2012-08/21/content_2207867.htm [Jie neng Jian pai “Shi er wu” Gui hua: http://www.gov.cn/zwgk/2012-08/21/content_2207867.htm]

- ¹³ Доклад Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2012/1118/c64094-19612151.html>
- ¹⁴ 习近平在沙特吉达举行的国际能源会议的讲话 URL: http://news.xinhuanet.com/newscenter/2008-06/23/content_8419548.htm [Xi Jin-Ping zai Sha te Ji da Ju xing de Guo ji Neng yuan Hui yi de Jiang hua. URL: http://news.xinhuanet.com/newscenter/2008-06/23/content_8419548.htm]
- ¹⁵ 崔民选、王军生、陈义和,《能源蓝皮书:中国能源发展报告(2012)》,北京:社会科学文献出版社,2012年,第298-299 [Cui Min-Xuan, Wang Jun-Sheng, Chen Yi-He, Neng yuan Lan pi shu: Zhong guo Neng yuan Fa zhan Bao gao (2012), Beijing: She hui Ke xue Wen xian Chu ban she, 2012. P. 298-299.]
- ¹⁶ “认清形势,明确任务,不断开创深入实施西部大开发战略新局面”——2012年国家发展改革委西部大开发工作会议在云南昆明召开 URL: http://www.sdpc.gov.cn/xwfb/t20120222_462948.htm [“Ren qing Xing shi, Ming que Ren wu, Bu duan Kai chuang Shen ru Shi shi Xi bu Da kai fa Zhan lue Xin ju mian” — 2012 nian Guo jia Fa zhan Gai ge Wei Xi bu Da kai fa Gong zuo Hui yi zai Yun nan Kun ming Zhao kai. URL: http://www.sdpc.gov.cn/xwfb/t20120222_462948.htm]
- ¹⁷ 《西部大开发“十二五”规划》URL: http://www.moa.gov.cn/testv05/jbftcs_1/201202/t20120221_2486224.htm [Xi bu Da kai fa “Shi er wu” Gui hua. URL: http://www.moa.gov.cn/testv05/jbftcs_1/201202/t20120221_2486224.htm]
- ¹⁸ 李克强:向西开放是中国全方位开放重要举措 URL: <http://www.chinanews.com/gn/2012/09-13/4179319.shtml> [Li Ke-Qiang, Xiang Xi Kai fang shi Zhong guo Quan fang wei Kai fang Zhong yao Ju cuo. URL: <http://www.chinanews.com/gn/2012/09-13/4179319.shtml>]
- ¹⁹ 刘亚洲,西部论,凤凰周刊,2010年8月5日 [Liu Ya-Zhou, Xi Bu Lun / Feng huang Zhou kan, 2010-08-05]
- ²⁰ 王缉思,“西进”,中国地缘战略的再平衡,环球时报,2012年10月17日 [Wang Ji-Si, “Xi jin”, Zhong guo Di yuan Zhan lue de zai Ping heng / Huan qiu Shi bao, 2012-10-17]
- ²¹ 《西部大开发“十二五”规划》URL: http://www.moa.gov.cn/testv05/jbftcs_1/201202/t20120221_2486224.htm [Xi bu Da kai fa “Shi er wu” Gui hua. URL: http://www.moa.gov.cn/testv05/jbftcs_1/201202/t20120221_2486224.htm]
- ²² В 2005 г. Китай и Казахстан подписали «Соглашение об установлении отношений стратегического партнерства»; в 2012 г. Китай и Узбекистан приняли «Декларацию о стратегическом партнерстве».
- ²³ 中哈原油管道向中国原油输送量突破2000万吨 URL: http://www.gov.cn/jrzq/2010-01/25/content_1518935.htm [Zhong Ha Yuan you Guan dao xiang Zhong guo Yuan you Shu song liang Tu po 2000 wan dun. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2010-01/25/content_1518935.htm]
- ²⁴ Банк Развития Китая предоставит \$1,8 млрд на строительство газопровода в Казахстане. URL: http://mgm.gov.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=2011%3A-18-&catid=144%3A2011-09-06-10-24-37&lang=ru [Bank razvitiya Kitaya predostavit \$1,8 mlrd na stroitel'stvo gazoprovoda d Kazakhstane. URL: http://mgm.gov.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=2011%3A-18-&catid=144%3A2011-09-06-10-24-37&lang=ru]
- ²⁵ 中亚天然气管道已累计输气212.5亿立方米 URL: <http://www.zgjr.com/News/2012131/home/961434625000.shtml> [Zhong ya Tian ran qi Guan dao yi Lei ji Shu qi 212.5 yi li fang mi. URL: <http://www.zgjr.com/News/2012131/home/961434625000.shtml>]
- ²⁶ 孙壮志,上合组织将有更强动力,人民日报海外版,2012年6月7日 [Sun Zhuang-Zhi, Shang he Zu zhi Jiang you geng Qiang dong li / Ren min Ri bao hai wai ban, 2012-06-07]
- ²⁷ 中国积极推动上合组织能源俱乐部加速组建 URL: http://news.xinhuanet.com/fortune/2012-09/04/c_112953124.htm [Zhong guo Ji ji Tui dong Shang he Zu zhi Neng yuan Ju le bu Jia su Zu jian. URL: http://news.xinhuanet.com/fortune/2012-09/04/c_112953124.htm]
- ²⁸ 周永康考察中石油土库曼斯坦合作项目 URL: http://www.cnpc.com.cn/News/zwxw/xwzx/gcdt/201209/20120924_C221.shtml [Zhou Yong-Kang Kao cha Zhong shi you Tu ku man si tan He zuo Xiang mu. URL: http://www.cnpc.com.cn/News/zwxw/xwzx/gcdt/201209/20120924_C221.shtml]

РОЛЬ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ДИСКУРСОВ¹

Е.В. Колдунова

Анализ процессов регионального сотрудничества в незападном мире привлекает все большее внимание исследователей международных отношений. При этом евроцентристский подход, делавший акцент на сходствах и различиях между европейской моделью интеграции и регионального сотрудничества, с одной стороны, и институциональными параметрами взаимодействия в других регионах мира, с другой, постепенно уступает место сравнительным исследованиям принципов, норм и практики функционирования региональных организаций за пределами Европы².

В данном случае Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) представляет собой уникальный объект анализа. ШОС объединяет две крупнейшие страны в Евразии — Россию и Китай — и четыре государства Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Киргизию и Таджикистан). Все государства, входящие в ШОС, разделяют опасения по поводу традиционных и новых угроз безопасности и хотели бы наращивать взаимодействие в экономической и гуманитарной областях. Необходимость противодействия общим угрозам и выработки общего подхода к стабилизации Афганистана создают естественные основания для сотрудничества. Однако оценки результатов взаимодействия перечисленных стран в рамках ШОС в значительной степени разнятся в России, Китае, Индии, США и странах ЕС.

В данной статье анализируются основные линии расхождения в анализе деятельности ШОС в современном исследовательском дискурсе этих стран.

Региональное сотрудничество в Центральной Азии: роль ШОС

Центральная Азия³ представляет собой «новый» международный регион. Все составляющие его акторы возникли как независимые государства в их современном виде только после распада СССР и обладают относительно непродолжительным по историческим меркам опытом государственного строительства. Исторически существовавшие ранее на этом пространстве территориально-политические образования базировались на принципе надэтничности⁴. Именно поэтому во всех странах региона до сих пор продолжается процесс национальной консолидации⁵, а в политическом процессе и институциональном развитии особое звучание приобретают вопросы самоидентификации народов, населяющих Центральную Азию, региональные и клановые размежевания.

Указанные линии противоречий во многом обуславливают тот факт, что до сих пор в международном внутрирегиональном взаимодействии в Центральной Азии двусторонние форматы отношений преобладают над многосторонними. При этом двусторонний уровень также отличается значительной степенью конфликтности. Так, например, территори-

альные споры, вопросы межэтнического взаимодействия, разногласия по поводу использования водных ресурсов до сих пор омрачают отношения Киргизии и Узбекистана, Киргизии и Таджикистана, Таджикистана и Узбекистана⁶. Кроме того, несмотря на предпринимавшиеся в 2000-х гг. попытки создать региональную организацию в Центральной Азии, на данный момент не существует ни одного многостороннего регионального формата, который бы объединял только пять государств Центральной Азии⁷. В то же время сами страны региона в большей степени склонны включаться в деятельность многосторонних организаций с участием внешних игроков. Такая ситуация дала основания британскому исследователю Рою Аллисону охарактеризовать центральноазиатский регионализм как «виртуальный»⁸.

В этом контексте ШОС представляет собой заслуживающий внимания формат регионального сотрудничества, объединяющий абсолютное большинство стран Центральной Азии⁹, Китай и Россию. Своими корнями формирование ШОС уходит в переговорный процесс по поводу урегулирования пограничных вопросов России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана с Китаем после распада Советского Союза. Присоединение к «шанхайской пятерке» Узбекистана в 2001 г., а также необходимость реагировать на террористическую угрозу в регионе после событий 11 сентября 2001 г. в США обусловили дальнейшую институционализацию «шанхайского форума». В 2002 г. был принят устав ШОС и Соглашение о региональной антитеррористической структуре (РАТС) с центром в Ташкенте (Узбекистан). В 2004 г. ШОС стала наблюдателем при Генеральной Ассамблее ООН. В 2005 г. был подписан меморандум о взаимопонимании между ШОС и АСЕАН.

Функциональное расширение организации за счет придания статуса наблюдателей Индии, Пакистану, Ирану, Мон-

голии и Афганистану, а также партнеров по диалогу Белоруссии, Шри-Ланке и Турции привлекло дополнительное внимание к деятельности ШОС, а также дало импульс для формирования не только регионального, но и межрегионального формата обсуждения вопросов безопасности, экономики и гуманитарного сотрудничества.

Российский взгляд на региональное сотрудничество в рамках ШОС: официальные оценки и экспертные подходы

В отношении с государствами региона Россия опирается на исторические, демографические, экономические и культурные связи, формировавшиеся еще со времен существования Российской империи и Советского Союза. В то же время Россия, естественно, не может игнорировать новые геополитические реалии, связанные с повышением конкурентности среды международного взаимодействия в Центральной Азии. Сам регион, однако, не фигурирует в качестве консолидированного внешнеполитического приоритета России¹⁰. Отношения с отдельными центральноазиатскими странами все в большей степени становятся элементами различных траекторий сотрудничества как на двустороннем, так и многостороннем уровнях.

Опыт регионального сотрудничества в Центральной Азии с участием России в 1990–2000-е гг. является многообразным, хотя и свидетельствующим об отсутствии системного представления о том, как стоило выстраивать отношения с «новыми» соседями¹¹. Механизмы Содружества Независимых Государств (СНГ)¹², Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ)¹³, Центральноазиатского сотрудничества (ЦАС)¹⁴, Евразийского экономического сотрудничества (ЕврАзЭС)¹⁵, по сути, оказались пробными попытками создать работающую структуру многостороннего со-

трудничества в регионе. Формирование Таможенного союза и Единого экономического пространства России, Беларуси и Казахстана¹⁶ стало результирующей экономической инициативой для тех постсоветских стран, которые были готовы к сотрудничеству и разноскоростной интеграции¹⁷.

В ряду упомянутых организаций и инициатив ШОС занимает отдельное место. Официальная российская позиция исходит из тройной функции ШОС. Во-первых, ШОС рассматривается как формат, способный содействовать становлению системы коллективного лидерства в мире. Во-вторых, ШОС должна стать составным элементом «партнерской сети региональных объединений» в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹⁸. В-третьих, организации, наряду с механизмами ООН, СНГ и ОДКБ, отводится особая роль в международных усилиях по стабилизации ситуации в Афганистане¹⁹.

При этом ШОС представляет собой организацию, отличную от других постсоветских объединений. Процесс ее создания заключался в постепенном продвижении к многосторонней структуре, отталкиваясь от двустороннего взаимодействия. В отличие от таких механизмов, как ОДКБ или СНГ, участие в ШОС никогда не ставилось под сомнение ее членами²⁰. Российские исследователи подчеркивают, что, несмотря на отсутствие возможностей для глубокой интеграции в области безопасности, ШОС обладает особой политической ролью в регионе и благодаря своему составу участников имеет перспективы выхода на глобальный уровень²¹.

В целом в российских исследованиях ШОС можно выделить несколько подходов, в зависимости от тех функций, которые рассматриваются как наиболее значимые для деятельности организации. Один из таких подходов акцентирует внимание на стратегическом значении ШОС и ее наблюдателей для России ввиду усиления в регионе позиций США и

НАТО²². К этому же направлению можно отнести исследования, которые рассматривают ШОС в качестве дополнительного контура безопасности по периметру границ, помимо сотрудничества в рамках ОДКБ²³.

С подобным взглядом на деятельность ШОС логически сопрягается другой подход, который подчеркивает особый характер деятельности ШОС, существенно отличный от западных форматов регионального сотрудничества²⁴. В данном случае ШОС рассматривается как тип региональной или даже трансрегиональной организации, которая способна объединить государства с разными моделями политического устройства и обеспечивать за счет такого сотрудничества стабильность в зоне своей ответственности²⁵.

Еще одна группа исследований рассматривает ШОС с точки зрения в первую очередь потенциала энергетических и инфраструктурных проектов для создания единого экономического и транспортного пространства Центральной Азии²⁶. В данном контексте подчеркивается и необходимость более тесного привлечения наблюдателей к сотрудничеству с ШОС²⁷. Значение этой категории стран для ШОС, по-видимому, будет возрастать, поскольку среди них есть Индия и Пакистан, имеющие тесные отношения с США, а также Иран, вопрос о ядерной программе которого занимает одно из ключевых мест в современной американской внешней политике. Соответственно, участие этих стран в ШОС, пусть и на правах наблюдателей, с одной стороны, добавляет глобальное измерение деятельности этой организации, а с другой стороны, ставит вопрос о координации позиций этих стран по конкретно-региональным вопросам повестки дня ШОС.

Китайские подходы к сотрудничеству в Центральной Азии и в рамках ШОС

Межрегиональные торгово-экономические и культурные связи между

приграничными районами Китая и центральноазиатскими республиками стали восстанавливаться с 1980-х гг. в русле нормализации советско-китайских отношений и принятия китайским руководством во главе с Дэн Сяопином курса на экономическое реформирование страны. После распада Советского Союза Китай последовательно установил двусторонние отношения со всеми странами Центральной Азии в начале января 1992 г., тем самым обозначив новый этап в своей политической линии в отношении региона.

Современные приоритеты и направления политики Китая в отношении Центральноазиатского региона определяются как соображениями национальной безопасности КНР, так и экономическими вопросами. Первый аспект объясняется тем, что с регионом тесно смыкается одна из наиболее проблемных административно-территориальных единиц КНР — Синьцзяно-Уйгурский автономный район. Второй, экономический, обуславливается расположением в Центральной Азии ключевых поставщиков энергетических ресурсов, особенно необходимых Китаю в период наращивания темпов экономического развития.

На данном этапе можно говорить не только об отдельных аспектах двусторонних отношений Китая с государствами региона, но и о стратегии КНР в отношении Центральной Азии как единого субъекта. Несмотря на широкую исследовательскую дискуссию о том, позволяют ли существующие параметры региональной общности говорить о Центральной Азии как самодостаточном регионе²⁸, существует ряд оснований для такой трактовки китайской стратегии в регионе. Они связаны, во-первых, с существованием общерегиональных проблем безопасности, а во-вторых, с наличием политико-экономической линии Китая в отношении региона, которая в ряде вопросов осуществляется через Шанхайскую организацию сотрудничества.

Известный китайский исследователь Чжао Хуашэн в середине 2000-х гг. определил шесть приоритетных направлений стратегии Китая в Центральной Азии. К ним он отнес противодействие проявлениям терроризма, сепаратизма, экстремизма (так называемая концепция борьбы против «трех зол»), поддержание безопасного состояния пограничных территорий, содействие общерегиональной стабильности, участие в экономическом развитии региона, недопущение ситуации, когда регион мог бы оказаться под влиянием государств или военных блоков, занимающих антикитайскую позицию, доступ к региональным энергоресурсам²⁹.

К вышеперечисленным приоритетам стоит также добавить задачу усиления позиций Китая в многосторонних форматах сотрудничества. Среди них ШОС отводится роль механизма, в рамках которого возможна апробация модели многостороннего лидерства с участием Китая³⁰. При этом лидерские функции КНР в ШОС обусловлены как минимум тремя факторами. К ним директор Центра исследований ШОС при Шанхайской академии наук Пань Гуан относит вклад Китая в концептуальное видение развития организации (определение базовых принципов так называемого «Шанхайского духа»³¹), продвижение дальнейшей институционализации ШОС и практическую поддержку проектов в рамках организации³². Кроме того, именно китайская терминология борьбы против «трех зол» (экстремизма, терроризма и сепаратизма) была взята на вооружение и продолжает использоваться членами ШОС для обозначения усилий по противодействию новым вызовам, а это, в свою очередь, означает, что ШОС полностью принимает позицию Китая по этим вопросам.

Многостороннее сотрудничество в Центральной Азии, воплощением которого стал шанхайский процесс, позволило Китаю снизить уровень противоре-

чий с соседями на данном направлении и одновременно приступить к реализации своих экономических интересов, во многом связанных с энергетической сферой. Кроме того, деятельность в рамках ШОС стала для Китая способом приобрести опыт продвижения собственных инициатив в рамках многостороннего регионального формата и, как отмечают китайские эксперты, новой моделью дипломатического взаимодействия с соседями (т.е. особым типом партнерства по сравнению моделью межгосударственного союза, который существовал у КНР и СССР)³³.

Исследования ШОС в Европе и Америке

В современных западных исследованиях Шанхайской организации сотрудничества за последние годы сформировалось несколько интерпретаций деятельности ШОС. Эти интерпретации позволяют оценить подход американского и европейского экспертного сообщества к данной организации, а косвенно также и политического сообщества. Наиболее распространенные подходы либо объясняют деятельность ШОС в геополитическом ключе с точки зрения баланса сил, либо рассматривают ШОС как средство сохранения и легитимации авторитарных режимов в регионе.

Геополитический подход рассматривает либо саму Шанхайскую организацию сотрудничества, либо ее отношения с отдельными странами-наблюдателями (в частности, Ираном) как направленные против США и Запада в целом³⁴. Один из инвариантов геополитического подхода рассматривает ШОС как модель регионального доминирования в Центральной Азии, в рамках которой Китай и Россия фактически создали систему разделения обязанностей: Россия взяла на себя задачи продвижения военного и политического сотрудничества, а Китай — экономического взаимодействия³⁵ с центральноазиатскими государствами.

Исследования в русле «нормативного» подхода рассматривают ШОС в качестве организации, которая «делегитимизирует антирежимную деятельность и развитие демократии»³⁶ в странах-членах, используя дискурс, сфокусированный вокруг понятия «региональной стабильности». Представители данного подхода указывают на особую озабоченность стран региона вопросами сохранения суверенитета в качестве объединяющего фактора при отсутствии материальных оснований (например, взаимодополняемости в торговле) для региональных проектов сотрудничества. Эти соображения, наравне с опасениями за стабильность политических режимов после периода «цветных революций», по мнению некоторых исследователей, ведут к возникновению феномена «охранительной интеграции», примером которой и является ШОС³⁷.

В результате оценки ШОС как в целом неэффективной организации с точки зрения западных теорий интеграции и регионального сотрудничества приводят некоторых исследователей к выводу о необходимости доработать региональное взаимодействие ШОС внешними «стратегическими партнерствами», например, между ЕС, с одной стороны, и Россией, Китаем и Индией, с другой стороны³⁸. В то же время противоположный взгляд на деятельность ШОС, представленный в работах старшего научного сотрудника Центра исследований проблем безопасности в Цюрихе Стивена Ариса, заключается в том, что ШОС является организацией с очень конкретной повесткой дня, сфокусированной на решении внутренних проблем региона и реакции на новые угрозы и вызовы³⁹.

Индийские подходы к Центральной Азии и ШОС

Региональная стратегия Индии является составным элементом внешнеполитического курса, направленного на укрепление статуса государства в ка-

честве паназиатского игрока, а не только регионального лидера в Южной Азии⁴⁰. Несмотря на свое лидирующее положение в регионе, Индия в силу ряда объективных причин сталкивается с трудностями в продвижении проектов южно-азиатского регионального сотрудничества. К таким причинам относятся, в частности, индо-пакистанские противоречия и специфика отношений Индии как доминанты южноазиатской региональной подсистемы с малыми и средними странами региона, которые, стремясь избежать односторонней зависимости от Индии, не готовы к полномасштабной интеграции. В связи с этим индийской внешнеполитической элите регион Центральной Азии, наряду с Юго-Восточной Азией, представляется естественным направлением внешнеполитической активности, где Индия могла бы существенно расширить свое присутствие⁴¹.

Два доктринальных положения закладывают основы стратегического восприятия Центральной Азии индийским руководством. Первое связано с экстраполяцией доктрины Ганди на ситуацию в центральноазиатском регионе. Упомянутая доктрина была сформулирована в 1983 г. в связи с конфликтом на Шри-Ланке. Ее основной постулат заключался в том, что Индия не будет вмешиваться в конфликты с участием соседних государств, однако в то же время не станет мириться с вмешательством в эти дела третьих стран, если такое вовлечение будет угрожать интересам самой Индии. Эта общая установка приобрела актуальность для индийской стороны в контексте ситуации в Афганистане и Пакистане, когда поддержка талибов со стороны Пакистана, по сути, имела дестабилизирующий эффект и для отношений Индии со странами Центральной Азии⁴².

Второе доктринальное положение связано с именем индийского премьер-министра Гуджрала. Доктрина Гуджрала предполагала, что Индия как доминирующая региональная держава долж-

на в одностороннем порядке создавать благоприятные условия для развития экономических отношений с соседями, при этом не обязательно рассчитывая на встречные шаги в том же объеме. В конце 1990-х гг. премьер-министр Гуджрал назвал страны Центральной Азии «ближайшим зарубежьем» Индии, обозначив в качестве основных индийских экономических интересов в этом регионе развитие инфраструктуры (железнодорожное сообщение, телекоммуникации) и энергетического сотрудничества⁴³.

Дальнейшее развитие этого подхода было связано с провозглашенной летом 2012 г. политикой «установления взаимосвязей с Центральной Азией» (*Connect Central Asia*). В своем выступлении в ходе первой встречи, посвященной диалогу Индии и Центральной Азии, в Бишкеке 12–13 июня 2012 г. министр иностранных дел Индии Шри Е. Ахамед отметил несколько ключевых линий взаимодействия, которые должны интенсифицировать связи Индии и центральноазиатских государств. К числу таких направлений он отнес политические и стратегические связи, включая совместные программы военной подготовки и антитеррористические мероприятия, многостороннее сотрудничество в рамках ШОС и взаимодействие Индии с Таможенным союзом, партнерство в разработке энергетических и иных природных ресурсов, инициативы в области образования и информационно-телекоммуникационных технологий, придание нового импульса проекту транспортного коридора «Север — Юг»⁴⁴.

С одной стороны, такой подход в значительной степени соответствует американской стратегии формирования Центральной Азии, экономически переориентированной на Южную Азию и в первую очередь Индию⁴⁵. С другой стороны, Индия всячески подчеркивает свой более толерантный, чем американский, подход к вопросу демократизации

существующих в странах региона политических режимов⁴⁶.

При этом в экспертном дискурсе Центральная Азия представляется как регион нового стратегического соседства для Индии⁴⁷, а сама Индия — как игрок, способный сыграть конструктивную роль не только в Центральной Азии, но и в рамках ШОС⁴⁸. В то же время ШОС, несмотря на признание ее важности для противодействия новым угрозам⁴⁹, пока рассматривается скорее как вторичный инструмент взаимодействия Индии со странами Центральной Азии, Китаем и Россией, в то время как приоритет отдается двусторонним проектам (например, с Казахстаном, Таджикистаном и Кыргызстаном)⁵⁰. Осторожное отношение Индии к ШОС объясняется также неопределенностью направления дальнейшей эволюции организации и характера отношений между ее членами. Неблагоприятным для Индии исследователи полагают сценарий, при котором в ШОС будет доминировать Китай, а Россия будет взаимодействовать с ним на дружественной, но соподчиненной основе⁵¹.

Выводы

Представленный анализ позволяет предположить, что различия в исследовательских позициях российских, китайских, индийских и западных исследователей по поводу характера деятельности Шанхайской организации сотрудничества определяются предыдущим опытом

регионального и квазирегионального сотрудничества перечисленных стран (России, Китая, Индии, США и стран ЕС) и теми целями, которые они преследуют во взаимодействии с центральноазиатскими государствами в области политики, экономики и безопасности.

Для России и Китая особое значение имеют не цели интеграции в рамках ШОС в понимании западных теорий интеграции, а потенциал ШОС в структурировании регионального пространства. Для России, кроме того, важны институциональные возможности ШОС для включения в систему региональных организаций АТР, которая во многом формировалась помимо России и в рамках которой России, для того чтобы закрепится в качестве полноправного участника региональных процессов, необходимы дополнительные политические и экономические ресурсы.

Для Индии взаимодействие с ШОС вписывается в более широкий контекст экономического сотрудничества с Центральной Азией. В свою очередь, американские и европейские аналитики делают акцент на нормативных аспектах деятельности ШОС, связывая их с проблемами демократизации политических режимов в регионе. Подчеркивая неэффективность ШОС как самостоятельного игрока, некоторые исследователи указывают на закономерную необходимость внутренних политических изменений в странах региона и внешних партнерств для поддержки этих изменений.

¹ Статья подготовлена в рамках грантового проекта Международного дискуссионного клуба «Валдай».

² Crafting Cooperation. Regional International Institutions in Comparative Perspective / ed. by A. Acharya, A.I. Johnston. N.Y., Cambridge : Cambridge University Press, 2007. P. 6–12 ; Regions and Crises. New Challenges for Contemporary Regionalisms / ed. by L. Fioramonti. Basingstoke : Palgrave, 2012. P. 222–229. Среди отечественных исследований в данной области см.: Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / отв. ред. А.Д. Богатуров. М. : Аспект Пресс, 2012. [Baikov A.A. Sravnitel'naya integratsiya. Praktika i modeli integratsii v zarubezhnoy Evrope i Tikhookeanskoy Azii / отв. red. A.D. Bogaturov. M. : Aspect Press, 2012.]

³ Здесь и далее термин «Центральная Азия» используется для обозначения современного состояния региона, включающего пять государств — Казахстан, Узбекистан, Киргизию, Туркменистан и Таджикистан, хотя географически регион охватывает более широкие пространства, включая

- территорию современной Монголии и северо-западных регионов Китая. В советский период и в рамках историографии того времени данный регион обозначался как Средняя Азия и Казахстан. Китайские и западные исследователи терминологически придерживаются определения группы пяти упомянутых государств как входящих в регион Центральной Азии.
- 4 Международные отношения в Центральной Азии. События и документы / под ред. А.Д. Богатурова. М. : Аспект Пресс, 2011. С. 17–19. [Mejdunarodnye otnosheniya v Zentralnoi Azii. Sobytiya I document / pod red. A.D. Bogaturova. M. : Aspect Press, 2011. S. 17–19].
 - 5 Звягельская И.Д. Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. М. : Аспект Пресс, 2009. С. 45–52 [Zviagelskaya I.D. Stanovleniye gosudarstv Zentralnoi Azii. Politicheskie prozessy. M. : Aspect Press, 2009. S. 45–52].
 - 6 Подробнее см.: Лузянин С.Г. Этнический конфликтный «срез» Центральной Азии // Конфликты на Востоке. Этнические и конфессиональные / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : Аспект Пресс, 2008. С. 316–322. [Luzianin S.G. Etnoicheskiiy konfliktnyi 'srez' Zentralnoi Azii // Konflikty na Vostoke. Etnicheskie i konfessionalnyye / pod red. A.D. Voskressenskogo. M. : Aspect press, 2008. S. 316–322.]
 - 7 В данном случае не рассматривается СНГ как организация с более широким составом участником, выходящем за рамки Центральной Азии.
 - 8 Allison R. Virtual Regionalism, Regional Structures and Regime Security in Central Asia // Central Asian Survey. 2008 (June). Vol. 27. No. 2. P. 185.
 - 9 Туркменистан не принимает участие в деятельности ШОС по причине своего нейтрального международного статуса.
 - 10 Малашенко А. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? М. : РОССПЭН, 2012. С. 16. [Malashenko A. Zentralnaya Aziya: na chto rasschityvayet Rossiya? M. : ROSSPEN, 2012. S. 16.]
 - 11 Подробнее об эволюции идей интеграции постсоветского пространства см.: Большаков А.Г. Россия в поиске оптимальной модели постсоветской интеграции: станет ли 2012 год переломным? // Сравнительная политика. 2012. № 3 (9). С. 88–90. [Bol'shakov A.G. Rossiya v poiske optimalnoy modeli postsovetskoy integracii: stanet li 2012 god perelomnym? // Sravnitel'naya politika. 2012. № 3 (9). S. 88–90].
 - 12 На данный момент в СНГ входят все государства Центральной Азии, Россия, Азербайджан, Армения, Беларусь, Молдова и Украина.
 - 13 На данный момент в ОДКБ входят Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан. Членство Узбекистана приостановлено в 2012 г.
 - 14 ЦАС существовала с 2002 по 2005 г. и включала Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Узбекистан и Россию. В 2005 г. ЦАС объединилась с ЕврАзЭС.
 - 15 В ЕврАзЭС состоят Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан. Членство Узбекистана приостановлено в 2008 г.
 - 16 Действует с 1 января 2012 г.
 - 17 В перспективе не исключено расширение состава участников ЕЭП за счет Киргизии и Таджикистана. Подробнее см.: Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. [Putin V. Novyi integratsionnyi proekt dlya Evrazii — budusheye, kotoroye rojdayetsia segodnya // Izvestiya. 2011. 3 oktjabria.]
 - 18 Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] : утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. // Сайт МИД России. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 30.03.2013). [Konzeptsiya vneshnei politiki Rossiyskoi Federacii [Electronic resource] : utv. Presidentom Rossiyskoi Federacii V.V. Putinyim 12 fevralia 2013 g. // Sait MID Rossii. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (accessed 30.03.2013).]
 - 19 Там же.
 - 20 Малашенко А. Указ. соч. С. 62. [Malashenko A. Op. cit. S. 62.]
 - 21 Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. М. : Навона, 2009. С. 187–188. [Nikitina Yu.A. ODKB i ShOS: modeli regionalism v sphere bezopasnosti. M. : Navona, 2009. S. 187–188].
 - 22 Болятко А.В. Проблемы стратегии развития Шанхайской Организации Сотрудничества // Стратегия развития ШОС и политика России в этой организации. М. : ИДВ РАН, 2012. С. 18–32. [Bol'atko A.V. Problemy strategii razvitiya Shankhaiskoy organizacii sotrudnichestva // Strategiya razvitiya ShOS i politika Rossii v etoi organizacii. M. : IDV RAN, 2012. S. 18–32.]

- ²³ Серебрякова Н.В. Шанхайская организация сотрудничества: многосторонний компромисс в Центральной Азии. М. : ИнфоРос, 2011. С. 91. [Serebriakova N.V. Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva: mnogostoronniy kompromiss v Zentralnoi Azii. M. : InfoRos, 2011. S. 91.]
- ²⁴ Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС как модели взаимодействия в сфере региональной безопасности // Индекс безопасности. 2011. № 2 (97). Т. 17. С. 48. [Nikitina Yu.A. ODKB i ShOS kak modeli vzaimodeistviya v sphere regionalnoi bezopasnosti // Index bezopasnosti. 2011. № 2 (97). Т. 17. S. 48.]
- ²⁵ Bailes A.J.K. The Shanghai Cooperation Organization /A.J.K. Bailes, P.Dunay, P.Guang, M.Troitskiy. Stockholm : SIPRI, 2007. P. 44.
- ²⁶ См., напр.: Уянов С.В. Транспортное сотрудничество в ШОС в контексте проблем региональной стабильности // Стратегия развития ШОС и политика России в этой организации. М. : ИДВ РАН, 2012. С. 193–206; Стратегия России в Центральной Азии и Шанхайская организация сотрудничества / под ред А.В. Лукина. М. : МГИМО, 2012. [Uyanov S.V. Transportnoye sotrudnichestvo v ShOS v kontekste problem regionalnoi stabilnosti // Strategiya razvitiya ShOS i politika Rossii v etoi orzanizatsii. M. : IDV RAN, 2012. S. 193–206 ; Strategiya Rossii v Zentralnoi Azii i Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva / pod red. A.V. Lukina. M. : MGIMO, 2012.]
- ²⁷ Лузянин С.Г. ШОС: проблемы развития (методология, экономика, безопасность) // Стратегия развития ШОС и политика России в этой организации. М. : ИДВ РАН, 2012. С. 17. [Luzianin S.G. ShOS: problem razvitiya (metodologiya, ekonomika, bezopasnost') // Strategiya razvitiya ShOS i politika Rossii v etoi orzanizatsii. M. : IDV RAN, 2012. S. 17.]
- ²⁸ Богатуров А.Д. Центральная-Восточная Азия в современной международной политике // Восток. 2005. № 1. С. 102–119. [Bogaturov A.D. Zentral'no-Vostochnaya Aziya v sovremennoi mejdunarodnoi politike // Vostok. 2005. № 1. S. 102–119.]
- ²⁹ Чжао Х. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества // Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. 2005. № 5. С. 50. [Zhao H. Kitai, Zentral'naya Aziya i Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva // Moskovskiy zentr Karnegi. Rabochiye materialy. 2005. № 5. S. 50.]
- ³⁰ Jia Q. The Shanghai Cooperation Organization: China's Experiment in Multilateral Leadership // Eager Eyes Fixed on Eurasia. No. 16–2 / ed. by A. Iwashita. Sapporo : Slavic Research Center, 2007. P. 113–123.
- ³¹ Имеются в виду взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, уважение к различным цивилизационным особенностям и общее процветание. Эти положения были обозначены в выступлении тогдашнего председателя КНР Цзян Цзэминя на церемонии, приуроченной к созданию ШОС. См.: Jiang Z. Deepening Unity and Coordination to Jointly Create a Brilliant Future [Electronic Resource] : Speech at the SCO Inaugural Ceremony. St. Petersburg, June 15, 2001 // China News. URL: <http://english.china.org.cn/baodao/english/newsandreport/2001july/new14-1.htm> (accessed March 31, 2013).
- ³² Bailes at al. Op. cit. P. 48–50.
- ³³ Pan G. A New Diplomatic Model : A Chinese Perspective on the Shanghai Cooperation Organization // Washington Journal of Modern China. 2008. Vol. 9. Iss. 1. P. 57–58.
- ³⁴ Cohen A. The U.S. Challenge at the Shanghai Summit // The Heritage Foundation. June 13, 2006. URL: <http://www.heritage.org/research/reports/2006/06/the-us-challenge-at-the-shanghai-summit> (accessed March 31, 2013) ; Laruelle M. The Chinese Question in Central Asia: Domestic Order, Social Change and the Chinese Factor / M. Laruelle, S. Peyrouse. L. : Hurst&Company, 2012. P. 37.
- ³⁵ Contessi N. China, Russia and the Leadership of the SCO: A Tacit Deal Scenario //China and Eurasia Forum Quarterly. 2010. Vol. 8. No. 4. P. 101–123.
- ³⁶ Ambrosio T. Catching the 'Shanghai Spirit': How the Shanghai Cooperation Organization Promotes Authoritarian Norms in Central Asia // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60, No. 8. P. 1341.
- ³⁷ Allison R. Op. cit. P. 188.
- ³⁸ Renard T. Strategic Bilateralism or Effective Multilateralism? The EU, the SCO and SAARC // The Palgrave Handbook of EU-Asia Relations / ed. by T.Christiansen, E. Kirchner, Ph. Murray. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2013. P. 369–370.
- ³⁹ Aris S. The Shanghai Cooperation Organization: 'Tackling the Tree Evils'. A Regional Response to Non-traditionsl Security Challenges or an Anti-Western Bloc? // Europe-Asia Studies. 2009 (May). Vol. 61. No. 3. P. 460 ; Aris S. Eurasian Regionalism. The Shanghai Cooperation Organisation. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.
- ⁴⁰ Blank S. India's Rising Profile in Central Asia // Comparative Strategy. 2003. No. 23. P. 139.
- ⁴¹ «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А.Д. Воскресенского. М. : МГИМО, 2010. С. 193–213. ['Bol'shaya Vostochnaya Aziya': mirovaya politika i regionalnye transformazii / pod red. A.D. Voskressenskogo. M. : MGIMO, 2010. S. 193–213.]
- ⁴² Ibid. P. 142–143.

- ⁴³ Ibid. P. 148.
- ⁴⁴ Keynote Address by MOF Shri E. Ahamed at First India-Central Asia Dialogue. June 12, 2012 Ministry of Foreign Affairs of India. URL: <http://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/19791/Keynote+address+by+MOS+Shri+E+Ahamed+at+First+IndiaCentral+Asia+Dialogue> (accessed April 6, 2012).
- ⁴⁵ Доклад Ричарда А. Баучера, помощника госсекретаря США по вопросам Южной и Центральной Азии, Подкомитету по Ближнему Востоку и Центральной Азии в составе Комитета Палаты представителей по международным отношениям «Политика США в Центральной Азии: баланс приоритетов (Часть II)». Вашингтон, 26 апреля 2006 г. / Международные отношения в Центральной Азии. События и документы / под ред. А.Д. Богатурова. М.: Аспект Пресс, 2011. С. 491–492. [Doklad Richarda A. Bauchera, pomoshnika gossekretaria SShA po voprosam Yujnoi i Zentralnoi Azii Podkomitetu po Blijnemu Vostoku i Zentral'noi Azii v sostave Komiteta Palaty predstavitelei po mejdunarodnym otnosheni'yam 'Politika SShA v Zentral'noi Azii: balans prioritetov (Chast' II)'. Washington, 26 april'a 2006 g. / Mejdunarodnye otnosheniya v Zentral'noi Azii. Sobytiya i document / pod red. A.D. Bogaturova. M.: Aspect Press, 2011. S. 491–492.]
- ⁴⁶ Reconnecting India and Central Asia. Emerging Security and Economic Dimensions / ed. by N. Joshi. Washington D.C.: The Central Asia-Caucasus Institute, 2010. P. 62; Sachdeva G. Central Asia. India's New Strategic Neighbourhood // Geopolitics. 2012 (October). Vol. III. Iss.V. P. 80.
- ⁴⁷ Sachdeva G. Op.cit. P. 79.
- ⁴⁸ Kundu N.D. 12th SCO Summit in Beijing: A View from India // Valdai Discussion Club. URL: <http://valdaiclub.com/asia/44660.html> (accessed April 6, 2013).
- ⁴⁹ Триведи Р. Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии с точки зрения сравнительной региональной перспективы // Сравнительная политика. 2011. № 4(6). С. 120–121. [Trivedi R. Netradizionnye ugrozy bezopasnosti v Zentral'noi Azii s toчки zreniya sravnitel'noi regional'noi perspektivy // Sravnitel'naya Politika. 2011. № 4(6). S. 120–121.]
- ⁵⁰ Reconnecting India and Central Asia. P. 66.
- ⁵¹ Sachdeva G. Op. cit. P. 80.

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ (БАЗОВОЕ И ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ, АСПИРАНТУРА) И НАУКИ В КИТАЕ И ИНДИИ¹

С.И. Лунев

В Китае и Индии (мировые лидеры и по количеству населения, и по темпам экономического развития) наличествует широкий слой высококвалифицированных специалистов, что самым благоприятным образом сказывается на культурной динамике и научно-технической автономности азиатских гигантов. Они существенно обогнали развитые страны и государства Южной Европы и Латинской Америки по темпам роста показателя среднего числа лет обучения взрослого населения во второй половине XX в.² Конечно, ситуация с образованием в целом в Китае и Индии пока весьма далека от идеальной, но следует учитывать изначально тяжелое положение, в каком они находились.

В Китае особую роль играет государство, которое концентрирует усилия на конкретных задачах, а в последнее время развитие науки и техники признано важнейшей целью КНР. В соответствии с планом «трех шагов» предполагается, что вклад научно-технического прогресса в увеличении ВВП возрастет до 65% в 2010 г. и 80% в 2050 г. (по сравнению с 30% в конце 90-х гг.), а доля вложений предприятий в НИОКР составит 60% в 2010 г. и 80% в 2050 г. (по сравнению с 23% в конце 90-х гг.). Считается, что к 2010 г. общий технологический уровень в индустрии высоких технологий приблизится к уровню развитых стран, а уже в 2003 г. доля продукции высокотехнологичных отраслей в валовой промышленной продукции Китая достигла 21,4% (в 1996 г. — 10,7%)³. В 2008 г. в Китае на

получение патента подали заявку немногим менее 200 тыс. человек (третье место в мире; для сравнения: в США — менее 232 тыс., в Германии — менее 50 тыс., в Великобритании — менее 17 тыс., во Франции — менее 15 тыс.)⁴. За последние 15 лет резко возросли вложения в НИОКР. В 1996 г. они оценивались в 20 млрд долларов, в 2002 г. — в 72 млрд⁵, в 2006 г. — в 86,8 млрд⁶, в 2009 г. — в 121,4 млрд (третье место в мире после США и Японии)^{7, 8}. Доля Китая в мировых расходах на НИОКР составила 7,6% (доля России — 1,9%, Индии — 1,8%)⁹.

В 2006 г. Пекин объявил о Национальном среднесрочном и долгосрочном плане развития науки и технологий. В декабре 2010 г. был принят 12-летний план, в соответствии с которым Китай должен обеспечить себе мировое лидерство по семи сферам («стратегическим возникающим отраслям»): альтернативная энергетика, биотехнологии, информационные технологии нового поколения, высококачественное производственное оборудование, передовые материалы, автомобили с альтернативным топливом и новые энергетические технологии. На эти цели запланировано потратить 1,5 трлн долларов (5% ВВП), а задачей является, чтобы вклад этих отраслей в китайскую экономику составил 15% к 2020 г.¹⁰ При этом в последнее время Пекин объявил, что стремится к снижению своей зависимости от импорта высоких технологий и доведению ее доли с 50% до 30% к 2020 г.¹¹

К 2007 г. в Китае появилось 499 технологических центров национальных предприятий и 4023 технологических центра провинциальных предприятий (инвестиции в них превысили 300 млрд долларов). Появилось и 54 национальных высокотехнологических парка (48 тыс. предприятий, 6,5 млн занятых)¹².

Следует отметить реальные достижения КНР в развитии таких ключевых отраслей, как нанотехнологии и биотехнологии. Хотя расходы на нанотехнологии были скромные (в 2001–2005 гг. совместные расходы центра и провинций составляли 480–600 млн долларов), Китай занял третье место в мире (после США и Японии) по количеству полученных патентов (12%)¹³. Появилась 31 производственная линия наноматериалов, а их производство составило 30 млн тонн¹⁴. Отметим, что вклад «Роснано» в ВВП России чуть превысил 1 млрд долларов в 2011 г.¹⁵

Что касается биотехнологий (2800 фирм и институтов, где работает около 40 тыс. исследователей и в 2007 г. было произведено продукции на 8,8 млрд долларов¹⁶), то здесь особенно привлекает политика государства, предоставившего целый ряд льгот. Для продукции, произведенной в национальных парках высоких технологий, налог снижен до 15% и до 10%, если экспорт превышает 70%. Новые предприятия освобождаются от налогов в течение 2 лет. Нулевая ставка существует при сделках по передаче технологий и консультативных услугах. От налогов освобождается импорт товаров, используемых в научных и технологических целях. Существуют льготы для высокотехнологических мелких и средних совместных компаний, при аренде земли и зданий. Правительство провинций и городов обязаны создавать специальные фонды для финансирования предприятий, а центральное правительство гарантирует предоставление грантов всем проектам (на сумму в 1,5 млрд долларов). При этом Государственный банк разви-

тия дал обязательство предоставлять займы (7,5–15 млрд долларов в год)¹⁷.

Следует отметить, что в последнее время в Китае резко изменилось отношение к отечественным технологиям, а к инновациям толкает сам бизнес. Характерно, что в 2007 г. опросы показали, что 54% китайских компаний считают модернизацию производства ключевой задачей (в США — 24%)¹⁸. Предприятия сами начали активно развивать НИОКР, в чем им активно помогало государство. Правда, пока им с точки зрения развития технологий и проведения опытных работ еще далеко до Запада. Сохранились и проблемы во взаимоотношениях предприятий с государственными научными институтами и университетами.

В отношении Индии следует выделить колоссальный скачок, который осуществила страна в сфере информационных технологий. Если в 1990–1991 фин. г. валовая стоимость программного обеспечения (ПО) и сопутствующих услуг (СУ) составила 50 млн долларов¹⁹, то в 2003–2004 фин. г. — почти 15 млрд долларов, а в 20010–2011 фин. г. — почти 90 млрд долларов²⁰. Был выбран экспорт-ориентированный путь, и экспорт программного обеспечения составил 480 млн долларов в 1995 г.²¹, 4,2 млрд долларов — в 2002 г.²², 31,3 — в 2006–2007 фин. г.²³, 50 — в 2009–2010 фин. г. и 59 млрд долларов — в 2010–2011 фин. г.²⁴ По этому показателю Индия занимает второе место в мире после США. Доля программного обеспечения в общем экспорте Индии составила 20% в 2011 г., а в валовом внутреннем продукте Индии доля сектора составляла в 1999–2000 фин. г. 1,2%, в 2006–2007 фин. г. — 5,4%²⁵, а в 2010–2011 фин. г. — 6,4%²⁶.

Очень резко выросла занятость в сфере информационных технологий. Если в 1999–2000 фин. г. здесь работали 284 тыс. человек, то в 2006 г. — 1630 тыс., в 2007 г. — почти 2 млн²⁷, а в 2011 г. — 2,5 млн (косвенным образом с сектором было связано еще 9 млн рабочих мест)²⁸.

Если цивилизационную парадигму Китая можно схематично назвать этатистско-эгалитарной, то в Индии (в которой государство еще в древности было несопоставимо слабее, чем в Китае) основной путь развития — элитарный, что непосредственно связано с кастовым наследием. Несмотря на все попытки улучшения политического, социального и экономического положения нижних страт (и реальные достижения на этом пути), разрывы в социально-экономическом развитии — между различными кастами, городом и деревней, различными регионами — снижаются несущественно. Кастовая замкнутость и эндогамия в течение тысячелетий способствовала тому, что, как правило, за человеком из варны брахманов стоят сотни поколений предков, занимавшихся интеллектуальным трудом. В результате Индия обладает колоссальным интеллектуальным потенциалом на верхнем этаже и высококвалифицированными специалистами мирового уровня. Одновременно у среднего далита (как стали называть бывших неприкасаемых) за несколько тысячелетий не было ни одного предка, который бы имел какое-либо образование и профессионально занимался умственной деятельностью. Более того, характер их физического труда, орудия и предметы труда были однотипны и примитивны. Именно поэтому Индия заметно проигрывает многим азиатским странам по качеству массовой квалифицированной рабочей силы.

Как раз в сфере образования наглядно видны отличия индийской цивилизационной парадигмы. Особенно они заметны при сравнении страны с Китаем, для которого характерна эгалитарная модель: заметное существование превосходства Китая в плане базового образования, а Индия не уступает в плане высшего образования. Грамотных в Индии насчитывается 62,8%, в то время как в Китае неграмотно менее 6%²⁹ (10 лет назад — 15%³⁰). Правда, существует

тенденция сокращения количества неграмотных в Индии. В 1970 г. лишь треть населения была грамотной³¹, 10 лет назад эта цифра составляла 57%³². Действительно, сейчас почти все дети поступают в школу. Но возникает проблема функциональной безграмотности: треть детей бросают еще начальную школу. 65 млн индийцев в возрасте 6–14 лет (по мнению некоторых экспертов, 75 млн.) находятся вне школы³³. При этом в 2011 г. средняя продолжительность обучения в Индии составила 4,4 года, а в КНР — 7,5 года³⁴.

Совокупный валовой коэффициент охвата населения начальным, средним и высшим образованием составляет в Индии только 61,0%. Эта цифра выше показателей, например, Пакистана (39,3%), но существенно ниже, чем в Китае (68,7%), не говоря уже о развитых странах³⁵. Подобное положение ухудшает глобальную ситуацию, учитывая, что на рубеже веков на Индию приходилось 30% детей, которые рождались во всем мире³⁶.

На мировых форумах Индию критикуют за гендерную ситуацию в сфере образования. Грамотно лишь 47,8% женщин, и количество девочек и девушек, получающих образование, меньше, чем у мальчиков и юношей (в 2005 г. в начальном образовании это соотношение составляло 94%, среднего образования — 80% и высшего — 70%)³⁷. В этом плане можно продекларировать почти полное равноправие в Китае, где эти показатели равны соответственно 99%, 100% и 95%³⁸. Интересно отметить, что у стран, находящихся на среднем уровне развития, как правило, число студенток выше, чем число студентов. Особенно это относится к островным государствам Карибского моря и Индийского океана (на Ямайке на 1 студента приходится 2,29 студентки, в Мальдивской республике — 2,37, а на Сент-Люции — 2,8). Естественно, как правило, значительно хуже показатели в мусульманских странах (в Таджикиста-

не, где, казалось бы, должно было сказываться советское наследие, на каждую студентку приходится три студента).

В «зоне безграмотности» в Индии оказались, кроме женщин, низкокастовые жители сельской местности и северных штатов (Уттар-Прадеш, Бихар, Мадхья-Прадеш, Орисса и Раджастан). Уровень грамотности низкокастовых мужчин — 46%, а женщин — 19% (среди отсталых племен — соответственно 41% и 18%). Только в Уттар-Прадеш в 1995 г. не ходили в школу 8,7 млн мальчиков и 9,2 млн девочек. Во всех северных штатах в сельской местности посещали школу менее 25% девочек (в возрасте от 5 до 14 лет). Во всей Индии в городе ходили в школу 74% детей, а на селе — лишь 40%. Следует, правда, отметить, что по закону 2009 г. обучение с 6 до 14 лет становится в Индии обязательным.

Самый низкий уровень женской грамотности — в Раджастане: 20% (в сельской местности — 11,6%), а мужской — в Бихаре: 52%. Только 4,4% женщин грамотны среди отсталых племен Раджастана. Гораздо лучшая картина наблюдается в Махараштре, центре деловой активности Индии: здесь 72% детей ходило в школу (55% девочек, живущих в сельской местности), и в Керале (где коммунисты, длительное время находившиеся у власти, традиционно придавали особое значение образованию): 90% детей пребывали в школе (самый низкий показатель — 87% — у девочек из сельской местности)³⁹.

Сами школы в Индии (особенно в сельской местности в северных штатах) нередко представляют удручающую картину. У 9% школ нет даже здания, у 70% — библиотеки, у 60% — водоснабжения, у 89% — туалета. В 28% школ есть лишь один учитель (в Раджастане — в 50%), в 32% — только два⁴⁰.

В республике крайне мало тратят на образование: государственные расходы на душу населения составляли в середине 1990-х гг. 12 долларов, что в несколько

раз меньше, чем в Китае⁴¹. Они, конечно, росли с 50-х гг. до начала 90-х гг. ежегодно в среднем на 1,9% на одного ученика, но этого явно недостаточно. В относительных цифрах Индия не сильно отличается от других развивающихся стран (в 1980 г. расходы на образование составляли лишь 2,8% ВВП⁴², в 1991 г. — 3,7%, 90-е гг. — 3,2–3,7%⁴³, а в 2000–2007 гг. — 3,2%⁴⁴). Доля расходов на образование в государственном бюджете даже имеет тенденцию к сокращению — с 12,2% в 1991 г. до 10,7% в 2002–2005 гг.⁴⁵ По данному показателю Индия уступает многим странам Азии и Африки, в т.ч. и Китаю, где соответствующий показатель увеличился с 12,7% до 13%⁴⁶.

За последнее время в Китае возросла и доля расходов на образование в валовом внутреннем продукте. Если в 1995 г. она равнялась 2,4% от ВВП, то в 2001 г. — 3,2% (в 1992 г., правда, эта цифра составляла 3,4%)⁴⁷. Отметим также, что в 2006 г. начальную школу в Китае посещали 99,27% детей младшего возраста⁴⁸. В Китае, безусловно, тоже существуют разрывы, прежде всего между сельскими и городскими районами, но они не имеют драматического характера. Так, если в 2000 г. на среднего жителя крупного города приходилось 10,2 года обучения, то на жителя деревни — 7,3 года. Если в крупных городах насчитывалось 4,6% неграмотных, то в сельской местности — 11,6⁴⁹. Есть также определенные разрывы по географическому (западная часть Китая отстает от других районов республики) и гендерному параметрам.

Ситуация начинает меняться в сфере высшего образования, даже еще на уровне полного среднего образования. Если в Индии в середине 90-х гг. насчитывалось 6204 колледжа и университета, то в Китае — лишь 1075. По данным Департамента среднего и высшего образования Министерства образования Индии, в 2007 г. в Индии было уже 259 университетов. В них и в колледжах учились 9,95 млн студентов и преподавали бо-

лее 450 тыс. человек⁵⁰. В 2011 г. в Индии насчитывалось уже 544 университета — 261 университет штатов, 73 частных университета штатов, 42 центральных университета, 33 образовательных учреждения общегосударственного значения, 5 вузов, учрежденных законодательными властями штатов, 130 институтов, которые считаются университетами. Количество колледжей равнялось 31 324 (3432 — женских)⁵¹. Высшим образованием сейчас охвачены 12% индийской молодежи, и правительство ставит задачу довести эту цифру до 30% к 2025 г. В элитные заведения допуск ограничен. Так, в 15 Технологических институтов, где акцент сделан на информационные технологии, ежегодно пытаются поступить 300 тыс. человек, из которых берут только 2% (в Гарвардском университете — 7%)⁵². При этом в целом за год в Индии выпускают около 500 тыс. молодых инженеров.

Не случайно, уступая очень многим странам по доле расходов на образование в государственном бюджете, Индия находится среди лидеров по расходам на высшую школу (18% среди всех расходов на образование; в Японии эта цифра равна 14%, в Южной Корее — 13, в Италии — 17%)⁵³, причем цифры растут. На 2011/2012 фин. г. на высшее образование в бюджете были заложены расходы на одну треть больше, чем в предыдущем году⁵⁴. По мнению министра человеческих ресурсов и развития Капила Сибала, к 2020 г. для реализации потребностей страны необходимо открыть дополнительно 800–900 университетов и 40–45 тыс. колледжей⁵⁵.

Китай, правда, в последнее время совершил качественный скачок по развитию высшего образования и также активно развивает сферу высшего образования. В 2002–2005 гг. в КНР на высшую школу приходился 21% всех расходов на образование, а университетов и колледжей в 2004 г. насчитывалось 1731⁵⁶. В 2006 г. в Китае только в универ-

ситеты были приняты 5,4 млн студентов (в 5 раз больше по сравнению с показателем 1998 г. — 1,08 млн чел.), а всего их число (включая тех, кто учится в высших профессионально-технических институтах) составило 25 млн человек. Аспирантов насчитывалось более 1,1 млн человек⁵⁷. В 2006 г. было выдано 34 тыс. дипломов о присвоении ученой степени (в 1996 г. — 5 тысяч). По этому показателю КНР уступила только Соединенным Штатам⁵⁸. При этом следует учитывать и то обстоятельство, что все возрастающее количество молодых индийцев и китайцев получает высшее образование за рубежом. Так, по официальным данным США, в 2004–2005 учебном году из числа студентов, приезжающих на учебу в США, наибольшее количество (четвертый год подряд) представляли индийцы (более 80 тыс.), китайцы заняли второе место (более 62 тыс.), на третьем и четвертом оказались южные корейцы и японцы (соответственно более 53 тыс. и более 42 тыс.)⁵⁹.

Динамика в азиатских гигантах первоначально была примерно одинаковой: индикатор охвата обучением в высшей школе увеличился в Китае с 1% (1960 г.) до 1–2% (1980 г.), 4–5% (1995 г.) и 7% (1999 г.), а в Индии — соответственно с 3% до 5% и 12–13% в 1995 г.⁶⁰ В 1995 г. в Китае на душу населения приходилось лишь 0,18 года обучения в сфере высшего образования, а в Индии — почти в 3 раза больше — 0,45. Правда, обе страны существенно уступали по этому показателю ряду своих соседей (на Филиппинах он был равен 2,74, а в Южной Корее — 3,03 года)⁶¹. Однако за последнее время огромный скачок совершила КНР, и ситуация значительно улучшилась. Так, в 1999 г. уже почти 10% молодых китайцев были студентами, а в 2006 г. — более 21%⁶² (особенно высока доля охвата молодежи высшим образованием в Пекине и Шанхае), а в 2008 г. — 23%. В Индии же цифра охвата высшим образованием

осталась практически неизменной — 13% в 2007 г.⁶³

В техническом плане и Китай, и Индия показали способность осваивать импортные высокие технологии и создавать свои. Уже в 2003 г. доля продукции высокотехнологичных отраслей в валовой промышленной продукции Китая достигла 21,4% (в 1996 г. — 10,7%)⁶⁴. Индия добилась колоссального прорыва в сфере информационных технологий.

Более того, азиатские гиганты продемонстрировали способность самостоятельно развивать научные исследования: автономное создание атомного оружия — наглядный тому пример. Развитие науки в Индии началось после завоевания независимости. Первый премьер-министр страны Джавахарлал Неру был твердо убежден, что именно наука может позволить Индии решить колоссальные социально-экономические проблемы, доставшиеся как «наследие» британской колониальной власти. За время его пребывания у власти (1947—1964 гг.) были открыты 25 исследовательских институтов под эгидой Совета по научным и промышленным исследованиям, десятки центров и лабораторий при Индийском совете по сельскохозяйственным исследованиям и Индийском совете медицинских исследований. Была создана Организация по исследованиям и развитию оборонного комплекса, под руководством которой начали функционировать различные центры по исследованиям в сфере аэронавтики, электроники и вооружений. В 1948 г. был принят Закон об атомной энергетике, а в 1954 г. было решено образовать Организацию атомной энергетике (нынешнее название — Центр атомных исследований имени Бхабхи), который стал функционировать в 1957 г. Были быстро созданы 5 индийских технологических институтов в Кхарагпуре, Бомбее, Дели, Канпуре и Мадрасе (в настоящий момент их 7). В стране появились сельскохозяйственные институты⁶⁵. В 1962 г. был обра-

зован Индийский национальный комитет космических исследований, и уже в ноябре 1963 г. была запущена первая индийская звуковая сигнальная ракета.

Концентрация усилий правительства на развитии науки, наряду с высоким уровнем культурной динамики, позволили Индии уже вскоре занять достойное место в мире. Согласно исследованию, проведенному Американским институтом физики в 1964 г., страна вышла на девятое место в мире в области физики, уступая только США, СССР, Великобритании, Японии, Франции, Германии, Нидерландам и Италии⁶⁶. В работе создавшего индекс научного цитирования Юджина Гарфилда, относящейся к 1973 г., Индия с точки зрения научной продуктивности вышла на восьмое место, уступая США, Великобритании, СССР, ФРГ, Франции, Японии и Канаде. Согласно данному исследованию в тот период вклад Индии в науку был такой же, как у всего остального развивающегося мира⁶⁷.

Дочь Джавахарлала Неру Индира Ганди в целом сохранила его курс в научно-технической политике. В 1971 г. был создан специальный Департамент науки и технологии, который стал играть ключевую роль в организации науки в стране. На годы ее пребывания у власти пришлось многие важнейшие события. Так, в мае 1974 г. Индия осуществила в военных целях⁶⁸ взрыв ядерного устройства в Покхране, штат Раджастан (еще в 1964 г. премьер-министр Индии Лал Бахадур Шастри дал указание начать осуществление ядерной программы). Индийские ученые хотели испытать также и водородную бомбу. Индира Ганди была готова согласиться с этим предложением, но ее советники отговорили премьер-министра от подобного шага, поскольку подобное испытание никак не могло осуществляться в мирных целях. В апреле 1975 г. был запущен первый индийский спутник — «Ариабхата» (Индийская организация космических исследования

стала функционировать в 1969 г., а Департамент по исследованию космоса — в 1972 г.). Значительно расширилась сеть сельскохозяйственных университетов, которые сыграли крайне важную роль в успешном осуществлении «зеленой революции» в Индии, которая позволила наконец обеспечить продовольственный минимум для индийского народа. В 1982 г. завершилось создание общендийской телевизионной сети. В июле 1981 г. по специальной инициативе Индиры Ганди был создан Департамент океанических исследований. В том же году появилась Программа антарктических исследований⁶⁹.

После прихода к власти внука Джавахарлала Неру Раджива Ганди в 1984 г. в научно-технологической сфере упор был перенесен с науки на технологию. В результате Индия добилась значительных успехов в развитии высокотехнологических сфер (см. следующую главу), но ее место в мировой науке понизилось. В 1995 г. страна оказалась на тринадцатом месте, которое она сохранила в 2006 г.⁷⁰ Подобное положение характерно не для всех научных дисциплин. Так, согласно исследованию, проведенному в 2004 г., Индия продолжает занимать восьмое место в сфере развития физики. Впереди нее расположились США, Китай, Япония, Германия, Франция, Великобритания и Россия⁷¹. Следует также отметить, что индийская наука не всегда востребована. Так, по средней цитируемости работ страна занимала в 2006 г. лишь 119 место. Если в 1980 г. поток индийских публикаций в ведущих рецензируемых журналах составил 15 тыс., то в 2000-м он упал до 12 тыс.⁷² За послед-

нее время, правда, произошел рост числа научных публикаций: по данным индийского правительства, на 10% в год в 2000–2005 гг.⁷³

До начала «культурной революции» в Китае наука в стране развивалась довольно успешно. Достаточно отметить, что в середине 60-х гг. XX в. в стране насчитывалось 1400 наименований научных журналов (в Индии — менее 500). Все они были закрыты после 1966 г. После прекращения маоистских экспериментов постепенно началось бурное развитие науки в КНР. В 1980 г. западные библиографические источники упомянули лишь 924 работы китайских авторов⁷⁴. Сейчас по научному рейтингу Китай занимает пятое место в мире после США, Японии, Германии и Великобритании⁷⁵.

Общее число научных исследователей весьма велико в азиатских гигантах, прежде всего в Китае, где за 10 лет (1998–2008 гг.) их количество выросло в 2 раза. Но относительные цифры показывают недостаточное развитие науки. Концентрация внимания на каких-то конкретных сферах позволяет азиатским гигантам добиваться впечатляющих успехов, но обеспечить всестороннее, равномерное развитие в сферах науки и высоких технологий им не удастся в обозримом времени.

Таким образом, в целом в азиатских гигантах занимаются в первую очередь прикладными исследованиями, и они значительно уступают развитым странам и России в сфере фундаментальных исследований. В фундаментальных исследованиях в Китае области международного передового уровня составляют 5%, а хорошо работающие (по международ-

Таблица 1. Занятость в науке в азиатских гигантах⁷⁶

Страна	Год оценки	Кол-во исследователей (полная занятость)	Доля женщин	Кол-во исследователей на 1 млн жителей
Китай	2008	1 592 420	...	1 149
Индия	2005	154 827	16,5	136

ному признанию) области — 20%⁷⁷. При этом китайские власти и не ставят задачу изменить положение. Развитие информационных технологий в Индии показывает, что индийцы оказались очень сильны в прикладных исследованиях, но мало что могут создать в сфере фундаментальной науки.

Если результаты макроэкономических процессов вызывают в Азии определенное удовлетворение, то гораздо более неоднозначными являются политэкономические процессы. В послевоенный период начался очередной этап структурной перестройки экономики развитых стран, связанный с новым витком развития производительных сил, вызванных жизнью научно-технической революцией.

Политэкономические процессы представляются в целом гораздо более неоднозначными по сравнению с макроэкономическими. В течение последней четверти века на Севере (зона развитых держав) стал появляться новый социально-экономический строй, пока не получивший единого названия (существуют термины «посткапиталистическое», «постэкономическое», «постиндустриальное» общество и т.д.).

Не останавливаясь подробно на всех переменах (была осуществлена структурная перестройка экономики, опережающими темпами росла сервисизация и интернационализация экономики, повышалось значение инвестиций в «человеческий капитал», произошли диверсификация форм собственности, изменение формы и условий найма, отход от прибыли как главной и единственной мотивации производства)⁷⁸, особо отметим, что возникло новое взаимодействие производства, науки и информатики. Здесь утверждается «экономика, основанная на знаниях», и в таких странах, как Япония и США, до 80% национального богатства прирастает за счет НТП.

Перспективы развития Юга (в целом) по траектории, намеченной Севе-

ром, представляется маловероятным. Перенос элементов нового строя в зону Юга практически невозможен, т.к. для их вращаения требуется высокий уровень развития, тем более что этот процесс может происходить только комплексно. Подавляющему большинству развивающихся стран свойственен низкий уровень культурной динамики. Более того, ныне Северу выгодно «подмораживание» экономических и социально-экономических процессов на Юге, и с центра на периферию не исходят импульсы для развития по пути Севера. Иными словами, стадиальный разрыв между новым строем и капитализмом на периферии может сохраняться более длительное время, чем между капитализмом и докапитализмом.

Азиатским гигантам не удастся создать новое общество по внутренним объективным социально-экономическим причинам в обозримом будущем⁷⁹. Наличие огромного массива некавалифицированного (а в Индии и неграмотного) населения не позволяет им применять многие модели развитых стран. Так, нет особого смысла во внедрении новых ресурсосберегающих технологий (крайне низкая стоимость ручного труда, необходимость обеспечивать работой население и т.д.); не случайно большинство технологических достижений носит «экспорт-ориентированный» характер. Научно-технологические «заповедники» часто выглядят как анклав: на среднего индийца в начале века приходилось всего 5,1 года обучения⁸⁰.

Здесь также наблюдается ежегодный отъезд десятков тысяч наиболее квалифицированных специалистов (прежде всего по материальным причинам), что способно уже в ближайшее время вызвать существенное ослабление позиций данных государств в высокотехнологической сфере, а в перспективе привести к резкому ухудшению культурной динамики. Так, если один врач индийского происхождения приходился на 1325 граждан

Соединенных Штатов, то в самой Индии — на 2400 человек⁸¹.

Правда, следует особо отметить существенные успехи азиатских гигантов по вопросам послевузовского обучения. Китай вышел на первое место в мире по ряду показателей в отношении аспирантуры. В 2009 г. здесь было защищено около 50 тыс. диссертаций. При этом сами китайские специалисты выделяют следующие слабости китайской аспирантуры: 1) очень короткое обучение (3 года); 2) многие научные руководители не имеют достаточно высокого научного уровня; 3) отсутствует контроль над качеством защищаемых диссертаций; 4) нет четкого механизма отсеивания слабых аспирантов. При этом аспиранты, защитившие диссертацию, гораздо легче находят работу по специальности в самом Китае (как в научной, так и практической сферах) по сравнению с американскими аспирантами. В целях повышения качества обучения в аспирантуре китайские власти и сами университеты приступили, с одной стороны, к постоянной ротации научных руководителей и созданию специальных комиссий, а с другой стороны, к резкой активизации международного сотрудничества — в плане приглашения иностранных специалистов. Менее позитивно воспринимается направление аспирантов за рубеж, особенно лиц, уже защитивших диссертацию, из-за частого отказа молодых китайцев вернуться на родину⁸².

В стране резко возрастает количество аспирантов, защищающих диссертацию. Так, по точным и естественным наукам, которым государство отдает приоритет, в 1983–1984 г. было защищено 3404 работ, в 1993–1994 г. — 3852, в 2003–2004 г. — 6316⁸³, в 2010–2011 г. — 8900, а к 2020 г. их должно быть, по оценкам, 20 тыс.⁸⁴ В Соединенных Штатах эта цифра стабильно колеблется в пределах 25–27 тыс., но 40% не являются гражданами страны. Если в США доля бакалавров, получивших научное звание по точным и естественным

наукам, составляет треть всех выпускников, то в КНР — около 60%. По их количеству в начале века Китай догнал Соединенные Штаты, а к концу десятилетия опередил почти в 4 раза. Отметим также, что выпускников-инженеров в Южной Корее столько же, что и в США, хотя азиатская страна уступает в 6 раз по численности населения и в 20 раз по ВВП⁸⁵.

Индийские власти поставили задачу постепенно догнать по данному показателю США и Китай. В этих целях увеличивается субсидирование высшего образования и науки.

Индийские специалисты во многом сходятся с китайскими экспертами по вопросам слабости аспирантуры в Индии. Они отмечают, что аспирантура не пользуется популярностью (только 1% выпускников идут сюда), потому что для работы в промышленности и НИОКР достаточно звания бакалавра, а зарплата выше, чем в государственных научных и исследовательских центрах, куда берут после защиты диссертаций, по меньшей мере, магистерских. При этом отток в инженерно-технологическую сферу наблюдается и у докторов наук, опять-таки по финансовым соображениям. Очень многие индийцы уезжают за рубеж для обучения в аспирантуре или после ее окончания в Индии⁸⁶. Слабостью признается, как и в Китае, низкий профессиональный уровень ученых. По мнению министра человеческих ресурсов и развития Капила Сибала, половина научных работников недостаточно квалифицирована. Индийский руководитель также отмечает невысокий имидж чистой науки: 25% академических ставок не занято⁸⁷. Как негатив в Индии воспринимают то обстоятельство, что диссертаций в Индии защищают значительно меньше, чем в развитых странах⁸⁸, и очень низка доля людей, успешно закончивших аспирантуру. Более того, процент уменьшается — с 26,1% в 1971 г. до 22,2% в 1997 г.

Таким образом, азиатские гиганты в целом добились больших успехов в раз-

вители аспирантуры. При этом власти и эксперты отлично понимают слабые места и ставят задачу изменить ситуацию в относительно недалеком будущем. Подобные перемены могут способствовать

переносу акцентов на развитие фундаментальной науки, а не только высоких технологий, что позволит сократить отставание Китая и Индии от развитых держав.

- ¹ Работа выполнена в рамках проектов РГНФ № 11-03-00700а и № 11-03-00099а.
- ² Мельянцев В.А. «Восточноазиатская модель» экономического роста: важнейшие составляющие, достоинства и изъяны. М., 1998. С. 21. [Mel'jancev V.A. «Vostochnoaziatskaja model'» jekonomicheskogo rosta: vazhnejšie sostavlajushhie, dostoinstva i iz'jany. M., 1998. S. 21.]
- ³ Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / под ред. Михеева В.В. М.: Московский Центр Карнеги, 2005. С. 164–166. [Kitaj: ugrozy, riski, vyzovy razvitiju / pod red. Miheeva V.V. M.: Mosk. Centr Karnegi, 2005. S. 164–166.]
- ⁴ Официальный сайт Мирового Банка — patent applications, residents. <http://data.worldbank.org/indicator/ip.pat.resd>
- ⁵ Ibid. P. 225.
- ⁶ OECD Science, Technology and Industry Outlook 2008 Highlights. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/18/32/41551978.pdf>
- ⁷ Global Investment in R&D // UIS Fact Sheet, August 2011, No 15. P. 1. UNESCO Institute for Statistics. URL: http://www.uis.unesco.org/FactSheets/Documents/fs15_2011-investments-en.pdf
- ⁸ Южная Корея занимает 6 место, Россия — 8-е.
- ⁹ OECD Science, Technology and Industry Outlook 2008 Highlights. URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/18/32/41551978.pdf>
- ¹⁰ China Mulls \$1.5t Boost for Strategic Industries // China Daily, December 3, 2010.
- ¹¹ Segal A. Chinese Technology Policy and American Innovation. Testimony before the U.S.-China Economic and Security Review Commission on China's technology policies, US. Congress, July 15, 2011. URL: <http://www.cfr.org/china/chinese-technology-policy-american-innovation/p25295>
- ¹² Research Report on Chinese High-Tech Industries. U.S. China Economic and Security Review Commission. January 2009. P. 7–8. URL: http://www.uscc.gov/researchpapers/2009/Research_Report_on_Chinese_High_Tech_Industries.pdf
- ¹³ China's High Technology Development Hearings before the U.S.-China Economic and Security Review Commission. P. 217.
- ¹⁴ Research Report on Chinese High-Tech Industries. U.S.-China Economic and Security Review Commission. January 2009. P. 26–27.
- ¹⁵ Наумов И. Нанотехнологии успешно осваивают государственный бюджет // Независимая газета. 2012. 7 марта. [Naumov I. Nanotechnology uspešno osvaivajut gosudarstvennyj bjudzhet // Nezavisimaja gazeta. 2012. 7 marta.]
- ¹⁶ Research Report on Chinese High-Tech Industries. U.S.-China Economic and Security Review Commission. January 2009. P. 10.
- ¹⁷ Ibid. P. 17–18.
- ¹⁸ China's High Technology Development Hearings before the U.S.-China Economic and Security Review Commission. P. 293.
- ¹⁹ Parthasarathi A. Tackling the brain drain from India's information and communication technology sector: the need for a new industrial, and science and technology strategy // Science and Public Policy. 2002. № 29 (2). P. 129.
- ²⁰ Information Technology. Annual Report. 2010–2011. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology, 2011. P. 1.
- ²¹ Information Technology. Annual Report. 2002–2003. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology, 2003.
- ²² Веб-сайт НАССКОМ (Национальная Ассоциация индийских компаний по производству информационных технологий и сопутствующих услуг). URL: http://www.nasscom.org/artdisplay.asp?cat_id=314
- ²³ Information Technology. Annual Report. 2006–2007. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology, 2007. P. 2.

- ²⁴ Information Technology. Annual Report. 2010–2011. P. 1.
- ²⁵ Information Technology. Annual Report. 2006–2007. P. 3
- ²⁶ Information Technology. Annual Report. 2010–2011. P. 2.
- ²⁷ Information Technology. Annual Report. 2006–2007. P. 3.
- ²⁸ Information Technology. Annual Report. 2010–2011. P. 2.
- ²⁹ Программа развития Организации Объединенных Наций. Доклад о человеческом развитии. 2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: Лучшее будущее для всех. М. : «Весь Мир», 2011. С. 159. [Programma razvitija Organizacii Ob'edinennyh Nacij. Doklad o chelovecheskom razvitii. 2011. Ustoichivoe razvitie i ravenstvo vozmozhnostej: Luchshee budushhee dlja vseh. M. : «Ves' Mir», 2011. S. 159.]
- ³⁰ D. Biers. Life in the Slow Lane / D. Biers, S. Siddhva // Far Eastern Economic Review (Hong Kong). № 34. 21.08.1997. P. 72.
- ³¹ Liberal Times (New Delhi). Vol. V. № 2. 1997. P. 27.
- ³² Ramachandaran V.K. Investment Gaps in Primary Education. A Statewide Study / V.K. Ramachandaran, V. Rawal, M. Swaminathan // Economic and Political Weekly (Mumbai). 1997. Vol. XXXII. № 1–2. P. 39.
- ³³ Deshpande J.V. Elementary Education as Fundamental Right // Economic and Political Weekly. Vol. XXXII. P. 2381 ; Human Development Report. 2000. UNDP. New York : Oxford University Press, 2000. P. 196.
- ³⁴ Программа развития Организации Объединенных Наций. Доклад о человеческом развитии. 2011... С. 128–129. [Programma razvitija Organizacii Ob'edinennyh Nacij. Doklad o chelovecheskom razvitii. 2011... S. 128–129.]
- ³⁵ Human Development Report. 2008. New York : Palgrave Macmillan, 2008. P. 171–174.
- ³⁶ Monthly Public Opinion Surveys (New Delhi). Vol. XLIII. № 4. January 1998. P. 49.
- ³⁷ Human Development Report. 2008... P. 336.
- ³⁸ Ibid. P. 335.
- ³⁹ Ramachandaran V. K. Op.cit. P. 39–41.
- ⁴⁰ Ibid. P. 39.
- ⁴¹ Rekh S. Still Far from Ready // India Today (New Delhi). 1995. Vol. XX. № 21. P. 123.
- ⁴² Human Development Report. 1997. UNDP. New York : Oxford University Press, 1997. P. 181.
- ⁴³ Deshpande J.V. Elementary Education as Fundamental Right... P. 2382 ; Human Development Report. 2000... P. 196.
- ⁴⁴ Human Development Report. 2010. The Real Wealth of Nations: Pathways to Human Development. New York : Palgrave Macmillan, 2010. P. 204.
- ⁴⁵ Human Development Report. 2007/2008... P. 267.
- ⁴⁶ Ibid. P. 266.
- ⁴⁷ China Human Development Report 2005. United Nations Development Programme. Beijing : China Development Research Foundation, 2007. P. 51.
- ⁴⁸ Highlights in development of education in China // People's Daily (Beijing), 09.03.2007.
- ⁴⁹ China Human Development Report 2005... P. 17–18.
- ⁵⁰ URL: <http://www.education.nic.in/higedu.htm>
- ⁵¹ Ministry of Human Resource Development, Gov. of India. Department of School Education & Literacy and Higher Education. Annual Report. 2010–2011. New Delhi : Dolphin Printo Graphics, 2011. P. 3.
- ⁵² Nayar A. Developing world: educating India // Nature (London). 2011. № 472. p. 25.
- ⁵³ Human Development Report. 2007/2008... P. 265–267.
- ⁵⁴ Cyranoski D. Education: The PhD factory / D. Cyranoski, N. Gilbert, H. Ledford, A. Nayar, M. Yachia // Nature. April 2011. № 472. P. 279.
- ⁵⁵ Nayar A. Developing world... P. 25.
- ⁵⁶ Witchalls Cl. Facts and figures — India and China // Computing Business. 21.09. 2006.
- ⁵⁷ Highlights in development of education in China // People's Daily. 09.03.2007.
- ⁵⁸ Powell G. China's universities moving to the top // China Economic Review. 19.11. 2007.
- ⁵⁹ URL: <http://usinfo.state.gov/archives/display.html?p=washfile-russian&y=2005&m=November&x=20051115093903aawajuk0.1001093>

- ⁶⁰ Мельянцев В.А. «Восточноазиатская модель» экономического роста... С. 19 ; сайт ЮНЕСКО. URL: <http://stats.uis.unesco.org/unesco/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=167> [Mel'jancev V.A. «Vostochnoaziatskaja model'» jekonomicheskogo rosta... S. 19 ; sajt JuNESKO. URL: <http://stats.uis.unesco.org/unesco/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=167>]
- ⁶¹ "Far Eastern Economic Review" (Hong Kong), 16.10.1997. № 42. P. 13.
- ⁶² Highlights in development of education in China // People's Daily (Beijing). 09.03.2007.
- ⁶³ Сайт ЮНЕСКО. URL: <http://stats.uis.unesco.org/unesco/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=167>
- ⁶⁴ Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / под ред. В.В. Михеева М. : Московский Центр Карнеги, 2005. С. 168. [Kitaj: ugrozy, riski, vyzovy razvitiju / pod red. V.V. Miheeva M. : Mosk. Centr Karnegi, 2005. S. 168.]
- ⁶⁵ Rajagopalan, T. S. et al. The Directory of Scientific Research Institutions in India. Delhi : INSDOC, 1969.
- ⁶⁶ Keenan S., Atherton P. Journal Literature of Physics. NY : American Institute of Physics, 1964.
- ⁶⁷ Garfield E. Handbook of Libraries, Archives & Information Centres in India. New Delhi : Segment Books, 1996. Vol. 13. P. 1–16.
- ⁶⁸ Официально индийское правительство заявило о мирных целях эксперимента, но мировое сообщество не поверило заверениям. Правда, советский блок публично признал индийскую версию, но вопрос о ядерной программе был наиболее серьезным расхождением еще между Москвой и Дели.
- ⁶⁹ India 2006. New Delhi, Indian Government : Publications Division, 2006. P. 779.
- ⁷⁰ URL: <http://in-cites.com/research/2006>
- ⁷¹ Gunasekaran S. Mapping Chemical Science Research in India: A Bibliometric Study / S. Gunasekaran, M. Sadiq Batcha, P. Sivaraman // Annals of Library and Information Studies. 2006. Vol. 53. N 2. P. 83–95.
- ⁷² Стерлигов И. Инновационный потенциал стран БРИК: Индия. URL: http://www.strf.ru/client/news.aspx?ob_no=6034 [Sterligov I. Innovazionnyi potencial stran BRIK: Indiya. URL: http://www.strf.ru/client/news.aspx?ob_no=6034]
- ⁷³ URL: http://dst.gov.in/scie_congrs/mosspeech-eng94.pdf, p.14.
- ⁷⁴ Balaram P. Science in India: Signs of Stagnation // Current Science (Bangalore). 2002. Vol. 83. № 3. P. 193–194.
- ⁷⁵ Sen B.K. Whither Science in India // Current Science. Vol. 92. № 2. 25 January 2007. P. 172.
- ⁷⁶ Сайт ЮНЕСКО. URL: <http://stats.uis.unesco.org/unesco/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=2638> ; <http://stats.uis.unesco.org/unesco/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=2648>
- ⁷⁷ Китай: угрозы, риски, вызовы развитию... С. 165. [Kitaj: ugrozy, riski, vyzovy razvitiju / pod red. V.V. Miheeva. M. : Mosk. Centr Karnegi, 2005. S. 165.]
- ⁷⁸ См. более подробно: Широков Г.К. Восток: Панорама новейшего времени. М. : ИВ РАН, 2003 ; Лунев С.И. Трансформация мировой системы и крупнейшие страны Евразии / С.И. Лунев, Г.К. Широков. М. : Academia, 2001. [Shirokov G.K. Vostok: Panorama novejshego vremeni. M. : IV RAN, 2003 ; Lunev S.I., Shirokov G.K. Transformacija mirovoj sistemy i krupnejšie strany Evrazii. M. : Academia, 2001.]
- ⁷⁹ «В обозримом будущем» — в европейском понимании. Для китайского менталитета, например, характерно абсолютно иное понимание категорий времени и пространства, и политики, и ученые здесь очень легко оперируют столетними периодами.
- ⁸⁰ Human Development Report 2001. Making New Technologies Work for Human Development. United Nations Development Programme. New York : Oxford University Press, 2001. P. 3.
- ⁸¹ Mahbub ul Haq, Khadija Haq. Human Development in South Asia... P. 6.
- ⁸² Cyranoski D., Gilbert N., Ledford H., Nayar A. & Yahia M. Education: the PhD factory // Nature London. 20 april 2011. № 472. P. 277.
- ⁸³ Agarwal P. Higher Education in India: the Need for Change. Working Paper № 180. New Delhi : Indian Council for Research on International Economic Relations, June 2006. P. 61.
- ⁸⁴ Nayar A. Developing world: educating India // Nature (London). 2011. № 472. P. 26.
- ⁸⁵ China's High Technology Development Hearings before the U.S.-China Economic and Security Review Commission. P. 223–224.
- ⁸⁶ Cyranoski D. Op. cit. P. 277.
- ⁸⁷ Nayar A. Developing world... P. 25.
- ⁸⁸ Science & Technology. Newsletter India. New Delhi, September 2007.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ: РОМАНО-ГЕРМАНСКИЕ ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ В СТРАНАХ АТР

Д.А. Верхотуров, А.А. Верхотуров

Развитие правовых взаимосвязей между Россией и странами АТР, расширение экономических, культурных и иных связей между государствами в регионе приводит к созданию и развитию правовых механизмов регулирования международных отношений в АТР. В первую очередь это касается нормативного регулирования экономического сотрудничества, интеграции, обеспечения интересов национальной безопасности. Тенденцией последних лет стало формирование организационных и правовых основ противодействия терроризму¹.

Современное право стран АТР представляет собой весьма сложный объект для изучения: существует около тридцати национальных правовых систем, о которых имеются относительно точные сведения. Такое многообразие вызывает необходимость их предварительной классификации в целях дальнейшего изучения. Однако сам выбор классификационного признака для сравнения национальных правовых систем находится в зависимости от различных научных школ и их подходов. Но т.к. сравнительное правоведение изучает не только проблемы общей теории права, но и охватывает широкий круг вопросов отраслевых правовых наук, то тем самым мы можем говорить о ее межотраслевом характере.

Следует особо отметить, что юридическая компаративистика выступает как важная форма развития международных связей. Это достигается за счет того, что осмысление новых правовых явлений, тенденций в развитии правовых систем современности приводит к выявлению основных закономерностей правового

развития и позволяет адаптировать новейший зарубежный опыт к применению в условиях собственной страны. Тогда юридическая компаративистика — это один из основных факторов, влияющих на развитие общей теории права и отраслевых юридических наук, углубления научного кругозора и повышения правовой культуры. В этом состоит ее теоретическое значение. Практическое значение юридической компаративистики в контексте стран АТР заключается в изучении и обобщении как позитивного, так и негативного реального юридического опыта, накопленного в этих странах.

Выбор тем настоящего исследования определяется той ролью, местом и значением, что занимает правовая компаративистика в юридической науке, а также задачами, поставленными на повестку дня приближающимся Саммитом АТЭС 2012 г. При этом мы стремились, с одной стороны, продемонстрировать страноведческий подход во взаимодействии со сравнительно-юридическим методом, а с другой — раскрывать имеющиеся правовые проблемы через анализ вопросов юридической компаративистики, выраженный во взглядах ее ведущих представителей.

Правовые системы стран АТР

Одним из отличительных критериев, на основе которого можно определить, к какой правовой семье следует отнести ту или иную национальную правовую систему, выступает восприятие права как инструмента регулирования возникающих общественных отношений. В этом отношении страны АТР уникальны².

В Азиатско-Тихоокеанский регион входит множество различных стран, и в каждой из них развивалась своя цивилизация, свой тип государства и государственности (цивилизационный подход). Эти цивилизации находились в непрерывном взаимодействии, испытывали взаимопроникающее влияние, но за всю историю развития этого региона оно так и не переросло в культурное единство, не было создано единое культурное пространство наподобие того, что возникло в Западной Европе. Все национальные правовые системы Западной Европы, независимо от того, относятся ли они к семье романо-германского или англосаксонского права, сходятся в том, что базовые вопросы общественно-политической жизни страны должны регулироваться преимущественно создаваемыми (и законодательно закрепляемыми) нормами объективного права (зависящими от стадии развития цивилизации), а не сложившимися моральными нормами, обычаями и традициями (закрепленными и возведенными на уровень Закона). Но достаточно даже беглого взгляда на правовые системы стран АТР, чтобы убедиться в том, что рассмотренный выше подход — далеко не единственно возможный: во многих обществах споры разрешаются не судом и не на основе норм материального или процессуального права. Подобные традиции характерны для Индокитая, имеют огромное значение для жителей Индонезии и Малайзии, сказываются и на праве других стран. Особенно большое влияние на становление права в странах АТР оказала именно китайская цивилизация. Поэтому описание китайской национальной правовой системы позволит выявить определенные базовые элементы общей концепции права АТР. В настоящее время нельзя говорить, что хотя бы одна из стран АТР является представителем существующих правовых семей в их «чистом» виде. Например, Республика Корея хотя и относится к германской

правовой группе, но имеет значительные заимствования из англосаксонской системы права. Или Федеративные Штаты Микронезии: хотя их национальная правовая система основана на заимствованном и адаптированном законодательстве США, но в отдельных сферах отношений, например брачно-семейных, продолжают действовать родовые обычаи. Поэтому, относя ту или иную страну к конкретной правовой семье, мы «допускаем» ее, как отвечающую основным критериям. То есть она «в целом» соответствует указанной правовой семье.

Французская и германская правовые группы в АТР

Рассмотрим в сравнительном плане систему права стран АТР, принадлежащих к романо-германской правовой семье. Внутренне романо-германская правовая семья весьма неоднородна: традиционно она включает в себя группу романского права (которая в странах АТР как раз наиболее сильно отражена во французском праве) и группу германского права. Вопрос об относимости в эту семью группы скандинавского права остается открытым.

Французское право. В эту группу относят правовые системы Эквадора, Чили, Перу, Панамы, Никарагуа, Коста-Рики, Колумбии, Гватемалы (иногда говорят, что право этих стран образует отдельную группу права латиноамериканских стран), Французской Полинезии, Камбоджи и др. стран.

Французская колониальная империя, сформировавшаяся в эпоху Великих географических открытий, вела достаточно жесткую политику по отношению к своим сателлитам. Находясь под прямым политическим и экономическим влиянием Франции, многие страны АТР невольно перенимали и ее правовую систему. Но в современных условиях, даже учитывая многочисленные поправки, различные кодексы (как базис этой системы) уже устарели, и на сегодняш-

нем этапе своего правового развития (началом которого можно считать середину XX в.) указанные страны существуют с огромным массивом нормативно-правовых актов, лежащих за пределами традиционного института кодификации.

Основным направлением упорядочения существующего массива стала переработка старых кодексов в единый нормативный комплекс, содержащий систематизированные нормы нескольких отраслей. Они включают в себя не только законодательные, но и подзаконные акты, которые охватывают общественные отношения, применительно к нескольким отраслям права, например, регулирующим отношения в конкретной области финансов, промышленности и т.д. Например, Гражданский Кодекс Колумбии регулирует помимо непосредственно гражданских правоотношений (в том смысле, в котором это понимается в российском законодательстве) брачно-семейные отношения. Или Адвокатский кодекс Французской Полинезии содержит кроме норм, регулирующих вопросы адвокатуры, некоторое количество норм касательно нотариата и финансового консультирования. Этот продолжающийся процесс нельзя назвать актами консолидации действующего права в чистом виде, т.к., несмотря на то, что вновь принимаемые кодексы не имеют целью переработать сложившуюся совокупность норм в той или иной отрасли права, а лишь логически перегруппировать их, но вновь принимаемые в таких странах основные законы (конституции) очерчивают иной круг вопросов, входящих в компетенцию различных органов власти. Именно это приводит к парадоксальным несоответствиям, пробелам и коллизиям. Немаловажно и то, что практически ни в одной из свежих конституций (1990–2010) четко и однозначно не определена система нормативных актов, их внутренняя иерархия. Поэтому важную роль продолжают играть так называемые «общие принципы права», цель

которых сводится к устранению существующих пробелов.

Во французской правовой группе источники права делятся на два вида: первичные (основные) и вторичные (дополнительные). К первым относят нормативно-правовые акты законодательных органов, а ко вторым — судебную практику.

Степень вовлеченности национальной правовой системы конкретной страны АТР во французскую правовую группу прежде всего определяется исторической формой колониальной зависимости. С этой точки зрения можно выделить регионы, находящиеся под прямым французским управлением (Кохин-Хина, Лаос) и под косвенным протекторатом (Камбоджа, Аннам). Наибольшие различия между той или иной группой проявлялись в деятельности судов, статусе жителей и земель.

Германское право. В эту группу относят правовые системы Японии, России и др. стран.

Фундаментом этой правовой системы выступают, как и во Французском праве, кодифицированные нормативно-правовые акты. В своем большинстве (большинстве стран) они также стары, многократно менялись. Однако отличительной особенностью здесь будет выступать тот факт, что значительная часть изменений в право этих стран вносится не через издание новых кодексов (или переработку старых), а с помощью вновь принимаемых законов, регламентирующих различные сферы жизни общества. То есть в этой системе отсутствует практика издания так называемых «декретов-законов» (подзаконные акты могут быть изданы только в рамках реализации конкретного закона). Еще одной характерной чертой является отсутствие консолидированных кодексов «нового типа», широко представленных во французской правовой группе. Роль обычая здесь примерно такова же, как и во французской правовой группе: он применим лишь в

неурегулированных законом отношениях.

В части традиционного разделения на публичное и частное право, в этой группе стран также есть некоторые отличия. Так, роль публичного права здесь уже, что определяется, во-первых, более обширной конституционно-правовой регламентацией в отрасли конституционного права, а во-вторых, с тем, что у государственных органов менее значима роль исторически сложившихся «обыкновений» в сфере действия права.

Судебная практика этих стран приобретает характер источника права тогда, когда какая-либо правовая проблема находит однозначное решение при рассмотрении ряда аналогичных дел и данное решение узаконивается высшим судебным органом. Наиболее весомые различия обнаруживаются в связи с деятельностью местных конституционных судов. Их решения становятся источником права наравне с законом, в то время как конституционные суды, существующие во французской правовой группе, не наделены столь широкой компетенцией. Их роль сводится к осуществлению предварительного контроля в ходе законотворчества, а значит, оказывать влияние на применение уже принятых законов они не могут.

Литература

1. Бехруз Х.Н. Сравнительное правоведение как самостоятельная юридическая наука и учебная дисциплина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2007. № 2. С. 35–42. [Bekhruz Kh.N. Sravnitelnoye pravovedeniye kak samostoyatel'naya iuridicheskaya nauka i uchebnaya distsiplina // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2007. № 2. S. 35–42].
2. Варламова Н.В. Современная компаративистика: сравнительное правоведение или сравнительная культурология? // Современное правоведение: поиск методологических оснований. Жидковские чтения: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 26 марта 2010 г. М.: РУДН, 2011. С. 199–200. [Varlamova N.V. Sovremennaya komparativistika: sravnitelnoye pravovedeniye ili sravnitel'naya kulturologiya? // Sovremennoye pravovedeniye: poisk metodologicheskikh osnovaniy. Zhidkovskiy chteniya: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsiyi. Moskva, 26 marta 2010. M.: RUDN, 2011. S. 199–200].
3. Дубровский С.А. Основы компаративистики, или Введение в сравнительное правоведение. Чита: Издательство ЧитГУ, 2006. 90 с. [Dubrovskiy S.A. Osnovi komparativistiki, ili Vvedeniye v sravnitelnoye pravovedeniye. Chita: Izd-vo ChitGU, 2006. 90 s.]
4. Егiazарян Н.А. Сравнительное правоведение: тенденции и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 3 (20). С. 291–299. [Egiazarian N.A. Sravnitelnoye pravovedeniye: tendentsiyi i perspektivi // Aktualniye problemi rossiyskogo prava. 2011. № 3 (20). S. 291–299.]

Заключение

Таким образом, нетрудно заметить, что принадлежность права разных стран АТР к одной и той же правовой семье вовсе не исключает весьма существенных различий между национальными правовыми системами. Нами были освещены ведущие и наиболее типичные юридические доктрины на различных этапах развития правовой мысли в разных правовых системах романо-германской правовой семьи в странах АТР. Это позволило выявить и перечислить главные тенденции развития сравнительного правоведения в указанных странах в целом и отдельные национальные особенности правовых систем различных стран в частности; продемонстрировать, как преломляются при сравнительном правоведении общие положения и методологические установки правовой семьи исходя из особенностей национального развития, и сделать важные научно-практические выводы. В данном исследовании нами не были упомянуты другие правовые семьи, но данный вопрос требует отдельного и расширенного исследования, т.к. сложность отнесения той или иной страны АТР на современном этапе развития поднимает целый комплекс проблем о наличии негосударственных общностей и действии на территории государства нескольких различных конкурирующих правовых систем.

5. Карпычев М.В. Сравнительное правоведение и проблемы унификации законодательства // Научные труды РАЮН. 2011. Вып. 11. Т. 1. С. 256–260. [Karpychev M.V. Sravnitelnoye pravovedeniye i problemi unifikatsiyi zakonodatelstva // Nauchniye trudi RAYUN. 2011. Vip. 11. T. 1. S. 256–260.]
6. Кресин А.В., Шемшученко Ю.С. Сравнительное правоведение: основные вехи истории // Научные чтения — 2010: сборник статей международной научно-практической конференции (Казань, 21 апреля 2010 г.). Казань: Печать-Сервис XXI век, 2010. С. 375–384. [Kresin A.V., Shemshuchenko Yu.S. Sravnitelnoye pravovedeniye: osnovniye vekhi istoriyi // Nauchniye chteniya — 2010: sbornik statei mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsiyi (Kazan, 21 aprelya 2010). Kazan: Pechat-Servis XXI vek, 2010. S. 375–384.]
7. Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права : в 2 т. Т. 1. М. : Статут, 2010. 432 с. [Lafitskiy V.I. Sravnitelnoye pravovedeniye v obrazakh prava : v 2 t. T. 1. M. : Statut, 2010. 432 s.]
8. Малько А.В., Саломатин А.Ю. О роли сравнительного правоведения в современной правовой жизни // Правоведение. 2009. № 2. С. 125–133. [Malko A.V., Salomatin A.Yu. O roli sravnitelnogo pravovedeniya v sovremennoy pravovoy zhizni // Pravovedeniye. 2009. № 2. S. 125–133.]
9. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. М. : Проспект, 2011. 784 с. [Marchenko M.N. Sravnitelnoye pravovedeniye. M. : Prospekt, 2011. 784 s.]
10. Нерсесянц В.С. Сравнительное правоведение в системе юриспруденции // Государство и право. 2001. № 6. С. 5–15. [Nersesians V.S. Sravnitelnoye pravovedeniye v sisteme yurisprudentsiyi // Gosudarstvo i pravo. 2001. № 6. S. 5–15.]
11. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учебник / под ред. В.А. Туманова. М. : Юристъ, 2009. 512 с. [Saidov A.Kh. Sravnitelnoye pravovedeniye (osnovniye pravovyye sistemi sovremennosti) : uchebnik / ed. V.A. Tumanov. M. : Yurist, 2009. 512 s.]
12. Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона : Материалы международной научно-практической конференции (г. Улан-Удэ, 15–16 июня 2007 г.) / отв. ред. Ю.П. Гармаев; науч. ред. О.Г. Дашицыренова, Б.Ц. Цыденжапов. Улан-Удэ : Издательство Бурятского университета, 2007. 178 с. [Sravnitelnoye pravovedeniye v stranakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona : Materiali mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsiyi (Ulan-Ude, 15–16 iunia 2007) / ed. Yu.P. Garmaev, O.G. Dashitsirenova, B.Ts. Tsidenzhapov. Ulan-Ude : Izdatelstvo Buriatskogo universiteta, 2007. 178 s.]
13. Тарановский Ф.В. Сравнительное правоведение в конце XIX века // Российский журнал сравнительного права. 2002. № 1. С. 226–246. [Taranovskiy F.V. Sravnitelnoye pravovedeniye v kontse XIX veka // Rossiyskiy zhurnal sravnitelnogo prava. 2002. № 1. S. 226–246.]
14. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. М. : НОРМА, 1996. 432 с. [Tikhomirov Yu.A. Kurs sravnitelnogo pravovedeniya. M. : NORMA, 1996. 432 s.]
15. Тихомиров Ю.А. Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 3–15. [Tikhomirov Yu.A. Sravnitelnoye pravovedeniye: razvitiye kontseptsiy i obshchestvennoy praktiki // Zhurnal rossiyskogo prava. 2006. № 6. S. 3–15.]
16. Толстых В.Л. Отечественное сравнительное правоведение: проблемы развития // Юридическое образование и наука. 2004. № 2. С. 8–9. [Tolstykh V.L. Otechestvennoye sravnitelnoye pravovedeniye: problem razvitiya // Yuridicheskoye obrazovaniye i nauka. 2004. № 2. S. 8–9.]
17. Франкенберг Г. Критические сравнения. Попытка оживить сравнительное правоведение. (Начало) // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3 (48). С. 68–76. [Frankenberg G. Kriticheskiye sravneniya. Popytka ozhivit sravnitelnoye pravovedeniye. (Nachalo) // Sravnitelnoye konstitutsionnoye obozreniye. 2004. № 3 (48). S. 68–76.]
18. Франкенберг Г. Критические сравнения. Попытка оживить сравнительное правоведение. (Окончание) // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 4 (49). С. 95–112. [Frankenberg G. Kriticheskiye sravneniya. Popytka ozhivit sravnitelnoye pravovedeniye. (Okonchaniye) // Sravnitelnoye konstitutsionnoye obozreniye. 2004. № 4 (49). S. 95–112.]

¹ Малько А.В., Саломатин А.Ю. О роли сравнительного правоведения в современной правовой жизни // Правоведение. 2009. № 2. С. 125–133. [Malko A.V., Salomatin A.Yu. O roli sravnitelnogo pravovedeniya v sovremennoy pravovoy zhizni // Pravovedeniye. 2009. № 2. S. 125–133.]

² Гармаев Ю.П. Сравнительное правоведение в странах АТР: возможности международного сотрудничества и перспективы научных исследований // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона : Материалы международной научно-практической конференции (г. Улан-Удэ, 15–16 июня 2007 г.). Улан-Удэ : Издательство Бурятского университета. 2007. С. 6–7. [Garmaev Yu.P. Sravnitelnoye pravovedeniye v stranakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona : Materiali mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsiyi (Ulan-Ude, 15–16 iunia 2007). Ulan-Ude : Izdatelstvo Buriatskogo universiteta, 2007. S. 6–7.]

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СВОБОДЫ СЛОВА В РОССИИ И КИТАЕ. ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ НА КИТАЙСКУЮ

С.Ю. Колмаков

Свобода слова, закрепленная в международном праве, является основным постулатом прав человека, которая выражается в свободе излагать свое мнение и мысли, как в письменной, так и в устной формах, включая свободу печати и средств массовой информации. Отсутствие ограничений этого права со стороны государства на сегодняшний день является показателем развитости демократии в различных государствах. Но существует ограничение этого права, как и любого другого права, которое выражается в принципе «где начинается право другого субъекта, там прекращается или ограничивается право собственное». Поэтому как на международном, так и на национальном уровнях существуют пределы права на свободу слова.

В международном праве свобода слова вырабатывалась в несколько этапов, включая ее научное обоснование. Предпосылки формирования свободы слова закреплялись как в национальных, так и в международных правовых актах на протяжении нескольких веков и отражены в таких актах, как Билль о правах, Французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г., Устав ООН, Декларация прав и свобод человека и гражданина 1949 г. и др.

Основным международным договором на сегодняшний день в области защиты и охраны свободы слова является «Европейская конвенция о правах человека» 1950 г. Так, п. 1 ст. 10 устанавливает, что каждый имеет право свободно вы-

ражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ.

Но эта же Конвенция устанавливает пределы действия и существования этого права в соответствии с принципом «где начинается право другого субъекта, там прекращается или ограничивается право собственное». Так, в п. 2 ст. 10 оговаривается, какие интересы личности, общества и государства превалируют над этим правом. Они следующие: интересы национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, которые устанавливаются в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Россия в силу ч. 4 ст. 15 Конституции априори принимает в свою правовую систему нормы и принципы международного права. Свобода слова в ее международном понимании и закреплении так же имплементируется в российскую правовую материю. Так, уже почти 20 лет Россия является членом Совета Европы и почти 15 лет, как Россия присоединилась к «Европейской Конвенции о правах человека». Все это говорит о том, что Рос-

сия обеспечивает каждому лицу права и свободу слова, определенные Конвенцией, поэтому Российская Федерация является государством, которое отдает приоритет международным нормам над национальными в области свободы слова, чего не скажешь про Китай.

Конституция Российской Федерации, объявившая Россию (ст. 1) демократическим правовым государством, гарантирует свободу мысли и слова, свободу массовой информации, провозглашает право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, и запрещает цензуру (ст. 29).

Но на конституционном же уровне Россия устанавливает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17) и может быть ограничено федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55). Эта нормативная конструкция, конечно же, соответствует духу п. 2 ст. 10 Конвенции, хотя в российских реалиях ограничения, установленные на законодательном уровне, трактуются правоприменителем не всегда так, как это установлено в правовой практике других демократических государств. Отнюдь, в России многие судебные дела рассматриваются с позиции превалирования запрета свободы слова в интересах государства, общества в силу различных аспектов, в т.ч. и политического. Поэтому, чтобы исключить однобокое толкование ограничений, Россия, приняв юрисдикцию Европейского суда по правам человека, признает контрольный механизм регулирования правоотношений в области свободы слова за ЕСПЧ, который на сегодняшний день является самым жестким не только в Европе, но и в мире.

Так, судебная практика ЕСПЧ в отношении России наглядно показывает действие ст. 10 Конвенции применительно к российским правоотношениям, связанным со свободой слова, фактически исправляя на международном уровне различные отклонения, связанные со многими российскими факторами и особенностями.

Например, в деле «Обухова против России» № 34736/03 от 8 января 2009 г. реализуется свобода слова и пресекается попытка однобокого толкования ограничения свободы слова. Заявительница — журналист, проживающая в г. Ярославле, — обжаловала судебный запрет на публикацию ее статей, освещающих судебный процесс, стороной которого являлась судья Ярославского областного суда. Европейский суд единогласно постановил, что в данном деле российские власти нарушили требования ст. 10 Конвенции¹.

Китай же, как мы выяснили, не присоединяется к международным договорам, в т.ч. к «Европейской Конвенции о правах человека», более того, в Китае, как отмечает Н.В. Вечканова, активно ведется борьба с тем, что там называется «деструктивным влиянием Запада»².

В Китае принята социалистическая концепция прав человека с «китайской спецификой», которая утверждает, что законодательство действует там, где традиция непригодна. Она насыщена идеологией марксизма и учения Мао Цзэдуна, разделяет права граждан на права трудящихся и права остальных индивидов, присваивает государству право ориентировать своих граждан в пользовании правами в соответствии с целями социализма³.

Исследуя конституционное закрепление личных прав и свобод человека в Конституции КНР, можно выделить следующие специфические черты. Права и свободы имеют ярко выраженную социалистическую направленность, поскольку они служат целям и задачам строи-

тельства социализма в Китае. Многие права и свободы классифицируются по социально-классовому признаку. Следуя социалистической конституционно-правовой традиции, китайский законодатель делает основной упор на права гражданина, а не человека вообще.

Конституция КНР отрицает концепцию «естественных прав» — права и свободы предоставляются гражданам КНР только самим социалистическим государством, и только оно определяет перечень и объем этих прав и свобод. Конституция КНР предусматривает типичную для социалистических конституций формулировку «права и обязанности гражданина», а не «права и свободы человека», которая содержит большой перечень обязанностей⁴.

Согласно ст. 35 Конституции КНР граждане Китая пользуются свободой слова, печати, собраний, объединений, процессий и демонстраций. Тем не менее данная статья имеет большее число ограничений, чем другие. Ограничения существуют, например, для конфиденциальной информации; для сведений, составляющих государственную тайну. Но, как известно, сами китайские власти нарушают конфиденциальность. Хотя некоторые китайские авторы утверждают, что в Китае помимо прав, закрепленных в Конституции, вполне эффективно реализуется свобода слова, печати и собраний⁵.

Между тем, закрепляя за гражданами КНР свободу слова и печати, Конституция не предоставляет конституционного закрепления нормы о свободе мысли. Из этого можно сделать вывод о том, что государство, предоставляя гражданам свободу слова, заранее определяет санкции за выражение мыслей, идущих вразрез с государственной идеологией. Отсутствует и конституционное закрепление права на информацию. Развитие современных способов поиска и доступа граждан Китая к информации находится и осуществляется под контролем государства⁶.

Выявив особенности и закономерности двух правовых систем в области свободы слова, обозначим их основные сходства и различия.

Во-первых, Россия в области свободы слова ратифицировала международные акты, обеспечивающие это право, и, соответственно, принимает юрисдикцию ЕСПЧ, что, несомненно, является положительным явлением, тогда как Китай не придерживается такой же политики в силу идеологии. Поэтому в Китае существуют большие проблемы соблюдения прав человека. Так, например, в ст. 34 Конституции КНР вообще предусмотрена возможность лишения граждан политических прав в соответствии с законом, что, по сути, является неприемлемым в международном праве.

Во-вторых, в конституциях двух стран отношение к естественным правам человека различно. В российской Конституции закреплена идея естественных прав человека, а китайская отрицает ее в силу идеологии, что, несомненно, отражается на духе законов и на правоприменительной практике при реализации ограничений на свободу слова.

Как мы выяснили, Россия по сравнению с Китаем является более благополучным и демократичным государством в области реализации и защиты права свободы слова. Поэтому, продвигая стратегический и дружественный диалог с Китаем, Россия озабочена тем, чтобы Китай не был изолирован от мирового сообщества из-за нарушения прав и свобод человека⁷. Также от того, как Китай будет защищать и реализовывать права человека и гражданина, будет зависеть и судьба российских граждан и экономических резидентов на территории КНР.

Например, сегодня в Китае распространена широкая практика блокирования интернет-услуг, таких как *Facebook* и *Twitter*, с марта 2009 г. заблокирован *YouTube*. В отношении иностранных предприятий Пекин пытается ввести обязанность предоставлять исходный

код своих программ, для того чтобы получить лицензию. К иностранным предприятиям китайские власти вообще относятся категорически, так, например, корпорация Google заявила о том, что Китай целенаправленно использует Интернет для шпионажа за предприятиями⁸.

В свою очередь, Россия может влиять на Китай при помощи методов, которые не будут портить отношения между двумя странами. Дело в том, что КНР не является закрытой страной, поэтому с Китаем возможно заключать как международные договоры, которые позволяют сотрудничать между нациями, независимо от различий в их государственном и общественном строе⁹, так и продвигать идеи свободы слова различными путями, в т.ч. и с помощью науки. Так, юристы-международники в правовую систему включают не только правовые нормы, но многое другое, вплоть до юридической идеологии. С.Ю. Марочкин включает в названную правовую систему правовую деятельность, правовые идеи, представления, теории, взгляды, доктрины¹⁰. По мнению Г.В. Игнатенко, понятие

«правовая система» шире понятия «право», потому что правовая система включает не только нормы, но и складывающийся на их основе правопорядок¹¹. Но влияние российской правовой системы должно происходить таким образом, чтобы в Китае это не называлось «деструктивным влиянием Запада».

Примером продвижения идеи свободы слова в КНР путем взаимодействия научных доктрин является ежегодная международная научно-практическая конференция Азиатско-Тихоокеанского региона, проходящая на базе Бурятского государственного университета в городе Улан-Удэ, являющаяся уникальной не только в России, но и в рамках СНГ. Уникальность данного мероприятия подтверждается и тем, что юристы КНР, участвуя в конференции, продвигают тот самый диалог между правовыми системами России и Китая, о котором говорят С.Ю. Марочкин и Г.В. Игнатенко. И тем самым китайские ученые напрямую воспринимают идеи российских ученых, которые базируются на международном опыте и праве.

¹ Прецеденты Европейского суда по правам человека по России. 2012. № 3. С. 26. [Pretsedenti Evropeiskogo suda po pravam cheloveka po Rossii. 2012. № 3. С. 26.]

² Вечканова Н.В. Конституционное регулирование личных прав и свобод человека в азиатских странах Тихоокеанского региона // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 12. С. 6–9. [Vechkanova N.V. Konstitutsionnoe regulirovaniye lichnykh prav i svobod cheloveka v aziatskikh stranakh Tikhookeanskogo regiona // Gosudarstvennaya vlast i mestnoye samoupravleniye. 2010. № 12. С. 6–9].

³ Лугавцов К.В. Цензура в интернет-пространстве как ограничение свободы слова в Китае // Сборник международной конференции Азиатско-Тихоокеанского региона: история и современность — VI. 2012. № 6. С. 23. [Lugavtsov K.V. Tsenzura v internet-prostranstve kak ogranicheniye svobodni slova v Kitaye // Sbornik mezhdunarodnoy konferentsiyi Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: istoriya i sovremennost — VI. 2012. № 6. С. 23.]

⁴ Там же. [Ibid.]

⁵ Лимэй Ю. Законодательство КНР и пакты о правах человека // Юрист-международник. 2004. № 1. С. 52–55. [Limay Yu. Zakonodatelstvo KNR i pakty o pravakh cheloveka // Iurist-mezhdunarodnik. 2004. № 1. С. 52–55.]

⁶ Макарян Д.В. Регулирование Интернета: правовой аспект // Гражданское право. 2006. № 3. С. 28–31. [Makarian D.V. Regulirovaniye Interneta: pravovoy aspekt // Grazhdanskoye pravo. 2006. № 3. С. 28–31.]

⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации (12 июля 2008 г. № пр-1440). С. 12. [Konceptsiya vneshnei politiki Rossiyskoi Federatsiyi (12 iulia 2008 № pr-1440). S. 12.]

⁸ Розенбах М. Операция «Аврора» // Профиль. 2012. 25 января. № 2. С. 24–27. [Rozenbakh M. Operatsiya «Aurora» // Profil. 2012. 25 ianvaria. № 2. С. 24–27.]

- ⁹ Международное право : учебник для вузов / отв. ред. проф. Г.В. Игнатенко и проф. О.И. Тиунов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005. С. 68. [Mezhdunarodniye pravo : uchebnik dlia vuzov / eds. prof. G.V. Ignatenko i prof. O.I. Tiunov. 3-e izd., pererab. i dop. M. : Norma, 2005. S. 68.]
- ¹⁰ Марочкин С.Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень, 1999. С. 31. [Marochkin S.Yu. Deistviye norm mezhdunarodnogo prava v pravovoi sisteme Rossiyskoy Federatsiyi. Tiumen, 1999. S. 31.]
- ¹¹ Игнатенко Г.В. Понятие международного права // Международное право : учебник для вузов. М. : Норма, 1999. С. 13. [Ignatenko G.V. Poniatiye mezhdunarodnogo prava // Mezhdunarodnoye pravo : unchebnik dlia vuzov. M. : Norma, 1999. S. 13.]

Конференция преподавателей общественных наук «Политическая система России: тенденции и направления развития», Москва, 8–9 апреля 2013 г.

8–9 апреля 2013 г. Фонд развития гражданского общества и Российская ассоциация политической науки провели совместную конференцию преподавателей общественных наук «Политическая система России: тенденции и направления развития».

Целью конференции стало обсуждение возможностей расширения диалога между государством и гражданским обществом, в т.ч. перспектив усиления экспертного обеспечения деятельности органов государственной власти, а также широкого комплекса вопросов повышения качества функционирования системы преподавания и исследований в области политической науки. По мнению участников конференции, РАПН, как ведущее и международно признанное объединение преподавателей и исследователей в области политических наук, может сыграть значимую роль в рационализации взаимодействия органов государственной власти и экспертного сообщества.

В работе конференции приняли участие представители научно-преподавательского сообщества из 18 регионов (включая Москву и Санкт-Петербург), представляющие 24 вуза. Среди приглашенных были 26 деканов и заведующих кафедрами, 9 ассистентов и аспирантов, 40 докторов и 27 кандидатов наук. Участники конференции представляли как федеральное руководство РАПН, так и руководство и активы региональных и молодежного отделения организации.

Конференция была построена как цикл пленарных выступлений ведущих экспертов и представителей органов фе-

деральной власти (Администрация Президента Российской Федерации, Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, Общественная палата Российской Федерации) с последующей широкой дискуссией в рамках сформулированной проблематики. В ходе конференции выступили в пленарных заседаниях: Вячеслав Володин, первый заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации; Олег Морозов, начальник Управления Президента Российской Федерации по внутренней политике; Сергей Глазьев, советник Президента Российской Федерации; Вячеслав Никонов, председатель комитета Государственной Думы по образованию; Ольга Васильева, заместитель начальника Управления Президента Российской Федерации по общественным проектам; Константин Костин, председатель правления Фонда развития гражданского общества; Оксана Гаман-Голутвина, президент Российской ассоциации политической науки, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО; Валерий Федоров, генеральный директор ВЦИОМ; Валерий Фадеев, директор Института общественного проектирования, член ОП РФ.

Ключевыми темами конференции стали: тенденции развития российской политической системы и экономики, формы взаимодействия органов государственной власти и гражданского общества (в особенности его экспертно-аналитической части) и перспективы реформирования высшей школы и системы присуждения ученых степеней.

Важным итогом конференции стало проявленное взаимопонимание между представителями экспертного сообщества и представителями власти в части важности углубления сотрудничества государства и гражданского общества, усиления

роли научной и общественной экспертизы государственной политики и необходимости взвешенных преобразований в сфере социально-гуманитарного образования.

Организаторы конференции договорились о том, что конференция откроет цикл совместных обсуждений и проектов.

И.Ю. Окунев

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

О Ближнем и Среднем Востоке — самом динамичном и непредсказуемом регионе мира

Владимир Карякин. Современная геополитическая динамика Ближнего и Среднего Востока. М.: ИГ «Граница», 2010, 352 с.

Книга написана полковником в отставке Владимиром Васильевичем Карякиным, ведущим сотрудником Российского института стратегических исследований, необычна по своему замыслу. Это не просто книга о современных военно-политических проблемах Ближнего и Среднего Востока. Это новаторская попытка по-новому взглянуть на геополитические проблемы данного региона с точки зрения выдвигаемой автором концепции геополитической динамики региональных пространств. В основу предлагаемой автором концепции была положена реконструкция трудов американского ученого Р. Коллинза, который на основании анализа процессов мировой истории за 3000-летний период создал теорию геополитической динамики, что позволило ему в конце 1970-х гг. предсказать развал СССР. В своей книге автор переосмыслил научное наследие Коллинза уже с позиций современности по отношению к региону Ближнего и Среднего Востока, который на рубеже столетий превратился в средоточие конфликтогенности и нестабильности.

Автор также подверг ревизии концепцию С. Хаттингтона о «стержневом государстве» данного региона. Он показал, что на Ближнем и Среднем Востоке сформировалась многополярная система региональных держав. Турция уже не является единоличным лидером. Наряду с ней в настоящее время существуют еще два полюса силы: Саудовская Аравия и Иран. Это, по мнению автора, позволяет по-новому подойти к анализу геополити-

ческой ситуации в данном регионе, в т.ч. и с точки зрения выдвинутой им концепции геополитической динамики.

Автор анализирует роль внешних акторов: Соединенных Штатов, НАТО, России и Китая. В книге показано, что силовые методы решения региональных проблем в настоящее время для данного региона неприемлемы. На первый план должны выдвигаться мирные методы решения политических, социальных и экономических проблем на основе равноправных отношений всех государств региона и внешних субъектов международной политики.

В контексте анализа региональной геополитической обстановки автор достаточно глубоко и многосторонне проанализировал военные операции США и их союзников в Афганистане и Ираке в период с 2001 по 2010 г., а также развитие ситуации вокруг Ирана с прогнозированием вероятных сценариев ее развития на среднесрочную перспективу. В основу анализа политики США положен перечень их военно-политических и экономических целей в странах данного региона, который был составлен на основании выступлений высокопоставленных должностных лиц американской администрации, политиков и экспертов в СМИ.

В.В. Карякин обращает внимание на важность изучения формирования новых центров влияния. Он показывает новые формы экспансионизма, как движущие силы геополитической динамики, нашедшие свое отражение в экспортной экономике, технологическом лидерстве на основе инноваций и прорывных технологий, неконтролируемой миграции, демографии, культурной и конфессиональной агрессии.

Анализируя особенности современной геополитической динамики Ближ-

него и Среднего Востока, автор отмечает, что во многом благодаря этому региону мир вступил в эпоху непредсказуемого будущего, основными чертами которого являются:

- рост мирового богатства за счет стран ближневосточного и азиатского регионов на фоне удорожания сырья и энергетических ресурсов;

- новая волна постиндустриальной революции;

- увеличение дешевого рынка рабочей силы за счет прироста населения в странах региона, что привело к росту потребления продовольствия и продуктов жизнеобеспечения;

- перераспределение доходов от стран — потребителей энергоресурсов к странам — производителям этих ресурсов;

- быстрое расширение потребителей знаний в области технологий в тех странах региона, которые поставили себе целью выйти в число региональных лидеров.

Последняя глава книги посвящена вопросам прогнозирования региональной геополитической обстановки и формулирования возможных сценариев ее развития. Разработка этих сценариев основывалась на математическом моделировании с использованием метода анализа иерархий, разработанного американским математиком Т. Саати. К достоинствам этого метода следует отнести возможность использования экспертных оценок по отношению к национальным интересам, экономическим и военно-политическим целям государства-субъекта региональной политики, которым в данном случае явилось США. Поскольку оценки важности целей этого государства определялись экспертным путем и результаты анализа иерархической модели этих целей получились достаточно субъективными, был использован метод их структуризации. Это позволило, в случае проведения коллективной экспертизы, не

только «зафиксировать» возможную несогласованность оценок различных экспертов, но и отделить максимально несогласованные оценки от оценок, не вызывающих сомнений, и расположить их в приоритетном порядке для согласования мнений привлекаемых аналитиков. Это позволило значительно повысить эффективность работы экспертов при выработке согласованного мнения и сглаживания противоречивых оценок.

Относительно выдвигаемых автором вероятных сценариев развития региональной геополитической обстановки, на основе подхода Ш. Султанова, следует отметить их взвешенность и обоснованность на ближайшую перспективу. При этом можно согласиться с автором книги в том, что время для проведения силовой акции США и Израиля против Ирана уже упущено. В настоящее время у Соединенных Штатов и их союзников нет достаточного военного и морального потенциала для успешного проведения такой акции. В Вашингтоне понимают, что военная операция против Ирана неизбежно поставит под удар Израиль, их главного регионального союзника, а также американские военные базы за рубежом и ввергнет мир в глубокий экономический кризис. События могут приобрести неуправляемый характер, выход из которых может потребовать применения тактического ядерного оружия. Локальный военный конфликт с одной страной может приобрести глобальный характер по своему воздействию на экономику всех без исключения стран мира. В связи с этим автор отмечает, что в распоряжении вашингтонской администрации остается ограниченный выбор альтернатив: от экономических санкций и попыток дальнейшей международной изоляции Ирана до молчаливого признания за ним статуса региональной державы, овладевшей мирными ядерными технологиями. Это неизбежно приведет к признанию Ирана как нового центра силы и

влияния в регионе Ближнего и Средне-Востока.

Вместо заключения автор предлагает свой взгляд на будущее мирового порядка. Он утверждает, что эпоха американского доминирования на Ближнем и Среднем Востоке подходит к концу. Ближний и Средний Восток, по мнению В.В. Карякина, пойдет путем, обусловленным его цивилизационной традицией. Автор убежден, что в этом регионе находится колыбель будущего мирового порядка, основанного на новых цивилизационных принципах:

— недопущения развития одних цивилизаций и народов за счет других с лишением их исторических перспектив и национальной идентичности;

— равноправия всех народов без внешнего диктата при соблюдении принципа взаимоуважения, культурного и духовного взаимообогащения, профессионального взаимопонимания и сотрудничества;

— взаимоуважения и взаимопомощи вместо соперничества и конкуренции, равноценного обмена материальными и духовными ценностями при исключении эксплуатации одних народов другими;

— взаимной безопасности цивилизационного развития всех народов при недопущении дискриминации и применения силы.

В целом книга В.В. Карякина содержит, наряду с достаточно проработанными базовыми основами предлагаемой им концепции геополитической динамики, немало интересных фактов и суждений, позволяющих сделать выводы о современной геополитической и военно-стратегической ситуации в регионе Ближнего и Среднего Востока и тенденциях ее развития. Книга рассчитана на работников государственных учреждений, студентов и слушателей гражданских и военных высших военных учебных заведений, работников СМИ и общественных организаций.

Е.С. Мелкумян

Кто управляет? Сравнительные аспекты взаимодействия государства, бизнеса и общества в дискуссиях российских политологов и специалистов

Государство, бизнес, общество: теории и российские реалии / под ред. профессора Л.Е. Ильичевой. М.: Аналитик, 2012. 328 с.

2012 г. запомнился множеством ярких примеров общественной реакции на новые политические вызовы и продолжающиеся экономические проблемы. Трансформация финансовых институтов, многотысячные гражданские выступления и антиправительственные манифестации — минимальный исторический промежуток, отделяющий нас от этих событий, легче позволяет выделить среди событий общественной и государственной жизни те, которые на самом деле стали источником важных общественных или институциональных перемен.

И все же задачей политической науки является не перечисление, а обобщенный анализ произошедших явлений и стоящих за ними тенденций. Справиться с этой задачей можно разными способами, один из которых — представить читателю в формате сборника достаточное разнообразие взглядов на изучаемый предмет, как тематическое, так и аргументационное. По этому пути пошли авторы книги **«Государство, бизнес, общество: теории и российские реалии»**, вышедшей вскоре после завершения работы VI Всероссийского Конгресса политологов, на материалах работы специального заседания «Государство, бизнес, гражданское общество: проблемы взаимодействия». Редактором сборника стала **Людмила Ефимовна Ильичева**, доктор политических наук, профессор РАНХиГС, признанный специалист по изучению лоббистской деятельности, которая выступала и ведущей заседания.

Для Конгресса профессор Ильичева собрала вместе как представителей академической среды, так и практикующих

специалистов. Это определило дух собрания: наряду с постановкой теоретиками общих вопросов взаимодействия государства, бизнеса и общества задачу их практического тестирования взяли на себя участники реального процесса взаимодействия. Составители сборника не стали разделять его на подразделы, но он может быть разделен на несколько тематических блоков. Для понимания структуры сборника важно отметить, что из спектра вопросов, важных в рамках взаимодействия государство — бизнес и государство — общество, в наибольшей степени затронуты первые. Кроме этого, обсуждению подверглись вопросы, посвященные отраслевым проблемам современного российского бизнеса, проблематике социальной ответственности бизнеса, развитию гражданского общества, а также возможностям преодоления мирового финансового кризиса.

В оценке ролей государства и бизнеса почти все авторы, несмотря на разные аргументы, едины во мнении: государству следует отдавать приоритет. **Андрей Кинякин** указывает, что огосударствленные экономики и усиление роли государственной бюрократии в условиях кризиса стало логичным шагом для нашей государственной системы. Сложившаяся модель согласования интересов может быть названа моделью бюрократического торга. При том, что за моделью госкапитализма автор признает будущее, ее российский вариант, по его мнению, показывает невысокую эффективность. Продолжает ту же тему **Юрий Матвеев**, который также анализирует лоббизм генетически, возводя его к интересам ФПГ (финансово-промышленных групп) 1990-х гг. Он показывает динамику отношений этих групп с властью, разделяя ее на 5 этапов. Окончательно власть показала, что не допустит прямого вмешательства в 2005 г., в деле ЮКОСА. Автор диагностирует изменение типа отношений ФПГ с государством, начиная с 2000 г., когда пост президента занял

В. Путин. Провозглашенный им принцип «равного удаления» Матвеевко называет залогом становления цивилизованных отношений в бизнес-сообществе. **Игорь Барциц** сосредоточивается на деятельности современных саморегулируемых организаций. Текущие институциональные преобразования он оценивает как направленные на повышение эффективности экономической жизни с одновременным ограничением государственного вмешательства. И все же источником этих преобразований автор считает административный импульс. Он остается сторонником государственного регулирования и предостерегает от опасностей, связанных с саморегулирующей бизнес-сообществом.

Андрей Алейников стоит на другой позиции, считая модель сопряженности интересов власти, бизнеса и общества в России конфликтной. Конфликт проистекает из самой конфигурации институтов. Государство властно над условиями бизнеса, бизнес же для влияния на политику не имеет ни возможностей, ни ресурсов. В обмен на отказ от политического влияния бизнесмены получают экономические преференции, так что они сами заинтересованы в сложившейся неэффективной системе. Компенсационные механизмы смягчения этой конфликтной ситуации не предполагают усиления роли формальных правил и являются, по сути, будущей институциональной ловушкой. В этих условиях бизнес не может осознать нравственного смысла экономической деятельности, что отражается на всем обществе. В дальнейшем с позиций практика говорит о противоположности интересов бизнеса и государства **Андрей Лапин**. Рассуждая о регулировании инновационной деятельности, он отмечает, что эффективные государственно-частные отношения должны носить сетевой характер. Но в России у участников сети отсутствуют общие представления о целях модернизации. Институциональная основа для

них уже существует (единая технологическая платформа, которых к 2012 г. в технологических направлениях создано уже 29), но пока нет системных результатов ее работы.

Ряд авторов анализируют и обратный контур взаимодействия: от бизнеса к государству. **Людмила Ильичева** рассматривает GR (government relation) деятельность как новую цивилизованную форму взаимодействия государство — общество в информационном пространстве, идущую на смену лоббизму. Она также говорит об усилении роли государства в современных условиях, но уделяет первостепенное значение коммуникациям государства как с бизнесом, так и с обществом (public relation). Она указывает на открытость российского государства к такого рода деятельности, отмечая, что в разных культурах сложились разные инструменты взаимодействия и российскому государству необходимо искать свои. **Владимир Постол** разбирает соотношение гражданского общества и экономической власти в современной России. Он напоминает, что гражданское общество несомненно к «третьему сектору», а также призывает к демократизации пирамиды собственности, сформировавшейся в период Перестройки. По убеждению автора, мир сейчас находится в начале периода новой нестабильности, что при правильно выбранной стратегии может существенно подвинуть Россию вперед.

Андрей Дегтярев показывает необходимость научного изучения правил и механизмов взаимодействия государства и бизнеса. Задача GR-менеджера не сводится к мониторингу или реактивной деятельности, его задача — поддержание адекватной внешней среды как условия успешного управления фирмой. Для этого необходимо комплексное понимание «жестких» (законодательных) и «мягких» норм регулирования. Беря за основу неинституционалистский подход, он обосновывает необходимость взаимо-

действия на разных уровнях и в первую очередь «вывести из тени» корпус полуформальных взаимоотношений, описав его и придав цивилизованный характер. Развивая тему необходимости систематической оценки взаимодействия государства и бизнеса, **Михаил Анохин** также задается вопросом о необходимости новых подходов к экономической политике государства. Политическая и экономическая сферы общественной жизни взаимосвязаны, и на пересечении их полей автор видит место новой отрасли науки — экономической политологии, нацеленной на решение задач государственной стабильности, в т.ч. на поддержание нормального функционирования и оптимизацию рыночной системы. Продолжение демократических преобразований должно идти на базе экономической политологии, способной показать населению общую концепцию и стратегию экономической политики.

Оригинальную попытку общего осмысления этой ситуации дает **Валерий Абрамов**, который привлекает для описания текущего кризиса теорию циклического развития общества, в частности, идею Кондратьевских циклов развития. Колебания, вызванные переходом от одного цикла к другому, и вызвали кризисные явления, которые по всему миру отмечаются с 1970-х гг. В то же время в долгосрочной динамике он видит возможность преодоления названных кризисных явлений. Это становление нового технологического уклада, изменение вектора демографического и природно-экологического факторов, новый технологический рывок, переход политической, социальной и культурной сфер в новое состояние.

Прикладники предпочитают в анализе государственно-частного взаимодействия идти от нужд реальной экономики. **Павел Толстых** обращается к научному опыту, где для оценки лоббистских проектов выработано несколько подходов, а результативность этих подходов тести-

рует на материале реальных лоббистских кампаний (страхование гражданской ответственности транспортных средств). Он предлагает ряд критериев оценки лоббистской деятельности по результатам, включая бесконфликтность, своевременность отношений, точность прогнозирования, грамотность определения целей и их достижение и др. Автор признает институционализацию профессионального лоббирования, но констатирует несистематичность, присущую этапу становления отрасли. На примере электроэнергетики **Степан Плиско** анализирует возможности лоббистов в электроэнергетике на федеральном и региональном уровнях. Он считает возможность влияния корпораций-монополистов на выработку и реализацию государственной политики залогом ее финансового благополучия и низких политических рисков для ее руководства. В русле неинституциональной теории автор связывает лоббистские интересы естественных монополий с получением общественных благ. По его мнению, присутствие естественных монополий способствует конституированию специфической институциональной и организационной среды, нормализующей работу государственных органов. **Татьяна Подшибякина** анализирует деятельность разноформатных субъектов «соуправления» на примере Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года. Считая эффективной модель, которая позволит вовлечь в процесс преобразований регионы и институты гражданского общества, автор характеризует реальный характер объединения участников как административно-правовой и иерархической, соответствующий инерционному варианту развития.

Переводя разговор в региональную плоскость, **Елена Галкина** рассуждает о взаимодействии государства и гражданского общества в борьбе с экстремизмом и терроризмом на Северном Кавказе. Она предоставляет примеры консолида-

ции государства и структур гражданского общества, достаточно эффективные, несмотря на несовершенную правовую базу взаимодействия и социокультурные проблемы. **Михаил Жихаревич** анализирует деятельность института региональных Общественных палат на примере Псковской области. Он показывает этот орган в роли успешного медиатора между органами исполнительной власти области и социально ориентированными НКО. В то же время он отмечает отсутствие у Общественной палаты возможностей реального воздействия на власть, что снижает положительные эффекты ее деятельности.

Подробно разбираются в сборнике и отдельные вопросы государственно-общественного взаимодействия. **Галина Авцинова** говорит о проблемах формирования и функционирования гражданского общества в России в целом после избирательного цикла 2011–2012 гг. Она заключает, что государство до сих пор является в России ключевым объектом воздействия гражданских инициатив. Залог успешности общественных организаций — в разумных действиях, которые должны способствовать усилиям государства по построению гражданского общества. **Юрий Ирхин** сравнивает работу инновационного института взаимодействия государства и общества — «электронного правительства» — в разных странах, показывает проблемы его становления в России. Он отмечает, что в отличие от других стран в России активной стороной в электронном взаимодействии является государство, а не граждане. Оценивая готовность регионов к электронному правительству с помощью количественных индексов, он диагностирует неравномерность позиций разных регионов. **Ирина Василенко** задумывается об информационном сопровождении государственной политики. Она убеждена: пока инструменты информирования населения о госполитике используются слабо, говорить о широкой

общественной поддержке будет невозможно. В то же время информационное воздействие должно осуществляться с помощью «мягких технологий», чтобы не вызывать реакцию отторжения.

Еще один региональный опыт, выделенный участниками заседания, — Чукотка, на примере которой **Елена Василенко** рассуждает о корпоративной благотворительности. По ее словам, в России благотворительность из добровольного решения превратилась в своеобразный «социальный налог». Государство активно привлекает бизнес для решения социальных проблем. Новым словом во взаимодействии бизнеса и НКО является венчурная филантропия, которая предполагает, помимо финансовой поддержки, внедрение в деятельность общественных организаций принципов и технологий менеджмента. В другом ключе тему корпоративной благотворительности описывает **Сергей Рогачев**, рассуждая о корпоративной социальной ответственности. В России, в сравнении с развитыми странами, относительно низок уровень жизни и высокая социальная дифференциация. Это, по мнению автора, ставит перед экономической моральной задачей стать «социально-центричной». В отличие от западных коллег, которые обращаются к социальной ответственности ради рекламы, мотивацию наших предпринимателей Рогачев видит в меценатских традициях и в «зове сердца». **Ирина Орлова** рассуждает об инструментах социальной ответственности российского бизнеса в прикладном ключе. Автор описывает технологии управления, эффективные для их реализации, позволяющие не только вести социально значимую деятельность, но и оценивать ее эффекты. В заключение она дает ряд практических советов, нацеленных на повышение эффекта социально ориентированной деятельности в нынешних российских условиях.

Глобальный контекст обсуждению придадут **Владимир Комаровский** и **Люд-**

мила Зайченко, которые анализируют текущие итоги мирового финансового кризиса. Называя кризис неотъемлемой частью социально-экономического развития, они показывают, что систематические последовательные действия государства должны быть направлены на уменьшение частоты и последствий кризисных периодов. Авторы формулируют ряд экономических мер, помогающих современному государству эффективно реагировать на кризисы, смягчая их последствия для собственных граждан. **Николай Старостенков** говорит о влиянии процессов глобализации на государство и общество в России: разрушение обрабатывающей промышленности с соответствующими социальными последствиями, отказ государства от ряда социальных функций, резкая дифференциация доходов, сокращение досуга и духовных потребностей многих граждан. Технократический подход властных структур к решению социальных проблем не способствует уменьшению напряженности.

Шансы России в преодолении эффектов глобального кризиса оценивает **Ольга Абрамова**, сравнивая конкурентную политику стран — участниц Таможенного союза: России, Казахстана и Беларуси. Говоря о необходимости расширения общего нормативного поля для интеграции экономической деятельности, она оправдывает это повышением эффективности каждой из национальных экономик. Приводя примеры из мирового опыта (от Финляндии до Новой Зеландии), автор высоко оценивает шансы тех национальных экономик, которые проводят идеи интеграции на уровне государственной политики. Она отмечает уникальные конкурентные преимущества союза России, Казахстана и Беларуси, которые могут повысить успешность интеграции. **Регина Явчуновская** говорит о глобальном гражданском обществе в контексте безопасности и нейтрализации угроз человечеству. Это ядерная

угроза, потребительское отношение человечества к ресурсам планеты, военные конфликты. Автор также оценивает потенциал органов межгосударственного взаимодействия в решении этих вызовов.

Авторы специальным образом не дали указаний на целевую аудиторию сборника. И все же, как представляется, он будет интересен самому широкому кругу читателей, намечая темы дискуссий как в научном сообществе, так среди практикующих специалистов. Важнейшим при

оценке данного сборника представляется то, что в нем обозначаются конкретные вопросы, относящиеся к «среднему уровню» политики. Это вопросы и проблемы деятельности внутри различных отраслей, взаимодействие не абстрактной «власти», «бизнеса», а четко определенные проблемы государственных, экономических, общественных субъектов, пропущенные через призму науки.

В.А. Быкова

Политология, ориентированная на Восток (о развитии политической науки в Республике Бурятия)

Сегодня по прошествии более двух десятилетий со времени рождения официальной политической науки в России (разумеется, история отечественной политологии насчитывает гораздо более длительный срок) оформился целый ряд научных школ. Помимо известных и авторитетных научных центров в стране действует множество региональных политологических факультетов и кафедр, в них также создаются научные школы. Безусловно, они имеют свои отличительные особенности, что, в принципе, в значительной мере обогащает становление самой науки в России.

Республика Бурятия относится к числу тех региональных центров, где политическая наука стала развиваться сравнительно давно. Одной из первых вообще в Сибири открылась кафедра политологии и социологии в Бурятском государственном университете (в тогдaшнем Бурятском государственном педагогическом институте) в 1991 г. Создание кафедры как самостоятельного учебного и научного подразделения было вызвано включением новых дисциплин «политология» и «социология» в номенклатуру специальностей высшего профессионального образования, включением этих дисциплин в учебные планы, а также потребностью вуза в высококвалифицированных кадрах преподавателей и исследователей политологии и социологии. За этот период кафедрой осуществлено 9 выпусков специалистов-политологов, несколько выпусков специализантов, 5 выпусков бакалавров и 2 выпуска магистров политической науки. Всего за эти годы получили диплом высшей квалификации свыше 220 выпускников.

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Успешно функционирует аспирантура, выпускники которой в большинстве случаев защищают диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук, а также кандидата философских и политических наук в диссертационных советах Д 212.022.01 и Д 212.022.07 при ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». Пополняется кафедра и докторами наук, издаются монографии и учебные пособия, выпускается научный журнал «Вестник БГУ» серии «Философия, социология, политология, культурология», входящий в число рецензируемых изданий. В Бурятском госуниверситете и сформировалась в основном бурятская политология. В республике также функционируют кафедры политологии в Восточно-Сибирском государственном университете технологий и управления и Бурятской государственной сельскохозяйственной академии, существует группа, занимающаяся геополитическими исследованиями в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Таким образом, налицо происходящий процесс профессионализации политологии в данном регионе. В то же время, конечно же, развитие политической науки и расширение спектра политологических исследований сталкивается с рядом серьезных проблем, главная из которых заключается в удаленности от столицы и частичной выключенности от основных событий, связанных с институализацией все еще молодой науки.

На наш взгляд, для того, чтобы понять причины той или иной траектории становления любой молодой науки, необходимо принять во внимание два фактора: 1) каковы исследовательские традиции в этой или смежных науках; 2) какова региональная социально-политическая и

культурная специфика региона, вызывающая и особенности предметных областей исследований.

Разумеется, политологические исследования в Бурятии в советский период проводились в рамках объекта и предмета других наук. Для региональной политологии история и философия являются безусловной научной праматерью, одним из важнейших ее научных направлений всегда выступали вопросы национально-государственного строительства, национального самоопределения и национального движения, национально-культурной политики страны.

Научно-исследовательская деятельность политологов Бурятского государственного университета, с одной стороны, в значительной части продолжает исследовательские традиции региональных обществоведов. Часть исследований кафедры осуществляла в сотрудничестве с другими университетами и исследовательскими центрами в России и за рубежом. Основным партнером, с которым осуществлялось такое тесное сотрудничество по широкому спектру исследований, как раз и есть Институт монголоведения, тибетологии и буддологии СО РАН. Это сотрудничество скреплялось тем, что многие представители академической науки трудились также и на кафедре, что в итоге выливалось в разработку совместных проектов и их реализацию.

С другой стороны, кафедра за эти годы сформировала собственное научно-политологическое направление. Главным направлением исследований за годы становления стала проблема трансформаций политических институтов региона и исследование основных параметров политического процесса, как и каким образом трансформировались основные политические институты, что в них несет в себе элементы традиционного, а что — модернизационного. Прежде всего, изучению подверглись региональные, а затем общенациональные средства массовой

информации, которые сыграли значительную роль в политической трансформации страны. К таким научным трудам относятся работы Э.Д. Дагбаева «Пресса и национально-политический процесс региона» (1994), «Средства массовой информации и власть» (1999), «Средства массовой информации: динамические модели политической коммуникации» (2004)¹. В своих исследованиях автор обосновывает положение о том, что специфика процесса политической коммуникации переходного периода в России состоит во взаимодействии элит и масс, где функции коммуникации становятся политическими функциями, а в результате СМИ становятся посредническими политическими организациями, обслуживающими власть. Процессы же политической коммуникации структурируются институциональными особенностями средств массовой информации, испытывающих воздействие многих факторов — политических, экономических и правовых.

В настоящее время целая группа членов кафедры занята выявлением институциональных основ функционирования политических партий, которые являются производными борьбы политических элит и складывающегося политического режима. Эволюция партий и партийной системы в республике является довольно ситуативной, зависимой как от воли центра, так и от высшего политического класса. Именно об этом идет речь в изданной в университете монографии Б.С. Будаева «Современные политические партии в Республике Бурятия» (Улан-Удэ, 2011). По этой же теме защищена кандидатская диссертация Л.А. Матхеева.

Внимание региональных исследователей сосредоточено и на исследованиях института главы региона и высшего законодательного органа республики, анализе модельных характеристик региональной политической власти и политического режима. В этих исследованиях

установлено, что авторитарный и моноцентричный характер региональной политической власти имеет значительные ограничители, связанные с социальными и культурными факторами. Многие аспекты этих проблем обсуждаются на двух конференциях, постоянно организуемых и проводимых политологами Бурятии, — всероссийской конференции «Современное развитие регионов России: социальные, политические и экономические аспекты» и межрегиональной конференции «Молодежь в избирательном процессе».

Стремление найти объяснение особенностям политических процессов и формам политических установлений вообще — наиболее характерная черта политологов Бурятии. Сам регион представляет уникальную, не похожую на другие территорию, пусть не самую развитую экономически, но имеющую древние политические традиции и культуру. Несомненно, это центральноазиатское влияние. Кроме того, в России Бурятия представляет территорию, где гармонично сосуществуют две конфессии — православная и буддийская, а также мирно и доброжелательно сосуществуют три народа — русский, бурятский и эвенкийский. Отсюда и еще одно важное направление исследований, связанное с этносоциальной и этнополитической тематикой, охватывающей не только территорию Республики Бурятия, но и территории близлежащих территорий. Среди таких работ монография Э.Д. Дагбаева «Институциональный дизайн политических процессов в российских регионах Внутренней Азии и Монголии» (Улан-Удэ, 2011). В этой работе выявлены общие черты и различия в институциональном дизайне регионов, относящихся к Внутренней Азии, а также в сравнительном аспекте и Монголии. При этом автор объясняет различия воздействием многих факторов, одним из которых являются традиции и региональная политическая культура. В тех случаях, когда

в институтах воплощены всем понятные традиционные элементы, эффективность политической власти возрастает.

Отдельной темой политологических исследований является внимание к функционированию политической власти уже «поглощенных» субъектов федерации — Агинского и Усть-Ордынского автономных округов. В частности, на эту тему написаны десятки статей. Проведены конференции, защищены кандидатские диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук по проблемам федерализма и объединения регионов П.В. Манжуктиным и И.Ж. Бадмаевой.

Интересная и довольно актуальная политическая проблематика была отражена в монографии В.Г. Жалсановой «Политическая элита Бурятии на современном этапе» (2003)², где дана комплексная социальная характеристика политической элите республики.

Общее научное положение, которое отстаивает политологическое сообщество Бурятии, состоит в тезисе о том, что политическая природа региональных российских политических институтов имеет историческую и этнокультурную основу, где политические предпочтения и пристрастия определяются в большей степени принципами политической целесообразности и политической адаптации по отношению к общефедеральным политическим процессам.

Активно развиваются политологическое и социологическое направления востоковедных исследований, чему свидетельством реализующийся сейчас политологами БГУ проект «Возвращение России в Монголию».

Происходящие кардинальные изменения в социальной жизни населения региона отражены в выполненном проекте «Этносоциальная стратификация населения Республики Бурятия в условиях изменяющейся России», научных проектах «Сибирская ментальность и идентичность» под руководством д.ф.н., проф.

А.О. Бороноева, «Социальная структура народов Байкальской Азии» под руководством д.ф.н., проф. Ю.Б. Рандалова, в рамках которого разработана концепция специфики трансформации социальной структуры народов Байкальской Азии в период модернизации и глобализации.

Востоковедные политологические и социологические исследования встраиваются в два более широких структурных контекста, связанных с отношениями: а) по линии *регион — центр* и б) *регион — мир*. Форма (модель) региональной идентичности, соответствующим образом вербализованная, а) влияет на систему взаимоотношений региона с Москвой и, соответственно, на его место (роль, миссию и пр.) в поле федеративных отношений и б) вписывается в актуальный контекст международных отношений Российской Федерации, в котором взаимоотношения с восточными партнерами — Китаем, Монголией, Кореей, Японией — являются очень важными.

БГУ считает необходимым освоение нового направления — социально-политические институты и процессы в восточных странах соседях Российской Федерации — Монголии, Китае. Принципиальным является в этой связи изучение этнического самосознания бурятского этноса в инокультурной среде (бурятский этнос является родственным монгольскому, его диаспоры проживают в Монголии и Китае), для чего необходи-

мо создание такой научной инфраструктуры, способной быть эффективной как в образовательной, так и в исследовательской сфере. Элементами такой инфраструктуры выступают профессиональные и общественные объединения студентов, преподавателей и аспирантов в рамках учебной и научной деятельности, общественно-политической деятельности. В настоящее время идет процесс активного сотрудничества с рядом вузов Монголии и Китая.

Настоящий обзор развития кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета, а вместе с ней и политической науки и отчасти социологической в Бурятии позволяет сделать ряд выводов. Политическая наука в регионе находится в стадии становления, но уже функционирует в режиме развития. Для этого созданы необходимые условия и предпосылки, в т.ч. налажены контакты и сотрудничество вузов, включая вузы сопредельных стран. Выбор тем определяется исследовательскими традициями (создание Диссертационных советов тоже ведь возможно при наличии высококвалифицированных кадров, которые работали в русле традиционных исследовательских практик), а также научно-образовательными и практическими потребностями региональной жизни. В этом, наверное, и проявляется «социальный заказ» со стороны общества или, точнее говоря, регионального сообщества.

¹ Дагбаев Э.Д. Пресса и национально-политический процесс региона. Улан-Удэ, 1995 ; Дагбаев Э.Д. Средства массовой информации и власть. Улан-Удэ, 1999 ; Дагбаев Э.Д. Средства массовой информации: динамические модели политической коммуникации. Улан-Удэ, 2004.

² Жалсанова В.Г. Политическая элита Бурятии на современном этапе. Улан-Удэ, 2003.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ

Е.С. Устинович. К вопросу о понятии современной политики государства в сфере информационных технологий

Elena Ustinovich. On the Concept of Contemporary State Policy in the Sphere of IT

Аннотация: В настоящей статье в сопоставительном аспекте рассмотрен вопрос о взглядах зарубежных и отечественных ученых на определение понятия государственной информационной политики. Сформулирован авторский подход к определению понятия политики государства в сфере информационных технологий.

Abstract: Using a comparative perspective the author reviews conceptual approaches of Russian and foreign researchers to the definition of state information policy. Author also formulates her own definition of state policy in the sphere of information technologies (IT).

Ключевые слова: государственная политика, информационные технологии.

Keywords: public policy, IT.

В.М. Алпатов. Языковая политика в современном мире: «одноязычная» и «двухязычная» практики и проблема языковой ассимиляции

Vladimir Alpatov. Language Policy in the Contemporary World: Monolingualism and Bilingualism Practice and Language Assimilation

Аннотация: Многие, что ранее характеризовало языковую ситуацию и языковую политику внутри государств, переносится в связи с глобализацией на международный уровень. Растет значение мировых языков, особенно англий-

ского. Однако глобализация (по крайней мере, в том виде, в каком она существует сейчас) плохо удовлетворяет потребность идентичности для большинства людей (исключая, разумеется, тех, для кого английский язык — материнский). Это может приводить к конфликтам и вообще ставить под сомнение эффективность глобализационных процессов.

Abstract: Much of what previously characterized the language situation and language policy within states is transferred to the international level due to globalization. We are facing the growing importance of world languages, especially English. However, globalization (at least in the form in which it exists now) does not satisfy the need of identification for the majority people (except, of course, those for whom English is a mother tongue). This situation can lead to conflicts and even question the effectiveness of globalization processes.

Ключевые слова: языковая политика, одноязычие, двуязычие, ассимиляция, глобализация.

Keywords: language policy, monolingualism, bilingualism, assimilation, globalization.

А.А. Кирилловых. Организационно-правовые основы выставочной и ярмарочной деятельности

Andrey Kirillovych. Legal Basis of Exhibitions' and Trade Fairs' Organization

Аннотация: В статье рассматриваются основные цели выставок и ярмарок и существенные отличия организационного характера между ними. Выставки и ярмарки понимаются как рыночные мероприятия, на которых демонстрируются и получают распространение товары, услуги и (или) информация и которые

проходят в четко установленные сроки и с определенной периодичностью. В России не существует единого нормативного акта в рассматриваемой сфере. Обращаясь к дореволюционному опыту организации и проведения ярмарок, автор приходит к выводу, что из набора современных организационно-правовых форм юридических лиц наиболее подходящей формой была бы форма некоммерческого партнерства.

Abstract: The article deals with the main aims of exhibitions and trade fairs and essential organizational differences between them. The exhibitions and trade fairs are understood as market activities at which goods, services and (or) information are demonstrated and spread and which are organized at fixed and regular intervals. Russia lacks single legislation in the sphere of exhibitions. Turning to the pre-revolutionary experience of exhibition the article concludes that non-commercial partnership could be the most suitable legal form for exhibitions.

Ключевые слова: выставка, ярмарка, организационно-правовая форма, Россия, законодательство.

Keywords: exhibition, trade fair, legal form, Russia, legislation.

А.Е. Чирикова. Женщина во власти и бизнесе: сравнительный анализ российских и французских практик

Alla Chirikova. Women in Establishment and in Business: Comparative Analysis of Russian and French Practices

Аннотация: В предлагаемой статье рассматриваются особенности продвижения женщин в исполнительной и законодательной власти в России и Франции. Обобщения строятся на материалах 47 глубинных интервью с женщинами, занимающими высшие позиции в иерархии власти, экспертами и кадровыми руководителями. Полученные результаты исследования позволяют вскрыть как об-

щие, так и особенные тенденции, характерные для двух названных стран. В целом исследование позволяет убедиться в том, что если в России карьерное продвижение женщин во власти есть «воля первого лица», то во Франции карьерный рост женщин во власти в большей степени обусловлен осознанным выстраиванием ими персональной стратегии продвижения по карьерной лестнице.

Abstract: The article deals with the peculiarities of women promotion in executive and legislative branches in Russia and France. Generalizations are made on the basis of 47 in-depth interviews with women in higher positions of power hierarchy, experts and chief executives. The study results reveal general and specific tendencies typical for the two countries. The research shows that in Russia the promotion of women in power depends on the 'will of the chief executive' while in France the promotion of women in power is the result of individual career strategies.

Ключевые слова: карьера, барьеры попадания во власть, сравнительный анализ, исполнительная и законодательная власть, партии, особенности мужского и женского менеджмента.

Keywords: career, barriers to power, executive branch, legislative branch, party, gender-related management.

Ли Син, Ван Чэнсин. Стратегия энергетической безопасности Китая в Центральной Азии

Li Xing, Wang Chenxin. China's Strategy of Energy Security in Central Asia

Аннотация: Стратегия возвращения в Азию, выдвинутая США в последнее время, ухудшает атмосферу энергетической безопасности Китая и увеличивает риски для энерготранспортировки из Африки и Ближнего Востока. Диверсификация энергоисточников является разумным стратегическим выбором, поэтому для Китая повышается важность евразий-

ского континента. В повестке дня стратегии энергетической безопасности Китая Центральная Азия уже не играет вспомогательную роль, а служит объектом главного стратегического значения.

Abstract: U.S. recently launched strategy of rebalancing to Asia worsens the atmosphere for China's energy security and increases the risks for energy transportation from Africa and the Middle East. The diversification of energy sources is a reasonable strategic choice, so the importance of the Eurasian continent for China increases. Central Asia does not play anymore a supporting role in the agenda of China's energy security strategy. It is rather becoming a region of major strategic importance.

Ключевые слова: Китай, энергетика, безопасность, Центральная Азия, Евразия.

Keywords: China, energy, security, Central Asia, Eurasia.

Е.В. Колдунова. Роль Шанхайской организации сотрудничества в регионе Центральной Азии: сравнительный анализ исследовательских дискурсов

Ekaterina Koldunova. The Role of Shanghai Cooperation Organization in Central Asia: Comparative Analysis of Research Discourses

Аннотация: Процессы регионального сотрудничества в незападном мире становятся отдельным направлением исследований в рамках международных отношений. В этом плане ШОС представляет собой интересный объект анализа. Все члены этой организации (Россия, Китай, Казахстан, Узбекистан, Киргизстан и Таджикистан) сталкиваются с общими традиционными и новыми угрозами безопасности. Необходимость противодействия этим угрозам создает естественную основу для сотрудничества. В то же время исследователи в России и за рубежом существенно расходятся в оценках результатов практической деятельности ШОС. В статье рассматрива-

ются основные подходы к анализу ШОС в России, Китае, Индии, США и ЕС и обосновывается вывод о том, что различия в восприятии ШОС обусловлены опытом предыдущего регионального сотрудничества указанных игроков и теми целями, которые они преследуют, взаимодействуя со странами Центральной Азии.

Abstract: The analysis of regional cooperation in the non-Western world is attracting increasing attention of IR scholars. The SCO in this respect represents a unique case. It unites two major powers in Eurasia — Russia and China — and four Central Asian states within one regional cooperation framework. All the members share common concerns about traditional and non-traditional security threats. This perception defines a reasonable necessity to cooperate. However the assessments of the cooperation's practical dimension vary significantly among researchers in Russia, China, India and Western countries. Therefore the paper seeks to analyze the key diverging lines in the SCO research discourse. The paper argues that the differences in the research positions are mainly driven by the previous experience of regional or quasi-regional cooperation of the mentioned actors (Russia, China, India, the USA and the EU) and their current political, economic and security aims in cooperation with Central Asian states.

Ключевые слова: ШОС, Россия, Китай, Индия, США, ЕС, региональное сотрудничество.

Keywords: SCO, Russia, China, India, the USA, the EU, regional cooperation.

С.И. Лунев. Развитие образования (базовое и высшее образование, аспирантура) и науки в Китае и Индии

Sergey Lunev. Education (Basic, Higher, and Postgraduate) and Science Development in China and India

Аннотация: Азиатские гиганты в целом добились больших успехов в раз-

витии образования и науки. При этом власти и эксперты отлично понимают слабые места и ставят задачу изменить ситуацию в относительно недалеком будущем. Подобные перемены могут способствовать переносу акцентов на развитие фундаментальной науки, а не только высоких технологий, что позволит сократить отставание Китая и Индии от развитых держав.

Abstract: Asian giants succeeded in general development of education and science. At the same time Chinese and Indian government and experts understand well the disadvantages of their states and formulate the task to change the situation in the upcoming period. Such changes will help to shift the accent in development from high technologies to fundamental science. This will bridge the gap between China and India and developed nations.

Ключевые слова: Китай, Индия, образование, высшее образование, аспирантура, наука.

Keywords: China, India, education, higher education, postgraduate studies, science.

Д.А. Верхотуров, А.А. Верхотуров. Сравнительное правоведение: романо-германские правовые системы в странах АТР

Dmitry Verkhoturov, Andrey Verkhoturov. Comparative Legal Studies: Romano-Germanic Legal Systems in the Asia-Pacific states

Аннотация: Статья посвящена исследованию проблем различий национальных юридических доктрин стран АТР, входящих в романо-германскую правовую семью. Показано, что принадлежность права разных стран АТР к одной и той же правовой семье вовсе не исключает весьма существенных различий между национальными правовыми системами. Обозначены основные тенденции

развития сравнительного правоведения в указанных странах.

Abstract: The article analyzes the differences in the national legal doctrines of the Asia-Pacific countries included in the Romano-Germanic legal family of legal systems. The article shows that various Pacific Rim countries of the same legal family have substantial differences between national legal systems. The article also identifies main trends of comparative legal studies development in these countries.

Ключевые слова: АТР, романо-германское право, сравнительное правоведение.

Keywords: Asia-Pacific, Romano-Germanic law, comparative law.

С.Ю. Колмаков. Сравнительно-правовое исследование свободы слова в России и Китае. Влияние российской правовой системы на китайскую

Stanislav Kolmakov. Comparative Legal Study of the Freedom of Speech in Russia and China. Russian Legal System' Influence on the Chinese Legal System

Аннотация: Анализ особенностей, сходств и различий правовых систем России и Китая в области свободы слова показывает, что Россия является более демократичным государством по сравнению с Китаем в области реализации и защиты права в области свободы слова. Автор заключает, что Россия может влиять на Китай при помощи таких методов, как заключение международных договоров, которые позволяют сотрудничать между нациями, независимо от различий в их государственном и общественном строе, так и продвигать идеи свободы слова с помощью науки.

Abstract: The article analyzes the features, similarities and differences of the legal systems of Russia and China and reveals that Russia is a more democratic state com-

pared to China in the field of protection of the freedom of speech. The author concludes that Russia can influence China by methods of international treaties which allow cooperation between states with different state and social orders and by promoting the ideas of the freedom of expression through research exchanges.

Ключевые слова: Россия, Китай, свобода слова, правовая система.

Keywords: Russia, China, freedom of speech, legal system.

Аннотации подготовлены

**И.Ю. Окуневым, О.Г. Харитоновой,
Е.В. Колдуновой**

ОБ АВТОРАХ

Апатов Владимир Михайлович — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, директор Института языкознания РАН.

Ван Чэнсин — аспирант Пекинского педагогического университета (КНР) (политические науки).

Верхотуров Дмитрий Анатольевич — ассистент кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета.

Верхотуров Андрей Анатольевич — студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета.

Быкова Валентина Александровна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры теории политики и политического анализа факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ.

Кирилловых Андрей Александрович — юрисконсульт, старший преподаватель кафедры экономики Вятской ГСХА и кафедры гражданско-правовых дисциплин филиала СПБИНВЭСЭП.

Колдунова Екатерина Валерьевна — кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, заместитель декана факультета политологии МГИМО (У) МИД России.

Колмаков Станислав Юрьевич — студент юридического факультета Бурятского государственного университета.

Ли Син — профессор, декан факультета международных отношений Пекинского педагогического университета (КНР), заведующий Исследовательским центром по вопросам Евразии.

Лунев Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор МГИМО (У) МИД России и НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН.

Мелкумян Елена Суреновна — доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока РГГУ.

Устинович Елена Степановна — кандидат политических наук, профессор, зав. кафедрой информационных технологий, информационного права и естественнонаучных дисциплин, директор Курского филиала Российского государственного торгово-экономического университета, стажер кафедры национальных и федеративных отношений РАНХиГС.

Чирикова Алла Евгеньевна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

Связь с авторами осуществляется через редакцию.
Контактная информация: e-mail: avtor@lawinfo.ru и sravnitpolit@mail.ru

Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах, могут не совпадать с позицией Редакционной коллегии журнала.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим вас соблюдать следующие требования.

1. Редакционный совет и редакция журнала рассматривают материалы оригинального характера, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами. Они должны быть присланы по электронной почте и представлены в редакцию на бумажном носителе вместе с электронным носителем в следующих объемах:

- статья — 10–25 страниц — 20 000–75 000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами;

- обзор, рецензия, информация — не более 3 страниц;

- иные материалы, либо материалы объемом более 15 страниц — по согласованию с редакцией.

2. При определении объема материала просим исходить из таких параметров:

- текст печатается на стандартной бумаге А-4 через 1,5 интервала;

- размер шрифта основного текста 14;

- сноски можно печатать через 1 интервал;

- размер шрифта 12;

- поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу — 2 см.

3. При ссылках на авторов в тексте следует указать инициалы и фамилию, в сноске — наоборот, сначала фамилию, затем инициалы автора; обязательно привести название публикации, источник — место, год, номер, страница. *Ко всем ссылкам на русском языке необходимо добавлять транслитерацию на английском языке.* Пример: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995) / А.Д. Богатуров. М. : Конверт-МОНФ, 1997 [Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tihom okeane. Istorija i teorija mezhdunarodnyh otnoshenij v Vostochnoj Azii posle vtoroj mirovoj vojny (1945–1995) M. : Konvert-MONF, 1997].

4. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — четырьмя цифрами, т.е., например, 12 декабря 2006 г.), привести в кавычках полное (без сокращений)

наименование (в том числе — не РФ, а Российской Федерации). В этом случае в сноске достаточно указать источник публикации. Можно привести в тексте вид, дату и без кавычек сокращенное наименование акта, дающее правильное представление о документе. Тогда в сноске надо привести полное название акта и источник публикации.

5. Все сноски размещаются после текста статьи. Нумерация сносок сквозная (1, 2, 3 ...).

6. На первой странице материала после заголовка помещаются фамилия и инициалы автора, а в подстрочнике — фамилия, имя, отчество, должность и место работы, ученая степень — при наличии. Например: доцент кафедры (ее название) факультета (название факультета, название вуза), кандидат юридических наук.

7. После заголовка, фамилии и инициалов автора размещается краткая аннотация статьи (не более 3 абзацев) и ключевые слова (не более 5) на русском и английском языках.

8. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал. Здесь же приводятся:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью);

- должность и место работы, учебы (с правильным наименованием факультета, вуза, учреждения и т.п.);

- ученая степень (при наличии);

- точные контактные данные:

- адрес — служебный и (или) домашний, с индексом;

- телефон(ы) (стационарный, мобильный) и факс (с кодом);

- адрес электронной почты;

Статьи и материалы принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответственных кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений, либо двух известных ученых, научного руководителя (для аспирантов).

Статьи необходимо направлять на e-mail по двум адресам: avtor@lawinfo.ru и sravnitpolit@mail.ru или по адресу: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д.26/55, стр. 7.

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.